

Геннадий
Шпаликов

*Пароход
белый-беленький*

БП

Домашняя
Библиотека
Поэзии

Г. Шнапков.

Геннадий Шпаликов

Пароход
белый - беленький

Москва
« ЭКСМО-ПРЕСС »
1998

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ш 83

Составитель *А. Нехорошев*

Оформление художника *Е. Ененко*

Серия основана в 1997 году

Шпаликов Г. Ф.

Ш 83 Пароход белый-беленький: Сборник стихов. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 432 с.

ISBN 5-04-002405-3

В молодости Геннадий Шпаликов бросил фразу, что он проживет до тридцати семи лет, потому что дольше поэту жить неприлично. Мог ли он сам предполагать, что его слова окажутся пророческими и на поистине роковой для русской поэзии цифре оборвется жизнь... Но остались и продолжают жить стихи, рассказы, кинофильмы — его Поэзия в самом высоком значении этого слова.

Настоящий сборник наиболее полно представляет Шпаликова-поэта. Большинство стихотворений публикуются впервые.

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-002405-3

© Составление, оформление. ЗАО
«Издательство «ЭКСМО-Пресс», 1999 г.

* * *

*На меня надвигается
По реке битый лед.
На реке навигация,
На реке пароход.*

*Пароход белый-беленький,
Дым над красной трубой.
Мы по палубе бегали —
Целовались с тобой.*

*Пахнет палуба клевером,
Хорошо, как в лесу.
И бумажка наклеена
У тебя на носу.*

*Ах ты, палуба, палуба,
Ты меня раскачай,
Ты печаль мою, палуба,
Расколи о причал.*

УРОЖДЁН ПОЭТОМ

Как начать мне предисловие к новой книге Геннадия Шпаликова или — послесловие к его жизни?

Некогда, много лет назад, я увидела его веселым, сияющим, источающим сияние: глаз, лица, улыбки.

Я видела его последние, вернее, предпоследние дни. Трагическая, как бы несбывшаяся жизнь, совершенное одиночество, лютаая унижительная нужда.

Я была его товарищ, желала быть вспомогательным другом. Но я не Тот, кто ведаёт жизнью и смертью.

Геннадий Шпаликов урожден поэт. Читатель его вольных стихотворений и всегда подневольных сценариев поймет без моей указки и без моего указания, что Шпаликов — изначально поэт, ищущий воли, не добывший свободы, кроме той, о коей не пишу. А тут еще зависимость от кинематографа, этого ужасного, проклятого «совкино»... Это была подневольность свободолюбивых людей.

Если принять к сведению ума, что это значит: «шестидесятники»? Булата Окуджаву раздражало и огорчало это несправедное сочетание слогов и людей. Геннадий Шпаликов — есть самый хрупкий, трагический силуэт и символ этого промежутка между временем и временем. Некоторые — и я — как-то выжили, прижились. Шпаликов — не сумел, не выжил. Это благородно.

Я полагаюсь на благородство читателей, которые поймут и возлюбят чистоту души поэта, изъявленную в его творчестве, в его жизни и смерти.

Белла Ахмадулина
17 сентября 1998 г.

Курсант Суворовского училища
Гена Шпалников. 1947 г.

Автомобилостроение.

Родился в 1937 г. в сентябре в городе Семенов
в Харамии, где мой отец, военный инженер, стро-
ил Семеновский бумажно-целлюлозный комбинат.

В 1939 году после окончания строительства мы вер-
нулись в Москву.

Осенью 1941 года, как только началась война,
вместе с военно-инженерной ак. им. Куйбышева
(там служил отец) нас эвакуировали в г. Фрун-
зе, позже — вместе с отцом инженер-корпусовиком
Ивановым Федор Григорьевичем.

В конце 1943 г. вернулись в Москву.

29 января 1945 года знакомились г. Подольск, в
Павлове, вместе с отцом инженер-корпусовиком
Ивановым Федор Григорьевичем.

В 1945 г. я пошел в школу — 153 школа Ленин-
градского района г. Москвы.

А в 1947 г. военкоматом Ленинградского района
был назначен в Киевское Суворовское
военное училище.

С 1947 г. по 1955 учился в Киевском
Суворовском военном училище.

В июне 1955 окончил училище и был
назначен в Московское Краснознамен-
ное военное училище им. Верховного Совета
и РЛФСР.

В январе 1956 года на батальонных учениях в аэродроме, наезд, разрыв колено правой ноги и его смерть 1956 году произошел в Хлебниковском военном госпитале.

В марте 1956 г. Окружной медицинский комиссией был признан негодным для дальнейшего пребывания в училище и 7 марта приказом командующего училищем был отменен по состоянию здоровья.

Сейчас в Суворовском училище хранятся фотки, рассказы.

Для военкором окружной газеты "Ленинская звезда". Редактировал ленинскую статью газету и был членом редколлегии литературного журнала училища - "Точка".

В июне 1955 г. в республиканской газете "Голоса Ленинского комсомола" редактором впервые мои фотки - "Оба сражения".

В октябре 1955 г. в той же газете - погубил неизвестный "Ленинские фотки."

Г. Шнапков.

Мой адрес:

г. Москва, - Д-47
ул. Горького 43 кв. 110.

Его стихи, которые писались как бы для себя, для близких друзей, между делом, — постепенно, с годами, набирают силу. Он был хорошим товарищем. У него была душа.

Булат Окуджава

Кем же он был: поэтом, бардом, сценаристом, кинорежиссером? Шпаликов был т а л а н т л и в ы м человеком. За что бы он ни брался, он все делал т а л а н т л и в о. Но самое главное, что ему удалось достичь, что было самым важным свойством его личности, — Шпаликов как никто другой умел объединять вокруг себя людей. Причем разных поколений и профессий. У Гены были товарищи — и молодые ребята, и те, кто был значительно старше, — со всеми он вел себя совершенно естественно и непринужденно...

Владимир Венгеров

✱

Редет круг друзей,
НО — ПОЗОВИ...

✱

«То ли страсти поутихли,
То ли не было страстей, —
Потерялись в этом вихре
И пропали без вестей
Люди первых повестей...»

Кадр из фильма «Застава Ильича».
Сценарий Г. Шпаликова и М. Хуцеева

* * *

Поэтам следует печаль,
А жизни следует разлука.
Меня погладит по плечам
Строка твоя рукою друга.

И одиночество войдет
Приемлемым, небезутешным,
Оно как бы полком потешным
Со мной по городу пройдет.

Не говорить по вечерам
О чем-то непервостепенном —
Товарищами хвастать нам
От суеты уединенным.

Никто из нас не Карамзин —
А был ли он, а было ль это —
Пруды и девушки вблизи
И благосклонные поэты.

* * *

Ах, утону я в Западной Двине
Или погибну как-нибудь иначе, —
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Они меня на кладбище снесут,
Простят долги и старые обиды.
Я отменяю воинский салют,
Не надо мне гражданской панихиды.

Не будет утром траурных газет,
Подписчики по мне не зарыдают,
Прости-прощай, Центральный Комитет
Ах, гимна надо мною не сыграют.

Я никогда не ездил на слоне,
Имел в любви большие неудачи,
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

* * *

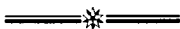
В. П. Некрасову

Ничего не получалось,
Я про это точно знал,
Что всегда доступна частность
И неведом идеал.

Я его однажды видел —
Не во сне, а наяву,
Появился в лучшем виде,
Повалился на траву.

Мы во Внукове лежали,
Отменялся самолет.
Ничего уже не жаль мне,
Жалко вот,
Жаль мне только,
Жалко только
И тогда, да и теперь —
Ничего не знаю толком
О тебе и о себе.

1963 г.

* * *

В. П. Некрасову

Чего ты снишься каждый день,
Зачем ты душу мне тревожишь?
Мой самый близкий из людей,
Обнять которого не можешь.

Зачем приходишь по ночам,
Распахнутый, с веселой челкой,
Чтоб просыпался и кричал,
Как будто виноват я в чем-то.

И без тебя повалит снег,
А мне все Киев будет сниться.
Ты приходи, хотя б во сне,
Через границы, заграницы.

29 октября 1974 г.

ТРОИМ

С.К., Ю.И. и П.Ф.

Сегодня пьем
Опять втроем,
Вчера втроем,
Позавчера —
Все вечера
Втроем.
Четвертый был,
Но он забыл,
Как пел и пил.
Ему плевать,
Ушел вчера,
А нам блевать
Все вечера
ВТРОЕМ.

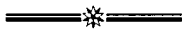
* * *

То ли страсти поутихли,
То ли не было страстей, —
Потерялись в этом вихре
И пропали без вестей
Люди первых повестей.

На Песчаной — все песчано,
Лето, рвы, газопровод,
Белла с белыми плечами,
Пятьдесят девятый год,
Белле челочка идет.

Вижу четко и нечетко —
Дотянись — рукой подать —
Лето, рвы и этой челки
Красно-рыжей благодать.

Над Москвой-рекой ходили,
Вечер ясно догорал,
Продавали холодильник,
Улетали за Урал.

1958—1959 — веселье годы во ВГИКе.
Г. Шпаликов с первой женой, студенткой сценарного факультета
Н. Рязанцевой, и оператором А. Княжинским

* * *

П. Финну

Почто, о друг, обижен на меня?
Чем обделен? Какими сапогами?
Коня тебе? Пожалуйста — коня!
Зеленый штоф, визигу с пирогами.

Негоциантку или Бибигуль?
Иль деву русскую со станции Подлипки?
Избу на отдаленном берегу
Иль прелести тибетской Айболитки?

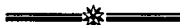
Все для тебя — немой язык страстей
И перстень золотой цареубийцы.
Ты прикажи — и вот мешок костей
Врагов твоих и тело кровопийцы.

УТЕШЕНИЕ

*П.К. Финну — в ночь
бодрости и ужаса*

Смертный, гонимый людьми и судьбой,
расставаяся с миром,
Злобу людей и судьбы сердцем прости
и забудь.
К солнцу последний свой взор обрати, как Руссо,
и утешься:
В тернях заснувшие здесь,
в миртах пробудятся там.

* * *

П. Финну

Друг мой, я очень и очень болен,
Я-то знаю (и ты) откуда взялась эта боль!
Жизнь крахмальна, — поступим крамольно
И лекарством войдем в алкоголь!
В том-то дело! Не он в нас — целебно,
А, напротив, — в него мы, в него!
И нелепо ли бьаше! — а лепо,
Милый Паша, ты вроде Алеко
И уже не помню кого,
Кто свободен руками, ногами,
Кто прощается с Соловками!
А к тебе обращается узник,
Алексеевский равелин...

* * *

П. Финну

О, Паша, ангел милый,
На мыло — не хватило
Присутствия души, —
Известный всем громила
Твое похитил мыло.
Свидетели — ежи,
Два милиционера,
Эсер по кличке Лера,
Еще один шпажист
И польский пейзажист,
Который в виде крыльев
Пивную рисовал,
Потом ее открыли, и они действительно
улетели,
С пивной, так что — свидетелей
не осталось.

* * *

Василию Ливанову

Летняя дорога,
Летние кусты,
Отдохни немного,
Ты или не ты.

Погляди на облако
Или на траву, —
Остальное — побоку, —
Вижу наяву:

Среди поля — дерево,
А на поле — ты.
Верю — неуверенно
В дело доброты.

* * *

Саша, ночью я пришел,
Как обыкновенно.
Было мне нехорошо,
Как обыкновенно.

Саша, темное окно
Не темнело лучше.
Саша, мне нехорошо,
А тебе не лучше.

Ничего я не узнал
Про тебя, любимый.
Только видел я глаза
Мне необходимые.

Весна 1961 г. Все еще впереди...
Выпускники ВГИКа Г. Шпалников, Ю. Файт и А. Княжичевский

* * *

Людей теряют только раз,
И след, теряя, не находят,
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит.

А если он уходит днем,
Он все равно от вас уходит.
Давай сейчас его вернем,
Пока он площадь переходит.

Немедленно его вернем,
Поговорим и стол накроем,
Весь дом вверх дном перевернем
И праздник для него устроим.

ТРИ ПОСВЯЩЕНИЯ ПУШКИНУ

1

Люблю Державинские оды,
Сквозь трудный стих блеснет строка,
Как дева юная легка,
Полна отваги и свободы.

Как блеск звезды, как дым костра,
Вошла ты в русский стих беспечно,
Шутя, играя и навечно,
О легкость, мудрости сестра.

2

Влетел на свет осенний жук,
В стекло ударился, как птица,
Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут,
Я счастлив собираться, торопиться.

Там на столе грибы и пироги,
Серебряные рюмки и настойки,
Ударит час, и трезвости враги
Придут сюда для дружеской попойки.

Редует круг друзей, но — позови,
Давай поговорим как лицеисты
О Шиллере, о славе, о любви,
О женщинах — возвышенно и чисто.

Воспоминаний сомкнуты ряды,
Они стоят, готовые к атаке,
И вот уж Патриаршие пруды
Идут ко мне в осеннем полумраке.

О собеседник подневольный мой,
Я, как и ты, сегодня подневолен,
Ты невпопад кивай мне головой,
И я растроган буду и доволен.

Ноябрь, 1963 г.

3

Вот человеческий удел —
Проснуться в комнате старинной
Почувствовать себя Ариной,
Печальной няней не у дел.

Которой был барчук доверен
В селе Михайловском пустом,
И прадеда опальный дом
Шагами быстрыми обмерен.

Когда он ходит ввечеру,
Не прадед, Аннибал-правитель,
А первый русский сочинитель
И — не касается к перу.

СТИХИ К 8 МАРТА

*С. А. Швейцер
с нежностью и уважением*

*Г. Шпаликов
8 марта 65-го*

В Керчи — как ни кричи,
Бывали неудачи.
Среди других причин
Был мой приезд — тем паче,
Что мой приезд совпал
С делами — не хотелось!
Я невпопад попал,
Не пилось мне, не елось.
И мы не собрались
В кругу, хотя бы узком,
По рынкам разбрелись,
По площадям и спускам.
От пропасти забот
Куда бы нам укрыться?
Скользнуть от дел за борт —
Пусть щелкают нас блицем.
Пусть выставляют нас
Лентями — валяйте!
На зависть, напоказ
Пороками марайте.
Представим: мы встаем

За полдень. Небо ясно.
И руку подаем
Всему, что в мире праздно
Среди забот и тьмы,
Сквозь горе и разлуку
Протягиваем мы
Веселью только руку.
Берем такой почин
И лучшую из истин:
Есть дружба без причин,
Без меры и корысти.
Иное все — тщета,
Иное — распростерто,
Иного — до черта́
От ведьмы и до чёрта.
И жить с иным — не жить
Хотя живем и можем
И пробуем служить,
Но что мы подытожим?
От главка до премьер
Большое расстоянье,
И есть тому пример,
Примеры и сказанья
О том, что мы тогда
И были молодцами,
Но жаль, но вот беда —
Запутались с отцами.
А наш отец — простор,
Дороги — наши сестры,
Над озером костер —
Все это очень просто.
И рядышком лежит —
Рукою не достанешь,

А тронешь — убежит,
И трогать перестанешь.
И тоненький ледок,
И беленький снежок —
Назад к тому дорогу
Не захотел — а сжег.
Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло,
Чтобы не напрасно —
Высоко и красно.

* * *

А. Хохловой

Живу в скворешне Кулешова,
Привет тебе, спокойно спи,
И брата, возрастом меньшого,
Дождем ли, снегом окропи.

Октябрь, 1973 г.

Знаменитая вечеринка в фильме «Застава Ильича».
За спиной Марианны Вертинской Андрей Тарковский.
Это единственная «сыгранная» им роль в кино

* * *

Марианне Вертинской

Выпей со мной, Марьяна,
Из моего стакана.
Пусть тебе снится
Светлая Ницца
И заграница, Марьяна.
Кошки на мягких лапах,
Твой знаменитый папа.

* * *

Хоронят писателей мертвых,
Живые идут в коридор.
Служителей бойкие метлы
Сметают иголки и сор.

Мне дух панихид неприятен,
Я в окна спокойно гляжу
И думаю — вот мой приятель,
Вот я в этом зале лежу.

Не сделавший и половины
Того, что мне сделать должно,
Ногами направлен к камину,
Оплакан детьми и женой.

Хоронят писателей мертвых,
Живые идут в коридор.
Живые людей распростертых
Выносят на каменный двор.

Ровесники друга выносят,
Суровость на лицах храня,
А это — выносят, выносят, —
Ребята выносят меня!

Гусиным или не гусиным
Бумагу до смерти марать,
Но только бы не грустили
И не научились хворать.

Но только бы мы не теряли
Живыми людей дорогих,
Обидами в них не стреляли,
Живыми любили бы их.

Ровесники, не умирайте.

1959 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЭРОДРОМЕ

1

На скамейке аэродрома, —
Я — дома.
Домодедово — тоже дом.
А чужие квартиры — лиры,
И скамейки — они квартиры,
Замечательные притом.

2

Я обожаю пропадать,
В дома чужие попадать,
С полужнакомыми сидеть,
В их лица праздные глядеть.

3

Скамейки бывают печальные,
Зеленые, снежные, спальные.
Скамейки бывают из кожи, —
Из кожи — они подороже.
Скамейки бывают из жести, —
Но тело и душу уместят.

4

В Домодедово — красиво,
Домодедову — спасибо.

1973 г.

* * *

А. Княжинскому

Ударил ты меня крылом,
Я не обижусь — поделом,
Я улыбнусь и промолчу,
Я обижаться не хочу.

А ты ушел, надел пальто,
Но только то пальто — не то.
В моем пальто под белый снег
Ушел хороший человек.

В окно смотрю, как он идет,
А под ногами — талый лед.
А он дойдет, не упадет,
А он такой — не пропадет.

ОЙСТРАХУ

Годами когда-нибудь в зале концертном
Мне Брамса сыграют — тоской изойду.

Пастернак

Амстердам, Амстердам,
Черная аорта,
Вам живого не отдам,
Забирайте мертвого.

Тело в ящик погрузив,
В некой «Каравелле», —
А по ящичку вблизи
Мы в Москве ревели.

Страшно в городе чужом
Помирать, наверно,
Форточка — и нагишом —
Падать безразмерно.

Вне размера, вне, вовне,
Позевайте — падаль, —
Белый, синий, красный снег
В Амстердаме падал.

Октябрь, 1974 г.

* * *

Ю. Файту

Хочешь, нервы трепанем
Одой или тропарем, —
Не видать тебе деньги,
Руки в брюки и — беги.

Или совесть продавай
(Только если купят),
Вот мораль — не поддавай
С этой бандой вкупе.

* * *

Сентиментальное путешествие,
Или, бедная Лиза,
Или, что вам, читатель,
В голову придет.

О, как все это было долго;
Особо, по контрасту,
Когда одетый во все
Лежишь на второй полке.

Когда ты забыл, кто ты,
А помнишь товарищей,
Улицы, снег (вдруг)
И все.

Когда ты, — Господи? — где ты?
Где я? —
В общем, в общем вагоне, —
Еду.

1968 г.

«...Но только бы мы не теряли
Живыми людей дорогих,
Обидами в них не стреляли,
Живыми любили бы их.

Ровесники, не умирайте».

А. Тарковский, Г. Шпаликов, В. Духиня

* * *

Просыпаюсь и хожу
Первый раз за эту зиму,
Самому себе служу —
Ежели необходимо.

Отпадает, если вдруг
В службе той необходимость, —
Лени сладостный недуг
Озаряет нелюдимость.

Собеседник под рукой
За щекою, под подушкой,
Улыбнется не в укор
И задремлет простодушно.

Не дослушает, зато
Дремлет, не перебивая.
Потому за маетой
И такого не бывает.

70-е гг.

Ах, улицы,
единственный
приют

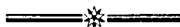

«Мне кажется — не я по ним иду
А подчиняюсь, двигаю ногами,
А улицы ведут меня, ведут
По заданной единой программе».

Бездомные завидуют тем, у кого есть дом, а те — завидуют бездомным, потому что им кажется, что проще и веселее вообще не иметь никакого дома, никаких обязанностей и ни перед кем, а я не знаю, кому я завидую.

Геннадий Шпаликов

* * *

Не принимай во мне участия
И не обманывай жильем,
Поскольку улица, отчасти,
Одна — спасение мое.

Я разучил ее течение,
Одoleвая, обомлел,
Возможно, лучшего леченья
И не бывает на земле.

Пустые улицы раскручивал
Один или рука в руке,
Но ничего не помню лучшего
Ночного выхода к реке.

Когда в заброшенном проезде
Открылись вместо тупика
Большие зимние созвездья
И незамерзшая река.

Все было празднично и тихо
И в небесах и на воде.
Я днем искал подобный выход,
И не нашел его нигде.

Как-то раз, переживая очередные финансовые трудности, не удивительные для сценариста, он сказал в шутку: «Если бы я с каждого, кто поет «А я иду, шагаю по Москве», собрал по рублю, я бы стал миллионером».

П. Финн

«Бывает все на свете хорошо...»
Кадр из фильма «Я шагаю по Москве».
Сценарий Г. Шпаликова.
Режиссер Г. Данелия

* * *

Бывает все на свете хорошо, —
В чем дело, сразу не поймешь, —
А просто летний дождь прошел,
Нормальный летний дождь.

Мелькнет в толпе знакомое лицо,
Веселые глаза,
А в них бежит Садовое кольцо,
А в них блестит Садовое кольцо,
И летняя гроза.

А я иду, шагаю по Москве,
И я пройти еще смогу
Соленый Тихий океан,
И тундру, и тайгу.

Над лодкой белый парус распушу,
Пока не знаю, с кем,
Но если я по дому загрузу,
Под снегом я фиалку отыщу
И вспомню о Москве.

МОЖАЙСК

В желтых липах спрятан вечер,
Сумерки спокойно сини,
Город тих и обесцвечен,
Город стынет.

Тротуары, тротуары
Шелестят сухой листвою,
Город старый, очень старый
Под Москвою.

Деревянный, краснокрыший,
С бесконечностью заборов,
Колокольным звоном слышен
Всех соборов.

Полутени потемнели,
Тени смазались краями,
Переулки загорели
Фонарями.

Здесь остриженный, безусый,
В тарантасе плакал глухо
Очень милый, очень грустный
Пьер Безухов.

1956 г.

Он удивительно знал и понимал город, язык улиц, всю простоту и отсутствие условностей вольной городской жизни. С одной стороны — Пушкин, Лев Толстой, декабристы — но тут же: маечки-футболочки, ребята с фабричных окраин — все соединялось внутри Шпаликова в какой-то странный, но драгоценный сплав...

Павел Фини

* * *

Ах улицы, единственный приют,
Не для бездомных —
Для живущих в городе.
Мне улицы покоя не дают,
Они мои товарищи и вороги.

Мне кажется — не я по ним иду,
А подчиняюсь, двигаю ногами,
А улицы ведут меня, ведут,
По заданной единожды программе.

Программе переулков дорогих,
Намерений веселых и благих.

Декабрь, 1963 г.

БАТУМ

Работа нетяжелая,
И мне присуждено
Пить местное, дешевое
Грузинское вино.

Я пью его без устали,
Стакан на свет гляжу,
С матросами безусыми
По городу брожу.

С матросами безусыми
Брожу я до утра
За девочками с бусами
Из чешского стекла.

Матросам завтра вечером
К Босфору отплывать,
Они спешат, их четверо,
Я пятый — мне плевать.

Мне оставаться в городе,
Где море и базар,
Где девочки негордые
Выходят на бульвар.

САДОВОЕ КОЛЬЦО

Я вижу вас, я помню вас
И эту улицу ночную,
Когда повсюду свет погас,
А я по городу кочую.

Прощай, Садовое кольцо,
Я опускаюсь, опускаюсь
И на высокое крыльцо
Чужого дома поднимаюсь.

Чужие люди отворят
Чужие двери с недоверьем,
А мы отрежем и отмерим
И каждый вздох, и чуждый взгляд.

Прощай, Садовое кольцо,
Товарища родные плечи,
Я вижу строгое лицо,
Я слышу правильные речи.

А мы ни в чем не виноваты,
Мы постучались ночью к вам,
Как все бездомные солдаты,
Что просят крова по дворам.

* * *

От мороза — проза
Холодеет так,
Розовая рожь,
Вскинутый пятак.

Чет не чет,
А, может, черт, —
Может, все возможно,
Если улица течет
У тебя подножно.

Если улицы, мосты,
Переулки, лестницы, —
Навсегда в себя вместил
Все во мне поместится.

Все поместится во мне,
Все во мне поместится, —
Онемею — онемел, —
Переулки, лестницы.

«Риторический вопрос
И отчасти глупый —
Для чего я жил и рос,
Не рассмотришь в луну».

Кадр из фильма «Я шагаю по Москве»

* * *

Я шагаю по Москве,
Как шагают по доске.
Что такое — сквер направо
И налево тоже сквер.

Здесь когда-то Пушкин жил,
Пушкин с Вяземским дружил,
Горевал, лежал в постели,
Говорил, что он простыл.

Кто он, я не знаю — кто,
А скорей всего никто,
У подъезда, на скамейке
Человек сидит в пальто.

Человек он пожилой,
На Арбате дом жилой, —
В доме летняя еда,
А на улице — среда
Переходит в понедельник
Безо всякого труда.

Голова моя пуста,
Как пустынные места,
Я куда-то улетаю
Словно дерево с листа.

1963 г.

ПЕРЕД СНЕГОМ

Такой туман, и мост исчез.
Рукой прохожего узнаешь через дождь
Когда над незнакомою рекой
По незнакомой улице идешь.

Все незнакомо, все переменялось,
А час назад, до первых фонарей,
Все тосковало,
Все непогодой,
Слякотью томилось, —
И тьмы звало, и все же становилось
И на душе и в небесах — смурней.

Декабрь, 1973 г.

* * *

В темноте кто-то ломом колотит
И лопатой стучится об лед,
И зима проступает во плоти,
И трамвай мимо рынка идет.

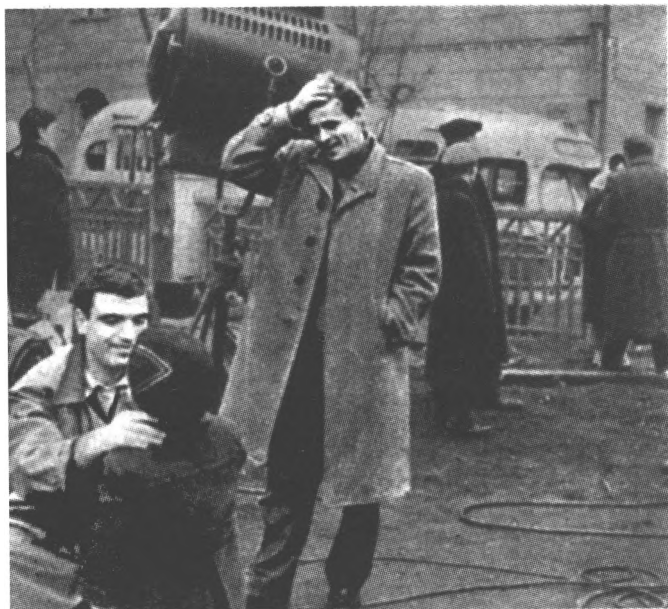
Безусловно все то, что условно.
Это утро твое, немота,
Слава Богу, что жизнь многословна,
Так живи, не жалея живота.

Я тебя в этой жизни жалею,
Умоляю тебя, не грусти.
В тополя бы, в июнь бы, в аллею,
По которой брести да брести.

Мне б до лета рукой дотянуться,
А другою рукой — до тебя,
А потом в эту зиму вернуться,
Одному, ни о ком не скорбя.

Вот миную Даниловский рынок,
Захочу — возле рынка сойду,
Мимо крынок, корзин и картинок,
У девчонки в капустном ряду

Я спрошу помидор на закуску,
Пошагаю по снегу к пивной.
Это грустно, по-моему, вкусно,
Не мечтаю о жизни иной.

Г. Шпаликов и В. Туров
на съемках фильма «Звезда на пряжке».
Автор сценария Г. Шпаликов

* * *

Вчерашний день погас,
А нынешний не начат,
И утро, без прикрас,
Актрисою заплачет.

Без грима, нагишом,
Приходит утром утро,
А далее — в мешок —
Забот, зевот... И мудро —

Что утро настает,
И день не обозначен,
И ты небрит и мрачен.
Светлеет. День не начат,
Но он пешком идет.

* * *

Далеко ли, близко
Прежние года,
Девичьи записки,
Снов белиберда.

Что-то мне не спится,
Одному в ночи —
Пьяных-то в столице!
Даром, москвичи.

Мысли торопливо
Мечутся вразброд:
Чьи-то очи... Ива...
Пьяненький народ.

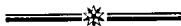
Все перемешалось,
В голове туман...
Может, выпил малость?
Нет, совсем не пьян.

Темень, впропалую,
Не видать ни зги.
Хочешь, поцелую —
Только помоги.

Помоги мне верный
Выбрать в ночи путь
Доберусь, наверное,
Это как-нибудь.

Мысли торопливо
Сжал — не закричи!
Чьи-то очи... Ива...
Жуть в глухой ночи.

27 июля 1954 г.

«Мы вернемся, когда наскучит
Жизнь с медведями, без людей,
В город мокрый и самый лучший,
В город осени и дождей».

А. Локтев в фильме «Я шагаю по Москве»

ПЕСНЯ

С паровозами и туманами
В набегающие поля
На свидания с дальними странами
Уезжаем и ты и я.
Уезжаем от мокрых улиц,
Безразличия чьих-то глаз,
Парусами странствий надулись
Носовые платки у нас.
Мы вернемся, когда наскучит
Жизнь с медведями, без людей,
В город мокрый и самый лучший,
В город осени и дождей.

1955 г.

* * *

Эта улица тем хороша
Удивительной этой зимою —
Независимо и не спеша
Возвращается улица к морю.

Поверну за углом — а потом
Эту синюю воду увижу.
А потом? А потом — суп с котом,
Я не знаю, что будет потом,
Но я знаю, я понял, я — выжил.

«...Я не знаю, что будет потом,
Но я знаю, я понял, я — выжил».

ОСТРОВА В ОКЕАНЕ

Я от вас отставал, острова,
И негаданно, и нечаянно, —
Не летела туда голова —
Надоевшая и печальная.
А летела она через мост,
В переулки, печали и улицы, —
Где не горе вставало в рост,
Не сутулясь и не сутуляся.
Там летела, без дела, листва,
Дом стоял, от беды перегруженный,
Я на улице этой привстал,
Слава Богу, тобой разбуженный.

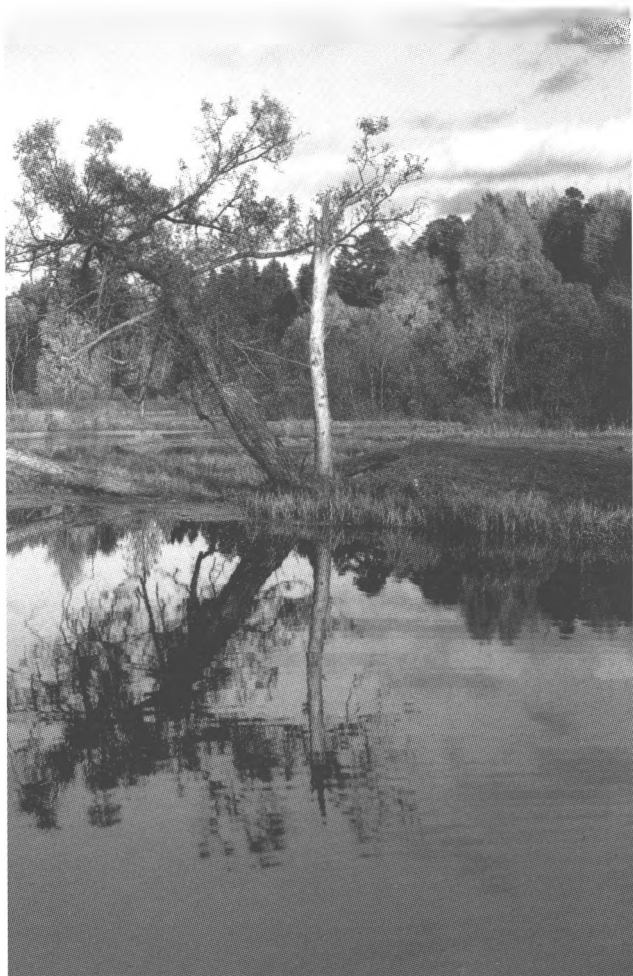
Октябрь, 1974 г.

Нет названья
у ВОДЫ

«...Здесь задумчивый лес томится,
Здесь смолою пропитан воздух,
А захочешь воды напиться —
В котелке заплескают звезды».

Моему отцу нравилось рисовать снег на закате, весной.

Вернее, он писал, красками на холсте, и все время: снег, закат, желтизну неба, розовый снег по берегам освобожденной ото льда реки и ее темную воду, еще более темную между снежных берегов, мост, низкий, деревянный, и деревья, тоже весенние, темные, на желтизне неба, но это (я знаю) — март, долгий месяц, спокойный, с электричками, пригородом, пивом на платформах — поворот кружки вслед уходящему поезду, и смотреть через окна пивной, как мелькают вагоны, сплошной, все убыстряющийся ряд стекол, полосой, уходящий вправо, лица за ними, смазанные, пиво бочковое, дуть на пену, доставая ту самую желтизну, пиво чудесное, холодное, еще зима, ехать никуда не надо — и пошли пешком, по берегу, через мост, с газетами, купленными на платформе, не открывать их, не читать — все после, потом, в постели, со светом, при электрическом свете, но, однако, имея еще и естественное освещение за окном, голубоватое, весеннее, такое весенне-апрельское, что мне становится страшно за себя, я помню все эти освещения, улицы, фонари, горящие при естественном освещении, чудесно все, мягкое освещение, сумасшедшее небо, воздух, кинотеатры, толпа, идущая навстречу, и за мной толпа, апрель.

Геннадий Шпаликов. Из дневников

«...Татарово, я не ревную
Ту лодку, мою надувную,
То лето, ту осень, те годы,
Те баржи и те пароходы...»

* * *

Рано утром волна окатит
Белоснежной своей водой,
И покажется в небе катер
Замечательно молодой.

Мимо пристаней и черешен,
Отделенный речной водой,
Появляется в небе леший
Замечательно молодой.

Драют палубу там матросы,
Капитана зовут на «ты»,
И на девочек там подросток
Сыплет яблоки и цветы.

Ах, как рады марины и кати
В сентябре или там — в феврале,
Что летает по небу катер,
По веселой, по круглой земле.

Не летучим себе, не голландцем,
А спокойно, средь бела дня,
Он российским летит новобранцем,
Он рукою коснулся меня.

Пролетая в траве или дыме,
Успевают трубой проорать —
Молодыми жить, молодыми —
Молодыми — не умирать.

Ах, ты катер, ты мой приятель
Над веселием и бедой,
В белом небе весенний катер
Замечательно молодой.

СТИХИ 7 ОКТЯБРЯ

Почему и во всем непременно
Мне охота себе объяснить
И осенней воды перемену,
И осоки железную нить?

По ту сторону речки, над лесом
Появилась во мне и сама
Мелочами своими воскресла
Незабвенная эта зима.

На ледяной реке
Следы, дымы и звуки,
И варежка в руке
Предчувствием разлуки.

А солнце в январе —
Из-за того же леса,
А я на лед смотрел —
Мне это интересно.

* * *

Отпоют нас деревья, кусты,
Люди, те, что во сне не заметим,
Отпоют окружные мосты,
Или Киевский, или ветер.

Да и степь отпоет, отпоет,
И товарищи, кто поумнее,
А еще на реке пароход,
Если голос, конечно, имеет.

Басом, тенором — все мне одно,
Хорошо пароходом отпетым
Опускаться на светлое дно
В мешковину по форме одетым.

Я затем мешковину одел,
Чтобы после, на расстоянье,
Тихо всплыть по вечерней воде
И услышать свое отпеванье.

Декабрь, 1973 г.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕНИНГРАДЕ 65 ГОДА

Все трезво. На Охте.
И скатерть бела.
Но локти, но локти
Летят со стола.

Все трезво. На Стрелке.
И скатерть бела.
Тарелки, тарелки
Летят со стола.

Все трезво. На Мойке.
Там мост да канал.
Но тут уж покойник
Меня доконал.

Ах, Черная речка,
Конец февраля,
И песня, конечно,
Про некий рояль.

Еще была песня
Про тот пароход,
Который от Пресни,
От Саши плывет.

Я не приукрашу
Ничуть те года.
Еще бы Наташу
И Пашу — туда.

ПЕРЕДЕЛКИНО

Меняют люди адреса,
Переезжают, расстаются,
Но лишь осенние леса
На белом свете остаются.

Останется не разговор
И не обиды — по привычке,
А поля сжатого простор,
Дорога лесом к электричке.

Меж дач пустых она вела, —
Достатка, славы, привилегий, —
Телега нас обогнала,
И ехал парень на телеге.

Останется — наверняка —
В тумане белая река,
Туман ее обворожил,
Костром на берегу украсил,
На воду бакен положил —
Движение обезопасил.

* * *

Сквозь, насквозь,
А на устах невинных
Сквозь изморозь —
Море голосов воробьиных

О, этот прибой,
Еле, но различимый,
Что мне поделать с тобой,
Если неизлечимо...

Январь, 1974 г.

* * *

Рите Синдерович

Самолеты, как мороженые рыбы,
Шереметьево ночное, ты прости —
От полета до полета перерывы
Начинают удлиняться и расти.

Улетаю я все реже и все реже.
Шереметьево, могу я передать —
Самолетам удивление и нежность, —
Удивление — возможностью летать.

СЕНТЯБРЬ

Ю. Файту

О чем кричит во тьме сова?
Какие у нее слова?
Спроси об этом у совы
На «ты» или на «вы».

На «вы» спросить, переспросить,
На «ты» — невежливо спросить,
Поскольку женщина сова
И у нее свои права.

Иду дорогой через лес,
Держу ружье наперевес.
Охотник я. Но где же дичь?
Где куропатка или сыч?

Хотя съедобны ли сычи,
Про то не знают москвичи.

Но я — неважный гастроном,
Давай зальем сыча вином!
Мы славно выпьем под сыча
Зубровки и спотыкача!

Прекрасен ты, осенний лес, —
Какая к черту мне охота!

Пересеку наперерез
Твои осенние болота.

Товарищ дал мне сапоги —
Размеры наши совпадают, —
Подарок с дружеской ноги
Сейчас в болоте пропадает!

Но притяжение болот
Мы все-таки преодолеем, —
Тому надежда и оплот,
Что силу воли мы имеем.

Мы — это я и сапоги,
Подарок с дружеской ноги.

Они ходили с малых лет
Через болота и овраги,
А покупали их в сельмаге, —
Для них асфальт — уже парке

Люблю я эти сапоги,
Заклеенные аккуратно,
Подарок с дружеской ноги —
Я не верну его обратно.

Уже светлеет. Переход
От тени к свету непонятен, —
Число полутонов растёт,
А воздух влажен и приятен.

Рога трубят? Рога трубят...

* * *

Моя веселость неуместна,
Но все на самом деле так, —
Я узнаю свободно местность,
Где шаг за шагом — Пастернак.

Совпали зимние закаты,
Полями девушек следы,
«они их валенками вмяты,
от слободы до слободы...»

И улыбаюсь я невзросло,
А потому что за ручьем,
На самом деле, эти сосны
И я ладонью перечел.

* * *

Я сомнения откину,
Посреди большого дня
Сяду, сяду я на льдину —
Льдина вынесет меня.

Лед, лед
Ладогой плывет.

Меня льдина выручает,
Я спрошу ее потом,
Куда вынесет, причалит,
Под каким пройдет мостом.

Лед, лед
Ладогой плывет.

У меня судьба простая —
Значит, так тому и быть —
Пока льдина не растает,
Мне по речке этой плыть.

Лед, лед
Ладогой плывет.

Милый, ты с какого года?
И с какого парохода?
Ни ответа, ни привета,
А на речке тает лед.

Лед, лед
Ладогой плывет.

* * *

Я пуст, как лист,
Как пустота листа.
Не бойся, не бойсь —
Печаль моя проста.

Однажды, наравне,
Заговорила осень,
И это все во мне,
А остальное сбросим.

Пусть оно плывет
Все это, — даже в лето,
Безумный перелет —
Но в это, в это, в это...

«По желтой, по синей
Осенней воде
Течением слюсимвый,
Кончается день.

Он невыносимый
Тоской по тебе,
По желтой, по синей
Осенней воде».

Кадр из фильма «Долгая счастливая жизнь».
Автор сценария и режиссер-постановщик Г. Шпаликов

* * *

Все лето плохая погода,
Звучит этот вальс с парохода,
Над пляжем, над шлюзом, над домом
И Тушинским аэродромом.

А в Тушине — лето как лето, —
И можно смотреть без билета,
Как прыгают парашютисты —
Воздушных парадов артисты.

То в соснах они пропадают,
То в речку они попадают, —
Тогда появляется катер
С хорошим названьем — «Приятель».

На катере ездят все лето
Спасатели в желтых жилетах,
Спасатели душ неразумных —
Раздетых и даже разутых.

Татарово, я не ревную
Ту лодку, мою надувную,
То лето, ту осень, те годы,
Те баржи и те пароходы.

Татарово, я не ревную
Погоду твою проливную,
И даже осенние пляжи —
Любимые мною пейзажи.

ТИШИНА

Разная бывает тишина.
Тишина рассветов над озерами,
Очень тихо, когда весна
Землю набивает зернами.

Мне же запомнилось больше всех,
Как, тишиной пронизан,
Медленно кружится талый снег
И засыпает карнизы.

1956 г.

ОБВИНЕНИЕ ДОЖДЮ

Откуда у неба столько воды,
Тут помутнеешь в рассудке,
Дождь, наливая с краями пруды,
Хлещет вторые сутки.

Погода сама говорит за то,
Что в этот безбожный век
Скоро будет Всемирный потоп
И нужно строить ковчег.

Кто там, на небе,
 давай, разберись,
Пожалуйста, не авральте.
Нам ведь не сеять
 китайский рис
На залильном асфальте.

1957 г.

СОН

Там, за рекою,
Там, за голубою,
Может, за Окою
Дерево рябое.

И вода рябая,
Желтая вода,
Еле выгребаяю,
Я по ней плыву,
Дерево рябое
На том берегу.

Белая вода —
Ты не море,
Горе — не беда,
Просто горе.

* * *

Обожал я снегопад,
Разговоры невпопад,
Тары-бары, растабары
И знакомства наугад.

Вот хороший человек,
Я не знаю имя рек,
Но у рек же нет названья
Их придумал человек.

Нет названья у воды,
Нет названья у беды,
У мостов обвороченных,
Где на лавочках следы.

Декабрь, 1973 г.

ПЕСЕНКА ВО СНЕ

Что мне сутулиться
Возле моста?
Стану я улицей,
Если не стал.

Вижу не пристально,
Из-под руки, —
Стану я пристанью
Возле реки.

Во всеуслышанье
Все повторим:
Возле Камышина,
Сразу за ним, —
Доски проложены,
Врыта скамья, —
Все, как положено,
Пристань моя.

Ночь не пугает,
Звуки слышны,
Бакен мигает
Из-под волны.

После восхода
Мне из-за плеч
Вдруг парохода
Ясная речь.

Если об сваи
Стукнет арбуз, —
Уха ли краем,
Может, проснусь.

Октябрь, 1973 г.

* * *

Ночью от холода бросит в дрожь,
А ветер подует лишь —
И крупными каплями падает дождь
С неба, а может — с крыш.

Звезды мерцают и, как всегда,
Мигая, ведут разговор.
А может быть — каждая — не звезда,
А уличный светофор?

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Загорелым, обветренным и босым
Выскочил он под дождь,
От современности — только трусы,
А так — африканский вождь.
Пренебрежительно глянул на нас,
Вытер ладонью нос
И пустился по лужам в дичайший пляс
С удовольствием и всерьез.

1956 г.

ВОСПОМИНАНИЕ ПРО УТРО

Называлось место: Плес,
Начиналась осень,
Кто меня туда занес,
Одного забросил?

Было около пяти
И светлело еле,
Воздух голову мутил,
Как «Ракацетели».

Не упасть, глотаю власть
Свежесть, тлен и сырость,
Осень только началась,
Только совершилась.

Это было или нет
В мире беспредельном?
Осень, мелочи примет,
Каждая отдельно.

А по мне — они все те ж,
Каждой, вне порядка,
Улыбаюсь в темноте
И зеваю сладко.

1973 г.

* * *

Серое, синее небо,
Дождь на себя похож.
Серое, весеннее небо,
Городской дождь.

В апреле, на разные шляпы,
На ветром вывернутые зонты
Он капал себе по капле
И был со мною на «ты».

Апрель, 1974 г.

СНЕГ В АПРЕЛЕ

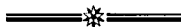
И я вступаю, как во сне,
В летящий на закате снег.

Уже весна. Летит прощально
Над миром света пелена.
Любимая удивлена,
По телефону сообщая,
Что выпал снег.

Как описать его паденье,
Замедленный его полет?
Да, снег идет не в наступленье
Он отступает, но идет.

Летит он тихий, ненахальный,
Иной у снега цели нет —
Чтобы рукою помахали
Ему, летящему, вослед.

1964 г.

* * *

Переводы, переключки,
Одному — одной, —
Это после, это лично, —
Скатертью льняной.

Это после, это позже, —
Это опосля.
А пока что — дождик, дождик
Сыплет опосля.

Октябрь, 1974 г.

ВЕСНА И ДУША — В СНЕГ

*О, весна без конца и без края,
Без конца и без края весна.*

А.Блок

Будет все: на речке лед,
Ледяная в ночь растает,
Это все произойдет,
А пока что помотает,
А пока что, через снег,
Мало ли душа увидит, —
На нее я не в обиде —
У нее полно помех.

Доверяю я душе,
Все порывы разделяю, —
Но она — мое клише, —
И не путай, умоляю.

Где она, моя душа, —
Я отдельно, рядом с телом, —
Снегом об себя шурша
По мосткам обледенелым.

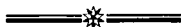
* * *

Ах, путь короткий или долгий
Мы поднимаем якоря.
Ах, есть еще морские волки
И неоткрытые моря.

Вот ветром северным подуло,
И от акул бегут киты,
А мы ударим по акулам,
Ну, а с китами мы на «ты».

Кому сегодня что приснится,
Кому что в голову придет,
А мне подводная царица —
Она поблизости живет.

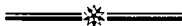
А наши девочки не с нами,
А по далеким по домам.
А мы морями и волнами,
Сегодня здесь, а завтра там.

ЗВЕЗДНОЕ ОЗЕРО

У деревни лают собаки,
Ночь повисла над водоемом,
И костер на воде — как факел
С желтоогненным окоемом.

Здесь задумчивый лес толпится,
Здесь смолою пропитан воздух,
А захочешь воды напиться —
В котелке заплескают звезды.

* * *

Пускай на ветер
Летят слова,
А день был светел,
И я плевал,
Что только ветер
Ловил слова.

Пускай колодец,
Разинув рот,
Бадьей колотясь,
Переведет.

Строфой — об бревна
Летит бадья.
Строфа неровна,
Неровен я.

1974 г.

РЕКА

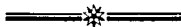
Напишу я про реку,
На прощанье,
А реке — как руке,
Завещанье.

А руке, как руке —
Дотянуться, —
До того, что невдалеке —
Близко!

А реке (вот, река, да, река) —
Близко, на самом деле, —
Рука — река — облака,
Ока — и око;

Завещания писать
Каждый день — надо, —
Над судьбой своей плясать —
Радость.

70-е гг.

* * *

А когда становилось уже совсем невыносимо, ну вот так уж становилось невыносимо, оставалось в запасе одно средство, оставалось пойти в автомат на Киевской и выпить два или три стакана белого крепленого проклятого благословенного общедоступного портвейна №14 по жетону №25 и с билетом в кармане сойти на речной трамвай, по сходням, по трапу, под развевающимися флагами, под плеск волн о причал, под выпитый портвейн — сойти и поплыть.

Итак, чайки машут крылами, вода блестит, рябит, впереди у поворота медленно разворачивается баржа — плывем.

О, ветер верхней палубы, который пронесится между ее крашенных садовых скамеек по закрытым от блаженства глазам пассажиров!

О, Парк культуры им. Горького (сначала — о, Нескучный сад), который вмещает в себя столько полезного и бесполезного.

О, Крымский мост, столь величественно встающий на горизонте!

Будьте прокляты эти дни. Будьте прокляты речные трамваи, я бы взорвал их всех вместе, я знаю, где они стоят по ночам, давайте я их взорву.

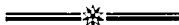
Итак, одним отречением на земле стало больше. Здравствуйте, Галилей! Здравствуйте, цари, которые отреклись от престолов!

Этажом выше надо мной по моему потолку ходит человек в три часа ночи. Мне все отлично слышно — каждый его шаг. Что ему надо так рано ходить, чего ему вздумает

лось? Я лежу в постели, смотрю в потолок, слышу, как он там ходит, а, собственно, почему я смотрю в потолок в три часа ночи, смотрю, как идиот, уставился в потолок, подумаешь, кто-то ходит.

Мы еще придем сюда, поплывем по реке весной или осенью, или осенью пойдем, пока не закрыли заведение, выпьем пива под навесом, посматривая, как дождь льет на открытые желтые столики. Все сидят под навесом, но всегда найдется такой, кто обязательно сядет под дождь есть шпекачки, чтобы дождь лил ему в кружку, но это уже не так важно, пусть льет: к тому времени чешское пиво кончается, а жигули не жалко.

Геннадий Шпаликов. Из дневников

Разговор
о чебуреках
поведем

Г. Шпаликов и его мир на рисунке Михаила Ромадина

Хорошо, когда волшебное возникает из будничных обстоятельств и слагаемые его просты...

Геннадий Шпаликов

* * *

Н. Рязанцевой

Мы сидели, скучали
У зеленой воды,
Птиц домашних качали
Патриарши пруды.

День был светлый и свежий —
Людям нравилось жить, —
Я был весел и вежлив,
Я хотел рассмешить.

Сочинял вам не мучась
Про царей и цариц —
Про печальную участь
Окольцованных птиц.

Их пускают китайцы,
Чтоб потом наповал —
Били птиц сенегальцы
Над рекой Сенегал.

Не узнать комсомольцам,
Что убийцы босы
И научные кольца
Продевают в носы.

Погибают скитальцы
Вдалеке от друзей —
Горько плачут китайцы
И Британский музей.

ЗИМА

Кончится, в конце концов,
И зима, а хочется
По зиме быть молодцом, —
Мне во сне хохочется.

От весны до весны
Вижу я все те же сны,
Я родился жить в апреле,
И дороги до апреля мне ясны.

Ох зима, ты зима,
Ты меня сведешь с ума,
Деревянные заборы,
Заколочены дома.

— Где твой дом?
— За углом. Да еще базар потом,
Да железная дорога, да еще аэродром
Говорю — отведу от тебя рукой беду,
Говорю — она не верит,
Говорит — домой пойду.

По снегу, по песку,
В бездомности и дома,
Несу свою тоску
По девочке с аэродрома.

1 января 1974 г.

* * *

Зубы заговаривал,
А теперь — забыл
Я секреты варева,
Травы ворожбы.

Говорю: дорога
Лучше к январю,
Что глазами трогал,
То и повторю.

То, что губ касалось,
Тронула рука, —
Это не казалось,
А наверняка.

Говорю: во плоти
Вижу существо, —
А во мне колотит
Жизни волшебство.

Зубы заговаривать,
Чепуху молоть,
Чтоб дорожкой гаревой
Убегала плоть.

Чтобы возле рынка
В сборище людском
Плавать невидимкой
В небе городском.

Шпаликов был очень веселым человеком, любил розыгрыши и мистификации. Однажды Инна Гулая, его жена, показала мне литографию Шагала, подписанную ей художником (Инна ездила с фильмом в Париж и была в его мастерской). Стоявший рядом Гена ничего тогда не сказал, но как-то я захожу к нему, а он говорит: «Ты давно не видел мою библиотеку, посмотри». Открываю первую попавшуюся книгу. На первой странице надпись: «Гена, верю в тебя! Лев Толстой!» Беру другую: «Потрясен. Кланяюсь. Благодарный Достоевский». Еще одну: «Гена, не забывай наши разговоры об искусстве. Твой Пастернак»...

Василий Ливанов

«Разговор о чебуреках поведем,
Посидим на табуретках, попоем...»

Г. Шпаликов, М. Ромашин, А. Тарковский

* * *

Разговор о чебуреках поведем,
Посидим на табуретках, попоем,
О лесах, полях, долинах, о тебе,
О сверкающих павлинах на воде.

Ах красавица, красавица моя,
Расквитаемся, поеду в Перу я.
В Перу, Перу буду пить и пировать,
Пароходы буду в море провожать.

По широкой Амазонке поплыву
И красивого бизона подстрелю.
Из бизона я сошью себе штаны,
Мне штаны для путешествия нужны.

Вижу я — горят Стожары, Южный Крест
Над снегами Кильманджаро и окрест,
И река течет с названьем Лимпопо,
И татарин из Казани ест апорт.

Засыпает, ему снится Чингисхан,
Ю. Ильенко и Толстого Льва роман,
И Толстого Алексея кинофильм:
Ахмадулина, Княжинский, Павел Финн.

* * *

Никогда не слышал, как кричат стрижи,
И не видел, как они взлетают, —
Значит, я того не заслужил,
Впереди погода золотая.

Утром отворить свое окно,
И спросить: который час на свете?
«Около восьми сейчас оно», —
Мне товарищ с улицы ответил.

Апрель, 1974 г.

* * *

С работы едущие люди,
Уставшие от всех забот,
От фабрик или киностудий,
Трамваев и солдатских рот.

Пожарники, официанты,
Профессий всех не перечить,
Богат работой век двадцатый —
Занятия любые есть.

Передо мной спина и шея,
Как бы закрытая стена,
.....¹ я вопрошаю:
О чем ты думаешь, спина?
О чем ты думаешь, спина?
Что за печаль одолевает?
Спросил бы я тебя спяна,
А так — отваги не хватает.

¹Авторская пауза.

* * *

У лошади была грудная жаба,
Но лошади — послушное зверье,
И лошадь на парады выезжала
И маршалу молчала про нее.

А маршала сразила скарлатина,
Она его сразила наповал,
Но маршал был выносливый мужчина
И лошади об этом не сказал.

«...Вчерашние обиды,
Упреки впоныхах
В крапиве позабыты
И тонут в лопухах...»

УМНАЯ ЛЕДИ

Умная леди сидит на балконе,
Умная леди смотрит на пони.

Сено жует длинноухий пони
И смотрит, как леди сидит на балконе.

1957 г.

* * *

Стоял себе расколотый —
Вокруг ходил турист,
Но вот украл Царь-колокол
Известный аферист.

Отнес его в Столешников
За несколько минут,
А там сказали вежливо,
Что бронзу не берут.

Таскал его он волоком,
Стоял с ним на углу,
Потом продал Царь-колокол
Британскому послу.

И вот уже на Западе
Большое торжество —
И бронзовые запонки
Штампуют из него.

И за границей весело
В газетах говорят,
Что в ужасе повесился
Кремлевский комендант.

А аферист закованный
Был сослан на Тайшет,
И повторили колокол
Из пресс-папье-маше.

Не побоялись Бога мы
И скрыли свой позор —
Вокруг ходил растроганный
Рабиндранат Тагор.

Ходил вокруг да около,
Зубами проверял,
Но ничего про колокол
Плохого не сказал.

* * *

П. К. Ф.

Что за жизнь с пиротехником —
Фейерверк, а не жизнь,
Эта адская техника,
Подрывной реализм.

Он веселый и видный,
Он красиво живет,
Только он, очевидно,
Очень скоро помрет.

На народном гулянье,
Озарив небосклон,
Пиротехникой ранен,
Окачурится он.

Я продам нашу дачу,
Распродам гардероб,
Эти деньги потрачу
На березовый гроб.

И по рыночной площади,
Мимо надписи «стоп»
Две пожарные лошади
Повезут его гроб.

Скажут девочки в ГУМе,
Пионер и бандит —
Пиротехник не умер,
Пиротехник убит.

1959 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ К МОЛОКАНАМ

Первая русская поэма ужасов

Элле

Я обещал письмо Вам написать,
Коль Вы меня просили, —
Мне поздно босиком плясать,
Но отказать я Вам не в силе.

Не в силах отказать стихом,
Рубахой, пряником, стаканом,
Или полуденным грехом,
Или поездкой к молоканам.

Где молокане? Они тут,
Они вообще неподалеку,
Зырянам помощь подают,
Как Тютчев — Александру Блоку.

Народ чудесный. Среди них
Один на молоке помешан —
И головой печально сник,
Поскольку праведник и грешен.

А остальные (миллион)
Клянут то имя — «молокане»,
И лупят в бочки молотками,
И днища вышибают вон.

Чудесно белое вино,
А красное еще чудесней, —
Вино — на скатерти льняной
И ближе к вечеру и с песней.

Что песни старые цыган?
Цинга, зевота, смех, умора.
Пожалуй, песни молочан
И соло — якобы из хора.

А соло — где-то вблизи трубы
Печной, луной осеребренной, —
Пыталось способом любим
Орать и плакать, как ребенок.

То есть: совой, рожком, смешком,
Снежком, волынкой, даже выпью —
Я посошком за это выпью!
Орали — выпью посошком!

Но где там! Локоть приподняв,
Упали в траву молочане,
Есть царство праздное в стакане,
Тогда полцарства за коня!

Какие кони? Тень коня.
Тень всадника. Тень сна. Тень крыши
Платочек робко оброня,
Вы поднимаетесь все выше.

А я останусь на трубе,
Я загляну в дыру небесну,
Умру и запросто воскресну —
Все домовые на обед
Придут со мною. Ведьмы также —
Таков положён этикет
У молочанов был однажды.

Чтоб ведьмы, шлюхи, упыри,
Трехпалые и вурдалаки
При свете утренней зари
Топтали озими и злаки.

Пока бредут окорока
(Они пока еще коровы) —
Берет трехпалая рука
Тень саламандры — будь здоровы!

Хлебнем-ка варева болот
И спирт «Кунсткамеры» Петровой,
Хоть брат сиамский там живет,
Об стеклышко — и будь здоровы!

О мой сиамский бледный брат,
Я тоже брат твой бледнолицый,
Похожи возрасты и лица, —
Братишка, я не виноват.

Об стеклышко! — кричит сова,
Покачиваясь вверх ногами, —
А вурдалак кота жевал,
И выпь летала за дровами.

Пока брели окорока,
Мы не валяли дурака.
У нас чудесное занятие —
Мы жарили сиамских братьев!

Вот кто был точно дураком,
Так это Савояр с сурком.
Пока брели окорока —
Он не давал сожрать сурка.

Говорил Савояр: не пугай,
У меня под полой — попугай.
Он с горы под названьем Афон, —
Это маг! Это магнитофон!

Вурдалак, поори, поори!
Попугай, за пятак повтори!

...Меж тем смеркалось. Без кошмара
Пока брели окорока,
Брала трехпалая рука
Веретено из Савояра,
Из попугая и сурка.

Мы покинем (на время) шабаш,
Я возьму пистолеты «Лепаж»,
Дробь-картечь и еще два пыжа —
Подстрелить на закуску ежа.

Что за мясо у них в черепах! —
Понежней, чем живот черепах,
Даже сердце дунайских косуль —
Просто крестик, и нолик, и нуль!

Что икра! Что любые сыры!
Но ежа подавайте сырым.
Молодая! — учи да учи! —
Мясо дохлых собак не перчи,
Из ворон приготовь винегрет —
И меня позови на обед!

* * *

Незаметен Новый год,
Я люблю его приход.
Середина декабря —
Есть начало января.

Солнце зимнее блестит,
Снег хрустит, солдат грустит,
На заснеженном заборе
Галка черная сидит.

Белый, белый, белый день,
Ты пальто свое надень, —
Как: надень или одень —
Мне задумываться лень.

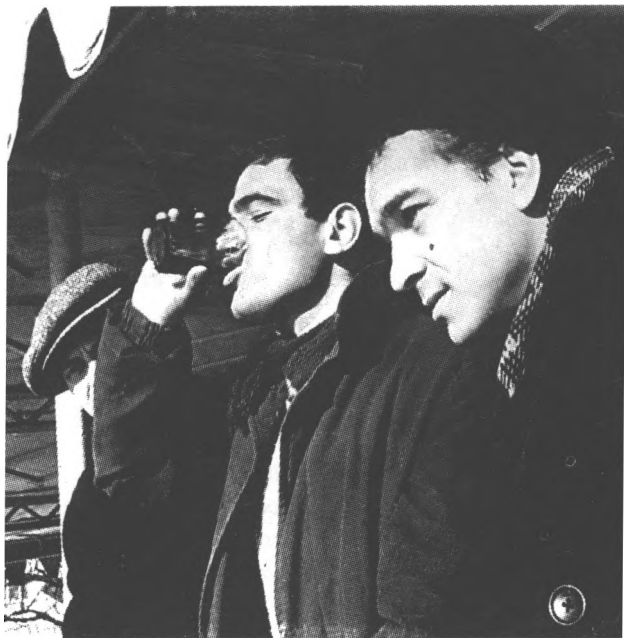
Лень платформ и деревень,
Пива мартовская лень.
Долгий зимний белый день,
Приподнять ресницы лень,
Приподнять и опустить,
Свет вечерний пропустить.

Я хочу узнать давно,
Где стучит веретено,
Где в замерзшее окно
Смотрит девушка давно.

Я живу — который год —
В ожидании погод.
Вот погода — я летаю,
Я по воздуху лечу,
В этом облаке растаю,
Появлюсь, когда хочу.

Ну а вдруг не захочу,
Появляться — неохота,
Я по воздуху лечу —
Редкость — летная погода.

«Было около пяти
И светлело сле,
Воздух голову мутил,
Как «Ракетели»...»

С А. Княжинским и Ю. Фајтом (справа). 1963 г.

* * *

С утра кололи лед,
Сто лет с утра кололи, —
Явился обормот —
Неизлечимо болен,
Что вот сто лет, с утра,
Слышны такие звуки
И разные ветра,
Сто лет такой науки
Он мог преодолеть —
Но вот, не получилось —
А звуки — все слышней,
Отдельные — до капли,
Чем далее — смешней,
Чем далее — слышней.

2 января 1974 г.

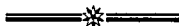

НОЧЬ

На окошко подуешь — получится
Поцелуй, или вздох, или след,
Настроенье твое не улучшится,
Поцелую тому столько лет.

Эти окна, зимние, синие,
Нацелованы до тебя —
Все равно они ночью красивые
До того, что во тьме ослепят.

2 января 1974 г.

* * *

В коммунальное помещение,
Где засохли в банках цветы,
Ты пришла, как чудное видение
И как гений чистой красоты.
Потом ушла...
К чему рыданье!
К чему похвал ненужный хор!
Осталось прежнее страданье
И холостяцкий коридор.

1955 г.

* * *

Сжигала женщина листву,
Бесцельно, запросто.
Рукой по чистому листу —
Молчком, безрадостно.

По золоту, по сентябрю —
Горели листья.
Я по-аварски говорю —
Остановитесь.

Родной, единственный язык,
Он — непере译имый —
Что мне пожаловаться вкрик,
Ей — нелюдимо.

Октябрь, 1974 г.

* * *

Мы поехали за город,
А за городом дожди.
А за городом заборы,
За заборами — вожди.

Там трава немятая,
Дышится легко.
Там конфеты мятные,
Птичье молоко.

За семью заборами,
За семью запорами
Там конфеты мятные,
Птичье молоко.

О СОБАКАХ

Я со псом разговаривал ночью,
Объясняясь, — наедине, —
Жизнь моя удалется не очень,
Удалется она не вполне.

Ну, а все же, а все же, а все же, —
Я спросил у случайного пса, —
Я не лучше, но я и не плоше,
Как и ты — среди псов — не краса.

Ты не лучший, единственный — верно
На меня ты печально глядишь,
Я ж смотрю на тебя суеверно,
Объясняя собачью жизнь.

Я со псом разговаривал ночью,
Разговаривал — наедине, —
И выходит — у псов жизнь не очень,
Удалется она не вполне.

* * *

1

За два дня до конца високосного года
Наступает на свете такая погода
И такая вокруг тишина,
За два дня до конца високосного года
Участь каждого решена.

2

Это мне говорили. Я видел
Серп луны. Синеву. Тишину.
Прорицатели — не в обиде, —
Я хочу полететь на Луну.

На чем во сне я не летал?
На «Блерио», «Фармане»,
И даже девочек катал
Я на катамаране.

И улыбаюсь я во сне,
Ору во сне, как рота,
И надо просыпаться мне,
А неохота.

СТИХИ ПРО ТЕЛЕФОНЫ

Я знаю, как стары
Стихи про телефоны.

От станции Мары
И до горы Афона
Протянут телефон.
(А если не протянут,
То, значит, его тянут.)

Я расстоянье взял
Немалое — нарочно:
Звонит провинциал,
Провинциалу тошно.

Уже провинциал
Отпил, оттанцевал
И не находит места,
А дома ждет невеста.

Завидую ему.
А где моя невеста?
В Москве или в Крыму —
Мне это неизвестно.
(Читателю о том
Читать неинтересно.)

Читатель, ты прости,
Когда грустит писатель
Ему сюжет вести
Все кажется некстати.

Г-2, Г-2, Г-2 —
Твой номер набираю,
Набрал его, едва
Твой голос разбираю.

* * *

По дорожке мы идем
Вдоль, до Шереметьево, —
Не глядим, уже — грядем,
Самолет заметили.

Он сверкал, но его
Вовсе не было,
А снега — не травой, —
Так, — снегобыло.

Где она, я не спросил, —
А душа сидела рядом,
Лампочку я погасил,
И душа сказала: надо.

- А весна?
- Ты спи.
- Не спится.
- Ты окно открой.
- Открыл.
- Это снится.
- Ты синица. Ты птица. Ты кошка. Ты сволочь.
Ты умница. Ты спи сама.
- Сплю, и ты спи.

Рожей радуюсь
теплу

«Солнцем обрызган целый мир,
Празднично блестят улица.
После утренней тьмы квартир
Люди стоят
И шуряются».

Как тогда, летом, к вечеру, стоя на балконе, по прохладному ветру, по воздуху и сам еще не знаю по чему я вдруг почувствовал, что началась осень, так и сегодня, 21 февраля, началась весна — я сам ее увидел.

С утра, еще на рассвете — прозрачный, голубой, розовый, с морозом воздух, холодный, остро свежий, не зимний и не из оттепели — нет — ясный воздух и такое же солнце, ясное, теплое, и подморозило с утра, но снег не выпал. И потом весь день была такая ровная, солнечная погода, а едва заметный мороз, который сдерживает снег от талости, и снег тает на солнце, весь день очень ясный, все сохнет, сохнут ступени, сохнут желтые колонны со следами стекающей с крыши воды, и вот, наконец, наступает закат.

Я так хорошо помню по многим дням этот закат, весенний, холодный закат, стремительный закат в марте и в начале апреля, огромный разноцветный закат сквозь черные ветки деревьев, гаснущий закат с фиолетовым снегом, бледно-фиолетовым снегом, темно-фиолетовой рекой, отчаянный закат, который никак нельзя удержать — и вот уже в голубом, на глазах темнеющем небе над головой горят самые первые, яркие звезды, сначала одна — потом еще — я и не знаю, какие это звезды, горят фонари, яркие, желтые, еще не темно, а они горят — весна.

Геттадий Шпаликов. Из дневшков

ПОЛОВИНА ДЕВЯТОГО

Солнцем обрызган целый мир,
Празднично блещет улица.

После

утренней тьмы

квартир

Люди стоят

и щурятся.

Сдвинься, попробуй, —

не хватит сил,

И у подъездов,

спросонок,

Город большой на мгновенье

застыл,

Зажмурившись,

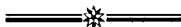
как котенок.

* * *

В январе уже тепло,
И пускай мороз, но солнце
Посылает Божий стронций
На оконное стекло.

Прижимаюсь лбом к стеклу,
Рожей радуюсь теплу!

ЛЕТО

Летали летние качели,
На самом деле, —
Дитя орало в колыбели,
И летний день куда-то плыл.

И травы превращались в сено,
Не сразу, скажем, — постепенно, —
Все было, было постепенно,
Как постепенен летний день.

МАРТ

Какое блаженство, устав с дороги,
За день набродившись весенним лесом,
Вытянуть кверху тяжелые ноги
Под полотняным дрожащим навесом.

Едва от смолистого дыма не плача,
Чай вскипятить в котелке пузатом,
Чтоб он получился горячий-горячий
И очень понравился нашим ребятам.

Закутаться после, кто чем попало,
Наружу повыставив сонные лица,
Воздухом леса, пьянящим и талым,
Мартовской ночью досыта напиться.

А утром — дым снова глаза повьел,
Смеясь, умывались мы розовым снегом,
Такие отчаянно молодые,
Как воины древности перед набегом.

Немного в памяти твердо осталось,
Но это — не скроет годов завеса,
Что мы совершенно не верим в старость,
Шатаясь весенним звенящим лесом.

«Когда-то это было давно,
Когда я только начинал в кино...»

С Натальей Паповой, художником по костюмам. 1961 г.

Он был неправдоподобно красив. Фотографии сохранили только правильность и мужскую привлекательность его лица. Но они не способны передать волшебную смесь доброты, иронии, нежности и сдержанной силы, которая была его аурой. Что можно сказать с уверенностью: у этого человека не только не было врагов, но не было даже человека, кто бы относился к нему без симпатий. Он был бескорыстен, как ребенок...

Александр Митта

АПРЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Зеленые от остроумия,
Веселостью изнемогая,
Шли двое.
Между ними -- мумия,
Красивая и молодая.

10 апреля 1957 г.

ВЕСНА В МОСКВЕ

Мимозу продают у магазина
Голуби в небе —
 не знаю чьи,
И радужно сияют
 от бензина
Лиловые
 московские
 ручьи.

Апрель, 1956 г.

ГЕНОЧКА

Москва, июль печет в разгаре,
Жар, как рубашка к зданиям прилип.
Я у фонтана, на Тверском бульваре
Сижу под жидковатой тенью лип.

Девчонки рядом с малышом крикливым,
Малыш ревет, затаскан по рукам,
А девочки довольны и счастливы
Столь благодатной ролью юных мам.

И, вытирая слезы с мокрой рожи,
Дают ему игрушки и мячи:
«Ну, Геночка, ну перестань, хороший,
Одну минутку, милый, помолчи».

Ты помолчи, девчонки будут рады,
Им не узнать, что, радостью залит,
Твой тезка на скамейке рядом
С тобою, мальчуган, сидит.

И пусть давным-давно он не ребенок,
Но так приятно, нечего скрывать,
Что хоть тебя устами тех девчонок
Сумели милым, Геночкой назвать...

1954 г.

* * *

На подоконнике жена
Сидела ранним летом,
А комната озарена
Была вечерним светом.

Да, лето только началось,
А к нам вчера приехал гость.
Сегодня он уехал —
И нам оставил эхо.

То эхо — воблы три кило —
Нет громогласней эха!
Еще на улице светло,
И жаль, что он уехал.

ДО НЕВОЗМОЖНОГО ВКУСНЫЕ ПИРОЖКИ

Голод
 пополам
 режет,
Настроение
 плачет...
И вдруг:
 «Пирожки
 свежие,
Свежие
 и горячие,
Лучшие в мире...»
Лизнул слюну с губ —
«Берите
 четыре
За руб».
Рассказывать об этом можно
И в стихах
 и устно,
Пирожки до невозможного
Вкусные.

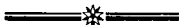
1955 г.

НА ПЕРВОЕ СОЛНЦЕ

Я выхожу, большой, неуклюжий,
Под солнце, которое в самом зените,
И наступаю в синие лужи,
Я говорю им: вы извините!
Вы извините, синие лужи, —
Я ошалелый и неуклюжий.

Март, 1957 г.

* * *

Никогда не думал, что такая
Может быть тоска на белом свете.

К. Симонов

Солнце бьет из всех расщелин,
Прерывая грустный рассказ
О том, что в середине недели
Вдруг приходит тоска.

Распускаешь невольно нюни,
Настроение нечем крыть,
Очень понятны строчки Бунина,
Что в этом случае нужно пить.

Но насчет водки, поймите,
Я совершеннейший нелюбитель.

Еще, как на горе, весенние месяцы,
В крови обязательное брожение.
А что если взять и... повеситься,
Так, под настроение.

Или, вспомнив девчонку в столице,
Веселые искры глаз
Согласно весне и апрелю влюбиться
В нее второй раз?

Плохо одному в зимнюю стужу,
До омерзения скучно в расплавленный зной,
Но, оказалось, гораздо хуже
Бывает тоска весной.

5 апреля 1955 г.

* * *

В лето, хорошо бы без билета,
В лето? У него куда билет?
У него трава — одна примета,
Да еще река, — поклон, привет.

А река такая золотая,
А весной такой на свете дождь,
И по свету ветер пролетает,
И обратно ветер не вернешь.

И реке спасибо, и тебе спасибо,
И тебе спасибо, ветер над водой,
Ты такой веселый и такой красивый,
Ветер, ветер, ветер,
Ветер молодой.

Бывают крылья
у художников

«По белому снегу
Я палкой вожу,
Стихи — они с неба,
Я — перевожу».

В музей надо ходить одному и обязательно чуть подвыпивши, нет, не пьяным, конечно, а так, — если вы идете в Пушкинский музей, то на Арбате выпейте шампанского в кондитерской — что на углу, или — если с другой стороны идете, то в столовой можно и коньяку — после этого, — если день морозный, вы в снегах и розовея, подходите к этому серому особняку с порталами и колоннами: — хорошо, — зимой, в морозный день, но, впрочем, и летом, если разобраться, тоже неплохо, — в жуткую жару, а там ведь (слова этого не люблю — то ли выпь, то ли черт-те знает что) душеспасение и прохлада; фра Анжелико для меня все там — фра Анжелико, может быть — как раз потому, что там-то и нет его, а может быть, и есть, кто такой фра Анжелико, — я не знаю точно, знаю, что знаменитейший художник, монах, рисовал божественные сюжеты: воскрешения, сотворения, хотя, может быть, что я путаюсь, и ничего даже отдаленно похожего он не рисовал, чего это я отвлекся? впрочем, я все время буду отвлекаться — в разные стороны и тут уж прошу меня не осуждать, это, если хотите, способ чего-нибудь не пропустить, а то я непременно забуду главное...

Геннадий Шпаликов

Алла Демидова в фильме «Ты и Я».
Автор сценария Г. Шпаликов. Режиссер Л. Шепитько

В ТУ ЗИМУ

Была бесснежная зима,
Тянуло человека к прозе,
Туда, где комнату снимал,
Гостей нечаянных морозил.

На подоконнике снежок,
Зима, зевота, понедельник,
И на дорогу посошок
Математически разделен.

Прощай, оденусь потеплей,
Вокруг меня зима большая,
И я надеюсь, что теперь
Уже никто не помешает.

От всех зимой отгородясь,
На прожитые оставив денег,
Надеюсь расписаться влать,
До одури, до обалдения.

До той зимы, до февраля,
До комнаты и снегопада,
Где танцевалось от нуля
И танца лучшего не надо.

Февраль 1974 г.

* * *

С.П. Урусевскому

Это кладбище, на Ваганькове,
Рано утром, часам к пяти,
С Петькой, с Ванькою по Ваганькову
До Есенина подойти.

Ничего я о нем не знаю,
Да и знать ничего не хочу,
Я деревьям во тьме внимаю,
Улыбаюсь во мглу и молчу.

Это счастье, тридцатилетним
Потеряться в родной земле, —
Потеряемся — не заметим,
Улыбнемся потом во мгле.

1970 г.

* * *

Бывают крылья у художников,
Портных и железнодорожников,
Но лишь художники открыли,
Как прорастают эти крылья.

А прорастают они так,
Из ничего, из ниоткуда.
Нет объяснения у чуда,
И я на это не мастак.

К. Лавров и И. Гулая в фильме «Долгая счастливая жизнь».
Автор сценария и режиссер-постановщик Г. Шпаликов

* * *

Посвящается Феллини

Мертвец играл на дудочке,
По городу гулял.
И незнакомой дурочке
Он руку предлагал.

А дурочка, как Золушка,
Ему в глаза глядит, —
Он говорит о золоте,
О славе говорит.

Мертвец, певец и умница,
Его слова просты —
Пусты ночные улицы,
И площади пусты.

«Мне больно, мне не весело,
Мне холодно зимой,
Возьми меня невестою,
Возьми меня с собой».

* * *

Хотел бы я писать всерьез
Про замечательный мороз,
Про мало ли, про мало что, —
Но получается не то.

Строка сменяется строкой,
И возникают под рукой
Картины в ясной простоте, —
Но получаются не те.

Как мне себя же разгадать,
Души движенья передать, —
Не притворяясь, не шутя,
Хотя бы так, так бы хотя.

Но небольшая благодать
Желания зарифмовать, —
Хотя в попытке этой есть
Как будто мужество и честь.

Цветет себе, не опадая,
То дерево среди веков,
Где откровенность молодая
И откровенность стариков.

И посторонний человек
Сочтет уже за дерзновенность,
И примет он как откровенность
Твой черновик и твой побег.

Бежим! Но ловкостию рук
Творим иллюзии другие,
Как будто нам все недосуг,
Зато желания — благие.

* * *

Умер Пабло Пикассо
И Семен Буденный,
Но Сикейроса лассо
В небе полуденном.

Революция бойцов
Выбирала здраво, —
Есть у каждого лицо,
Сабля, плаха, слава.

1973 г.

* * *

По белому снегу
Я палкой вожу,
Стихи — они с неба,
Я — перевожу.

Чего, переводчик,
Стемнело к пяти,
И разнорабочим
К пивным подойти.

Он ярок, он желтый
Тот свет от пивной,
Не жулик, не жлоб ты,
Но где-то виной.

Среди занавесок,
Зеленой травы, —
А желтый так резок,
И синий — увы.

Вот так бы, казалось, —
Без всяких — увы —
Ну, самую малость
Остаться живым.

И снег тот февральский,
И свет от пивной
Кружили бы в вальсе,
Но где-то виной, —

Стою, понимая,
Средь света и тьмы,
Что около мая
Не станет зимы.

То зимним, то летним
Прикинется день,
Его не заметим
Сквозь всю дребедень.

Но только бы — только, —
Осталось в глазах, —
Хоть малою толькой
Гремят тормоза, —

Трамвай, — и вечерний
Снежок? или снег —
Наметим, начертим, —
Почти без помех.

1969 г.

* * *

За стеною, на баяне, —
«Степь да степь кругом...»
Что тоскуешь, окаянный,
И о ком?

За стеною пальцы бродят
Не наверняка,
По слогам выходит, вроде,
Песня ямщика.

Только я глаза закрою,
Степь кругом да степь, —
Если петь дано по крови,
Я сумею спеть.

Февраль 1974 г.

**ОТВЛЕЧЕННЫЕ МЫСЛИ,
НАВЕЯННЫЕ ВОСПОМИНАНИЕМ О
ДМИТРИИ МЕРЕЖКОВСКОМ**

П. Финну

Живет себе, не дую в ус,
Героем «Энеиды»,
Не в ГПУ — при Гиппиус,
На средства Зинаиды.

А тут — ни средств, ни зинаид,
Ни фермы и не фирмы,
И поневоле индивид
Живет закован фильмой.

На языке родных осин,
На «Консуле» — тем паче
Стучи, чтоб каждый сукин сын
Духовно стал богаче.

Стучи, затворник, нелюдим,
Анахорет и рыцарь,
И на тебя простолюдин
Придет сюда молиться.

Придут соседние слепцы,
Сектанты и пижоны,
И духоборы, и скопцы,
И группа прокаженных.

И боль, и блажь простых людей
Доступна — ты не барин,
Хотя ты, Паша, иудей,
А что — Христос — татарин?

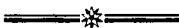
Я не за то тебя люблю,
Что здесь — и не однажды! —
По юбилейному рублю
Всегда получит каждый.

Ты не какой-то имярек —
Прошу — без возраженья! —
Ты — просвещенный человек, —
Почти из Возрожденья.

...Вечереет...

Нам зябнуть, но не прозябать!
А некой протоплазмой
Зевать, чтобы не прозевать
Хотя б закат над Клязьмой.

Болишево, 4 окт.

Сам образ Геннадия Шпаликова представляется мне цельным художественным образом — он излучает свой свет, обаяние, обладает такой же силой воздействия. И в наших легендах, воспоминаниях, и в своих собственных стихах, песнях, фильмах он навсегда остался таким вот Геной Шпаликовым — веселым и грустным, талантливым, бесшабашным, неприкаянным.

Анатолий Гребнев

* * *

Не смотри на будущее хмуро,
Горестно кивая головой...
Я сегодня стал литературой
Самой средней, очень рядовой.

Пусть моя строка другой заслонится,
Но благодарю судьбу свою
Я за право творческой бессонницы
И за счастье рядовых в строю.

1955 г.

КВАЗИМОДО

А. Княжинскому

О, Квазимодо, крик печали,
Собор, вечерний разговор,
Над колокольной раскачали
Не медный колокол — топор.

Ему готовят Эсмеральду,
Ему погибнуть суждено,
Он прост, как негр, как эсперанто,
Он прыгнет вечером в окно.

Он никому вокруг не нужен,
Он пуст, как в полночь Нотр-Дам,
Как лейтенант в «Прощай, оружие»
Как Амстердам и Роттердам.

Когда кровавый герцог Альба
Те города опустошил,
И на тюльпаны и на мальвы
Запрет голландцам наложил.

А Квазимодо, Квазимодо
Идет, минуя этажи.
Молчат готические своды,
Горят цветные витражи.

А на ветру сидят химеры,
Химерам виден далеко
Весь город Франса и Мольера,
Люмьера, Виктора Гюго.

И посмотрев в окно на кучи
Зевак, собак, на голь и знать,
Гюго откладывает ручку,
Зевает и ложится спать.

ЭЛЛИНЯНЕ

Эллиняне полиняли.
Стали просты, не блестящи,
И довольны эллиняне
Заурядным настоящим.

Древность нежится в музеях,
Исторична и послушна,
К ней потомки Одиссея
Совершенно равнодушны.

Из Гомера зубрят строчки
С отвращеньем гимназисты,
И Акрополь на кусочки
Разбазарили туристы.

На руинах гнезда птичьи,
Желтый месяц в небе блудит,
Может, сказку о величьи
Просто выдумали люди?

Полиняли
Эллиняне...

1957 г.

* * *

С.П. Урусевскому

Кино при свете дня,
Под редким снегопадом,
Ты радуешь меня,
И снег, назло лопатам,
Сгребающим — валит
На зрителей партера —
Театр без кулис!
Соблюдена та мера
Участия актрис,
Когда экран промок
От снега и от слез.

70-е гг.

ОЛЕШЕ

Мне никто не помешал,
Только я все смешивал,
От себя я улетаю —
К лешему.

Леший мой, переживу,
Ты меня, не лешего,
Лишнего, Олешую,
Не разжуй, пережую.

Пережуй, как яблоко
Или же как облако.
Было это около, —
Просто и легко.

70-е гг.

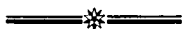

* * *

Я жил, как жил —
Спешил, смешил,
Я даже в армии служил.
И тем нисколько не горжусь,
Что в лейтенанты не гожусь.

Не получился лейтенант,
Не вышел. — Я не получился,
Но, говорят, во мне талант
Иного качества открылся.

Я сочиняю, я пишу.

ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЕЯ

Среди дня
Находит на меня
Не то что б скука —
Сука.

Пошли в музей!

Здравствуйте, господин Гоген.
Добрый день, Матисс.
Здравствуйте, гобелен,
Канал, в медузу не обратись.

Здравствуйте, все и вся,
Ты не спеши, погоди,
Тебя еще оросят
Ван Гога слепые дожди.

Слепо, слепой, слепок,
Со слепого,
Незрячего, — лепо, не лепо ли бяше,
Нелепо ли бяше, за полку.

А что мне делать, если мне
Не ясно про полки, —
А до Ван Гога, — до реки,
По дождику — враги.

Вот у него — стеклянно все,
И все же, все же, все же, —
Я понимаю: я — осел, —
И бей меня по роже.

И все же, возвратимся к дождю.

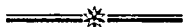
Вы, ты, увы.

Шел уже не дождь, а снег,

И все это было смешно и прекрасно.

Прощай, собеседник,

Мы повстречаемся.

НОЧЬ. УТРО

1

Сколько книжек за ночь прочитал?
Два романа и три «Крокодила».
Просветители мне не чета,
Если этого уж не хватило.

Авиценна, познавший до черта,
М. Монтень в белоснежном жабо,
Но подшивку «Советского спорта»
И Жан Жаку осилить слабо.

2

Птицы в темноте кричат,
Значит, утро скоро.
С поворотом лишь ключа
Небо коридора.
114 шагов
(Если в обе стороны).
Так-то Г.Ф. Шпаликов,
Будни.

Отворю сейчас окно,
Как из пистолета —
Полетит в мое темно
Выстрел пистолета.

Маневровый паровоз
Лучше коридоровых.
Я, наверное, матрос
Возле Командоровых.

* * *

Есть у раздражения

Самовыражение:

Дверью — хлоп,

И пулю — в лоб.

Ах, как всем досадил!

И лежит в гробу — костюм

Новые ботинки,

Галстук на резинке.

Две вдовы

(две жены)

К случаю наряжены.

Он лежит — уже ничей

В ожидании речей.

Караул! Караул!

Вот почетный караул.

Хорошо ему в почете,

Жалко, ноги протянул.

Говорю ему — привет,

Ты — туда, а я — в буфет.

* * *

Любите вы Листа,
Моцарта, Сальери,
Лавки букинистов,
Летний кафетерий?

Споры о Шекспире
И о Кальдероне,
В городской квартире,
В Киевском районе?

Ах, Париж весенний!
Как к тебе добраться?
Рано утром в Сене
Можно искупаться.

Вы себя погубите
Западной душою,
Заграницу любите —
Ох, нехорошо это.

Мастера палитры,
Вы не виноваты,
Ох, космополиты —
Милые ребята.

(Любите вы Брамса,
Нравится вам Врубель, —
Так подайте рубль,
Дорогие братцы.)

* * *

Стихи — какие там стихи,
Обыденность, я захлебнулся.
Как вечера мои тихи,
Я в дом родной издалека вернулся.

Мой дом родной — и не родной,
Родные, вы не обижайтесь,
И не расспрашивать старайтесь,
Не вы, не вы тому виной.

Мой дом родной — и не родной,
Я узнаю твои приметы,
Опять встают передо мной
Твои заботы и предметы.

Я разговоры узнаю
И слушаю — не удивляюсь,
А хоть душою удаляюсь
В квартиру старую мою.

Она была нехороша,
В ней странно все перемешалось,
Она подобьем шалаша
В доме Арбатском возвышалась.

Мы жили в этом шалаше,
Сначала вроде странно жили, —
Хотя поссорились уже,
Но все-таки еще дружили.

Вся неумелость этих лет
И неустроенность уклада,
За то благодарить не надо...

И жизнь поэта тяжела
И прозаична до предела,
И мечешься как обалдельный,
Чредою лет — одни дела.

О ВОЛШЕБНОМ

Посвящается памяти Виго, моего учителя в кинематографе, да и в жизни, хотя я его абсолютно не представляю живым

Когда-то, это было очень давно,
когда я только начинал в кино — и
даже не приглядывался к мастерам,
а в общем, пил по утрам, влюблялся
во всех встречных и поперечных — даже
в тех, кто уж совсем шел поперек — но —
что уж поделаешь? — что? — раз так — и вот
тогда я в каком-то разговоре
услышал — об «Атланте», я ее
боялся смотреть — очень долго я боялся,
потому что тогда написал то же самое, —
хуже, лучше — и это не вопрос даже, —
нет, — это не вопрос —
я плакал — уже потом,
на этой великой картине —
да и, собственно, не от картины —
оттого, что вы, Виго,
померли таким молодым —
и таких картин больше никто не делал,
и я-то — в память вам —
снял безумно длинный
конец своей первой картины, —

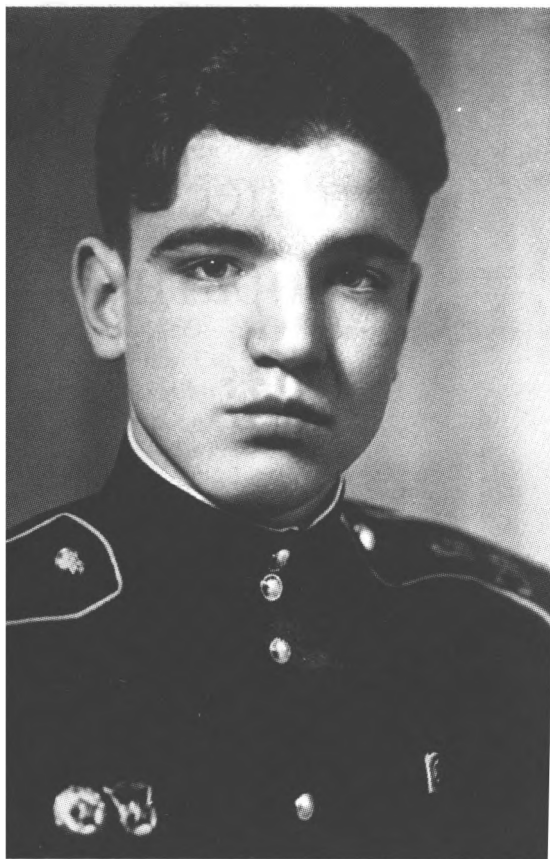
в память вам, Виго,
в память вам, Виго,
и еще раз в память Вам, —
страшно, что мы ровесники сейчас, —
да — и нам бы дружить, —
но что я мог сделать? —
я только мог снять длинно п —
безумно длинно, —
идущую по воде баржу, воду, девочку с
гармошкой —
что я еще мог? —
это было объяснение в любви к вам, Виго —
где вы сейчас, Виго? —
где вы? — умница, —
где вы, Виго, — я-то знаю где, —
но оттого, что знаю, —
такая тоска!

Путешествие
в обратном

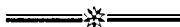

«Я жил, как жил —
Спешил, смешил,
Я даже в армии служил
И тем несколько не горжусь,
Что в лейтенанты не горжусь».

Г. Шалников. 1953 год.

А что я помню вначале, с чего у меня все началось? И я рассказываю тебе, как тоже летом, за городом, в сумерках, я шел через картофельное поле и там, на поле, у меня из-под ног выскочил большой серый заяц, прямо из-под ног, внезапно — и помчал к лесу. Это было летом 1941 года...

Геннадий Шпаликов

* * *

Городок провинциальный,
Летняя жара,
На площадке танцевальной
Музыка с утра.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Ничего, что немцы в Польше,
Но сильна страна,
Через месяц — и не больше —
Кончится война.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

1961 г.

1941, ДЕТСТВО

Москва сортировала поезда:
Товарные, военные, почтовые.
Нас увозили в дальние края,
Живыми оставались чтобы мы.

Для жизни дальней оставались жить,
Которая едва обозначалась.
Теперь — глаза в слезах едва смежить,
За все начала, за все начала.

Апрель, 1974 г.

* * *

Яблони и вишни снегом замело,
Там мое родное курское село.
Как у нас под Курском соловьи поют,
А мою невесту Клавою зовут.

Земля ты русская, девчонка курская,
И пересвисты соловья,
И платье белое, и косы русые,
Родная девушка моя.

Говорил я, Клава, Клава, не тужи,
Ухожу я, Клава, в армию служить.
И прошу я, Клава, дать прямой ответ:
Ты меня дождешься, Клава, или нет?

Клава улыбнулась, бровью повела,
Белою рукою крепко обняла,
И сказала Клава: парень ты смешной,
Буду я солдату верною женой.

* * *

Я голову приподнимаю,
Прошедший день припоминаю.
Улицу наклонную, по улице — туман,
С дворянскими колоннами старинные дома.

Старого точильщика,
Лудильщика кастрюль,
Военного училища
Медленный патруль.

Заберите меня, заберите,
Посадите меня под арест,
Десять суток мне подарите,
Прикажите позвать оркестр.

Пусть по улицам бьют барабаны
И в подзорные трубы глядят,
И суровые ветераны
Пощадить меня не велят.

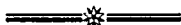
Сын погибшего на войне офицера, любимый племянник знаменитого генерала Переверткина, чья дивизия штурмовала Берлин, сам выпускник Суворовского училища, Шпаликов уважал все, что было связано с войной, и опыт писателей, войну прошедших, значил для него очень многое...

Павел Финн

* * *

Не пойте песен про войну,
Картины не снимайте.
Стаканом лучше помянуть —
Так чище.

«В сорок пятом угадаю,
Там, где — Боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой».

С мамой Людмилой Никифоровной. 1955 г.

* * *

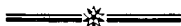
По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.

Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем, —
Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
Я бы запретил,
И прошу тебя, как брата,
Душу не мути.

А не то рвану по следу,
Кто меня вернет?
И на валенках уеду
В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,
Там, где — Боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.

* * *

Фотокарточки, фотографии,
Я смотрю непрестанно на вас,
Послесловия, эпитафии —
Это хроника без прикрас.

То на улице, то на лестнице,
То ли вечером, то ли днем, —
И в каком же заснято месяце —
Ничего я не помню о нем.

Фотокарточка черно-белая,
А зима на дворе красна,
Ты апрельская, обалделая,
В полусне от того, что весна.

Ты глаза свои так расставила,
Улыбнулась Бог весть чему, —
И работу свою оставила
Где-то — в Лондоне — или — в Крыму?

Нет, не в Лондоне, а на Пресне
У Тишинского рынка стоишь.
Фотокарточка не воскреснет —
Это листик бумажный лишь.

Не тебя и снимали даже,
А осталось, осталось — вот —
Эта девочка у гаража,
Что лопатой колотит лед.

1968 г.

**ДВЕ ПЕСНИ ИЗ ФИЛЬМА
«ПОКА ФРОНТ В ОБОРОНЕ»**

Я жизнью своею рискую,
С гранатой на танк выхожу
За мирную жизнь городскую,
За все, чем я так дорожу.

Я помню страны позывные,
Они раздавались везде —
На пункты идти призывные,
Отечество наше в беде.

Живыми вернуться просили.
Живыми вернутся не все,
Вагоны идут по России,
По травам ее, по росе.

И брат расставался с сестрою,
Покинув детей и жену.
Я юностью связан с войною,
И я ненавижу войну.

Я знаю, я понял, как важно
Веслом на закате грести,
Сирени душистой и влажной
Невесте своей принести.

Пусть пчелы летают — не пули,
И дети рождаются не зря,
Пусть будет работа в июле
И отпуск в конце января.

За лесом гремит канонада,
А завтра нам снова шагать.
Не надо, не надо, не надо,
Не надо меня забывать.

Я видел и радость и горе,
И я расскажу молодым,
Как дым от пожарища горек
И сладок Отечества дым.

Спой ты мне про войну,
Про солдатскую жену,
Я товарищей погибших
Как сумею помяну.

Тебя, Сергей, за Волгой схоронили,
Фанерную поставили звезду,
Мой старший брат погиб на Украине,
В сорок первом, сорок-горестном году.

Спой ты мне про войну
Да про тех, кто был в плену.
Я товарищей погибших
Как сумею помяну.

Всех без вести, всех без вести пропавших,
А сколько их пропало за войну!
Всех ребят, ребят, России не продавших,
Как сумею, как умею помяну.

Спой ты мне про войну,
Про солдатскую страну.
Много стран на белом свете —
Я ручаюсь за одну.

Она меня мальчишкою растила,
На трудный хлеб, на трудные хлеба,
Ты одна на всех, моя Россия,
И защита, и надежда, и судьба.

«Спой ты мне про войну
Да про тех, кто был в плену.
Я товарищей погибших
Как сумею помяну...»

Кадр из фильма «Застава Ильича»

* * *

Так служим Отчизне,
Что лучше не надо —
Семнадцать
лет жизни,
И восемнадцать
парадов.

26 апреля 1955 г.

* * *

Тишинский рынок, ах, Княжинский рынок,
Надменные чистильщики ботинок.
Надменные — я знаю, почему, —
Профессия такая ни к чему.

А мне еще идти до поворота,
Такая это сложная работа.

Мне там старик пальто перешивал,
Перешивая, сильно выпивал.
Скажи, старик, ты жив или не жив,
Последнее пальто распотрошив.

* * *

Не насовсем прощались,
А так, до неких пор.
Забытыми вещами
Завален летний двор.

Вчерашние обиды,
Упреки впопыхах
В крапиве позабыты
И тонут в лопухах.

Так бесконечно лето
У нас над головой,
И хорошо бы это
Позаросло травой.

Кому и чем обязан,
Трава узнает пусть, —
Я разберусь не сразу,
Я после разберусь.

Я после и покаюсь
И выберу слова,
Все после — а покамест
Пускай растет трава.

Февраль 1974 г.

УТРО

Не верю ни в Бога, ни в черта,
Ни в благо, ни в сатану,
А верю я безотчетно
В нелепую эту страну.

Она чем нелепей, тем ближе,
Она — то ли совесть и бред,
Но вижу, я вижу, я вижу
Как будто бы автопортрет.

НАДОЕЛО!

Кажется, вырос годами и телом,
Здоровый парень с взлохмаченной головой,
Но сегодня вдруг захотелось
Домой.

Сердце кричит упрямо,
Пусть слова у него другие,
Раньше просто —
Хочу к маме! —

А теперь —
Долой Киев! —

Долой ваши порядки,
Приказики
и приказы.

Сверху гладко,
Внутри —
зараза.

Внутри то, что калечим,
Год от года становится плоше,
Злоба легла на плечи
Тяжелой ношей.
Злоба тугим захлестом
Сдавила душу грубо,
Освободиться просто —
В зубы!

Легче всего
 хрястнуть ломом,
Здоровье и молодость —
 победители...

Ну а дальше?

 Ты дома
Ро — ди — те — ли...
Грустные лица,
Плач тягучий...
Этому не случиться
Ни в коем случае.
Снова и снова в поле зрения
Стены
 напротив
 скучно-белые,
Как все до омерзения
Надоело.
Болью мозг защемило,
Словно один продираешься чашей,
Каждый день — бритый затылок
Впереди стоящего.
Дрянь распорядка,
 придирки по мелочам,
Противно, гадко,
Срам!
Серых дней лента.
Начало длинного месяца,
Товарищ планета
Медленно вертится.
Никак не влияет тоска,
 сожаления

На это
 небесное
 ускорение...

ПЕРЕУЛОК ЮНОСТИ

Звон трамвая голосист и гулок,
Парк расцвечен точками огней,
Снова я пришел на переулок —
Переулок юности моей.

Над асфальтом наклонились вязы,
Тенью скрыв дорожку мостовой.
Помню, как к девчонке сероглазой
Торопился я под выходной.

Как, промокнув под дождем веселым,
За цветущий прятались каштан,
Девочка из сорок третьей школы
И до слез смущенный мальчуган.

Мне хотелось слез необычайных,
Клятву, что ли, дать или обет.
Этот дождь, короткий и случайный,
Стал причиной близости к тебе.

Знаю — случай ничего не значит.
Но сегодня поздно пожалел,
Что могло случиться все иначе,
Если б дождь подольше прозвенел.

Звон трамвая голосист и гулок,
Парк расцвечен точками огней,
Снова я пришел на переулок —
Переулок юности моей.

Надеяться, любить,
повиноваться

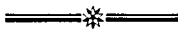

1963 год. Счастливыи Новый год с Иншой
(актриса Инша Гулая, вторая жена поэта). Через несколько
месяцев появится на свет Даша

Я не завидую простому счастью — идиотская мысль: как будто есть еще и сложное счастье, но мне было тепло сидеть несколько вечеров в счастливом, простом доме, который, наверно, не такой уж безупречно счастливый, но все-таки больше, чем другие, больше, чем мы — мы ничего не сделали, чтобы жить вместе, держась друг друга: опять мелодрама, но все же это так. Какие это девочки, я ведь знаю немного и знаю наверняка, что очень простое дело быть ласковой и открыто любить, я так могу, и всегда мог. Проклятая жизнь, построенная на вранье, и так важно держаться вдвоем, не терять ничего — и так не получается, не выходит почти ни у кого.

Геттадий Шпаликов

* * *

Понедельник, понедельник,
Понедельник дорогой,
Ты пошли мне, понедельник,
Непогоду и покой.

Чтобы роща осыпалась,
Холодея на ветру,
И спала, не просыпалась
Дорогая поутру.

ГРУСТНОЕ

В это —
 серьезно верил,
Возможно,
 от простоты,
Звонок неожиданный
 в двери
Я открываю —
 ТЫ!
Верить мне
 в это хочется,
А факты кричат —
 не верь!
Ведь чаще всего
 молочнице
Я открываю дверь.

1956 г.

* * *

Я тебя девчонкой знал когда-то,
А теперь расстроенной гурьбой
Глупые, влюбленные ребята
Вечерами ходят за тобой.

Все понятно — так должно случиться,
Раньше, позже, но пришел твой срок
Уложить девчоночьи косицы
В золотистый женственный пучок.

Вспомнить здесь, по-моему, нелишне,
Как при виде этой головы
Я тебя, знакомую давнишнюю,
Неожиданно назвал на «вы».

А в конце концов открылось главное,
Я узнал как будто бы вчера,
Что какая милая и славная
Девочка из нашего двора.

И когда к тебе идут ребята,
Мне смешно и грустно вспоминать,
Что тебя за косы драл когда-то,
А теперь вот буду ревновать.

ПЕСЕНКА ЗАПРЕЩЕННАЯ

Ларисе Кадочниковой

Нескладно получается —
Она с другим идет,
Невестою считается —
С художником живет.

Невестою считается,
Пьет белое вино,
Нескладно получается —
Как в западном кино.

Пока домой поклонники
Ее в такси везут,
Сижу на подоконнике
Четырнадцать минут.

Взяв ножик у сапожника,
Иду я по Тверской —
Известного художника
Зарезать в мастерской.

Я жила в Доме колхозника при Сенном рынке в Ленинграде, в комнате с тремя лилипутками, когда явился Гена, объявил им, что он мой жених, стал подсаживать на высокие деревенские кровати и петь с ними песни из их репертуара, называя сразу Анечками, Манечками, и осторожные сердца лилипуток растаяли. Мы собирались в цирк, но не пошли, и мне была подарена книга «Новое о Маяковском» с надписью: «в день, когда мы не пошли смотреть на экзотических зверей».

Вдруг на абажуре обнаруживалась сторублевая бумажка — первый свой аванс Гена швырнул под потолок и наблюдал, как бумажки планировали. Он одного не понимал — почему слова должны обращаться в деньги, то есть в вещи, и досада его по этому поводу была серьезной, мучительной, глаза разбегались беспомощно. Почему не наоборот?

Мы ходили на Ваганьково, где похоронили его бабушку, пустынное, тихое, зимнее Ваганьково пятьдесят девятого года, и он сказал, что проживет до тридцати семи лет, потому что дольше поэту жить неприлично.

Наталья Рязанцева

* * *

Лают бешено собаки
В затухающую даль.
Я пришел к вам в черном фраке,
Элегантный, как рояль.

Вы сидели на диване,
Походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
Леденящий пистолет.

Расположен к низу дулом,
Сквозь карман он мог стрелять.
Я все думал, думал, думал —
Убивать, не убивать?

Было холодно и мокро,
Жались тени по углам.
Проливали слезы стекла,
Как герои мелодрам.

И от сырости осенней
Дрожь свою сдержать не мог,
Вы упали на колени
У моих красивых ног.

Выстрел, дым, сверкнуло пламя,
Ничего уже не жаль.
Я лежал к дверям ногами —
Элегантный, как рояль.

* * *

Справляли мы поминки
По выпавшему зубу
Плечистой четвертинкой
У продавщицы Любы.

Не редко и не часто,
Но выпадают зубы.
Зато они лучатся
У продавщицы Любы.

Ах Люба, Люба, Люба,
Я рядышком сижу,
Но все равно я убыль,
А на тебя гляжу.

Ты золотоволоса,
Голубоглаза ты,
А я сижу матросом
С понятием простым.

Мне нравится тут очень
И неохота очень
Отсюда уходить.

ТЕЛЕФОН ЗА ГОРОДОМ

Как напоминанье горькой шутки,
А точнее — просто общей кары,
В перекошенной узкой будке
Телефон был подвешен старый.

Сколько раз я на нем вызванивал,
Убеждался, теряя терпенье:
Телефон — это только название
Одного большого мученья.

Но в науку, конечно, веря,
Наклонившись над трубкой снова,
Так кричал, что за тонкой дверью
Было слышно каждое слово.

Где находится наша квартира,
Как порядок мне нравится здешний,
Отдаление от внешнего мира
Получалось действительно внешним.

И пока мы живем на даче,
Будет это мучение длиться.
Представляешь теперь, что значит
Мне отсюда тебе дозвониться...

* * *

Евгении Казимировне Ливановой

Какая вы сейчас?
Мне легче, но не лучше.
Я думаю о вас,
И это меня мучит.

Наивно, но с утра,
Для жителей безжалостно
Ору я вам — ура! —
Услышьте пожалуйста.

Апрель, 1974 г.

* * *

Я сетую. На что я сетую?
Я просто так с тобой беседую, —
И мне с тобой легко,
Печаль твою не унаследую, —
Я далеко.

Мы на луне? Да, на луне.
Во всяком случае — извне
Причин и следствий, чтоб грустить,
Свои сто грамм не пропустить.

И жизнь не пишется с листа,
Она — такая простота,
Что заблудиться проще,
И от рожденья до креста —
Как в роще.

Я б эту рощу описал,
Но это — скучно.
Висит у девочки коса
Благополучно.

* * *

Я сетую. На что я сетую?
Я просто так с тобой беседую.

Ты не печалься, есть платформа,
Есть электричка, я с тобой, —
И этой жизни униформа —
Под цвет обой.

Ты погляди — вот ватник рваный,
А вот — собака на ветру.
Охота — плачь, со всеми равный
И я слезу твою утру.

21 декабря 1973 г.

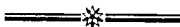

* * *

О, как немного надо бы,
Пошли с тобой по ягоды,
А хочешь — по грибы.
Я рада бы, я рада бы
И до китайской пагоды,
Ах, если б да кабы.

Гадать бы мне по линиям
Руки или по лилиям —
То тонут, то всплывут.
А я бреду по просеке,
А вы чего-то просите,
А я ни там, ни тут.

1969 г.

* * *

Спаси меня, Катя Васильева, —
О жалкие эти слова.
А ты молодая, красивая,
Пускай мне конец — ты жива.

Не плачу. Не то разучилось,
Не то разучили меня,
Ну вот под конец получилось —
Одна у меня ты родня.

Твою фотокарточку мятую
Из рыночного ларька,
Которые сутки не прятаю, —
Заслуга не велика.

Но пусто на сердце и сухо,
Прости меня, Катя, привет.
Уж лучше была бы ты сухою,
Но ты, к сожалению, — нет.

7 октября 1973 г.

СТАНСЫ. ПОПЫТКА

1. О, женщина, и есть о том рассказ,
легенда, присказка, баллада или сага,
о красоте которой без прикрас,
живому и во сне ничто не надо.
2. О, женщина, сравни тебя с рекой,
от самого себя всегда уносишь,
божественно протянутой рукой
вослед махнешь и, не вспомнив, бросишь.
3. О, женщина, а все дела людей,
богов, пророков, подзаборных леших —
все о тебе, помимо всех идей,
я, не колеблясь, за тебя повешусь.
4. О, женщина, страши меня, смехи,
учи, пугай, но даже на коленях,
я только прикажу тебе — ложись, —
и упадешь, как падают поленья.
5. О, женщина, я даже не костер,
и не камин, и не сожгу напалмом,
я просто руки настезь распростер —
ты не ко мне, а в небеса упала.
6. О, женщина, ни зла ты, ни добра,
но вне тебя тобою охраняюсь,
и первомайски прокричав «Ура!»,
пред матерью святою преклоняюсь.

Октябрь, 1973 г.

• * * *

Жила с сумасшедшим поэтом,
Отпитым давно и отпетым.
И то никого не касалось,
Что девочке горем казалось.

О нежная та безнадежность,
Когда все так просто и сложно,
Когда за самой простотою —
Несчастья верста за верстою.

Несчастья? Какие несчастья, —
То было обычное счастье,
Но счастье и тем непривычно,
Что выглядит очень обычно.

И рвано и полуголодно,
И солнечно или холодно,
Когда разрывалось на части
То самое славное счастье.

То самое славное время,
Когда мы не с теми — а с теми,
Когда по дороге потерий
Еще потеряться не верим.

А кто потерялся — им легче,
Они все далече, далече.

Январь, 1974 г.

* * *

Тебе со мною скучно,
А мне с тобою -- нет,
Как человек -- ты штучна
Таких на свете нет.

Вас где-то выпускают
Не более пяти,
Как спутник запускают
В неведомой степи.

* * *

Н. Рязанцевой

Наташа, ты не наша,
А все равно — моя.
Одна хлебалась каша,
Сидели без рубля.

Да и не в этом дело,
Подумаешь — рубли.
Я также оробело
Люблю тебя.
Любил.

В ЛЕНИНГРАДЕ

Н. Рязанцевой

Любимая, все мостовые,
Все улицы тебе принадлежат,
Все милиционеры постовые
У ног твоих, любимая, лежат.

Они лежат цветами голубыми,
На городском, на тающем снегу.
Любимая, я никакой любимой
Сказать об этом больше не смогу.

«Я думаю, как ты вошла в меня,
В мои дела, заботы и сознание...»

С Иной. Конец 60-х гг.

* * *

Инне

Под ветром сосны хорошо шумят,
Светлеет рано. Ты не просыпайся,
Ко мне плечом горячим прикасайся,
Твой сон качают сосны и хранят.

Тебя держу, тебя во сне несу,
И слышу — дятел дерево колотит,
Сегодня воскресенье в лесу,
На даче, на шоссе и на болоте.

Покой еще неначатого дня,
Неясные предметов очертанья,
Я думаю, как ты вошла в меня,
В мои дела, заботы и сознание.

Уходят в будни наши торжества,
Но по утрам хочу я просыпаться,
Искать слова и забывать слова,
Надеяться, любить, повиноваться.

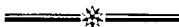
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МНЕНИЙ

Широкий поворот реки —
Прими меня в свои объятия,
От этой жизни отвлеку,
Река, подруга и приятель.

Рука и быстрая река —
Какие схожие понятия.
Обнимет, но наверняка
Обманет женская рука,
Отнимет быстрая река.

Но почему наверняка
Обманет женская рука?
И почему меня река
Так неожиданно отнимет?

А если так — река обнимет,
Рука любимая обнимет
И не отдаст наверняка!

* * *

Ни словом, ни делом
Ни в чем не вина, —
Но что бы ты делала —
Вместо меня?

А что б получилось
Из этой тоски?
Вязала б, вязала,
Наверно, носки.

Красные, зеленые
Или даже белые...
Я носков не вяжу —
Ничего не делаю.

Я мараю по листу
И себя раскидываю,
Но давай начистоту —
Я тебе завидую.

РЕДКОЕ СНОВИДЕНИЕ, ИЛИ ЖАЛКО, ЧТО НЕ В ЖИЗНИ

Такое может случиться со сна,
Простительно каждому,
и понятно —
Хорошее утро,
вообще — весна,
На стенах солнца яркие
пятна.
Небо за стеклами,
синь высоты,
Луж сияющие окружения.
И, конечно,
являешься ты,
Далекая
во всех отношениях.
Я удивленно шагнул назад,
Что-то
промолвил
дрожащим голосом.
Нет, несомненно — твои глаза,
Твои пшеничные волосы.
Мне незнакомое
ранее,
платье,
Воздушное,
белое, кажется,
бальное.

Потянулся тебя обнять я,
Не очень скромно
и очень нахально.

Думаю:
сейчас хлестнет
по щекам,

Что-нибудь резкое скажет.

А ты —

видно, стала по-проще-ка,

И улыбаешься даже.

Шаг вперед,

мы вдвоем.

Полностью, а не отчасти.

И так

не вовремя

сигнал «подъем!»

Перерывает счастье.

Сажу на кровати,

опухший со сна,

Ботинки

невесело обувая...

Как говорится,

весна,

Все бывает.

28 апреля 1955 г.

* * *

Все неслышной и все бестолковой
Дни мои потянулись теперь.
Успокойся, а я-то спокоен,
Не пристану к тебе, как репей.

Не по мне эта мертвая хватка,
Интересно, а что же по мне?
Что, московская ленинградка,
Посоветуешь поумней?

Забываю тебя, забываю,
Неохота тебя забывать.
И окно к тебе забываю,
А не надо бы забивать.

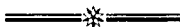
Все давно происходит помимо,
Неужели и вправду тогда
Чередой ежедневных поминок
Оборачиваются года?

* * *

Колыханье живое свечи
(Электричество в доме погасло),
И прекрасно — давай помолчим,
Сдвинем рюмки — и это прекрасно.

Дорогая моя, как дела?
И какие заботы печалят?
Что забыла, а что отмела
И оставила за плечами?

* * *

Я, ты знаешь, совсем не мелочный,
Но сегодня вдруг подсчитал,
Сколько мелочи и немелочи
В телефонных будках разменял.

Без особой грусти и без повода,
Бог с ним, как бы ни велик тот счет,
Ведь каким, по сути, тонким проводом
Были связаны с тобою год.

Может, это свойственно влюбленным,
Но сегодня у себя спросил:
Есть ли на Печерске телефоны,
Из которых ей не позвонил.

У Никольской, кажется, последний —
Но его придется поберечь,
Пусть и ненадежный, но посредник
Всех свиданий и коротких встреч.

Поклоняюсь телефонной нити,
Пусть я с трубкою дрожал не раз.
И, товарищи, пожалуйста, скажите:
Мелочь есть? Я позвоню сейчас.

1953 г.

* * *

Ларисе

Берега чужие — чужды,
Но они же — берега,
Приставай, пока ты нужный,
И хотя бы на «пока».

Если женщину обидишь
Ради имя своего, —
Никого вокруг не видишь
И не помнишь никого.

Помнишь не рукопожатье,
Не пожатие руки,
Сердца мужеского сжатье, —
И о том — что далеки.

70-е гг.

Инна Гулая в фильме «Время, вперед!»

ЯБЛОКИ

Инне

Эти яблоки растут
Не на дереве, а выше,
Выше неба или крыши,
А на Кировском мосту.

Эти яблоки в корзине
Возлежат среди зимы —
На мосту, не в магазине, —
Как хрустели сладко мы.

Ленинградская зима
Розовата и бесснежна,
И свежа, как ты сама
Или утренний подснежник.

Видел только в букваре,
Как они растут под снегом,
Но зато тебя смотрел
Между облаком и небом.

Между яблоком и небом,
Молодая, молодой,
Хорошо, печально, немо,
Между небом и водой.

Ах, какая там печаль —
Далеко нам до печали,
А беда уже вначале --
Невским ветром по плечам.

А пока — хрустим, грустим,
А пока — трамвая грохот, —
Далеко тебе до Охты,
Ты за все меня прости.

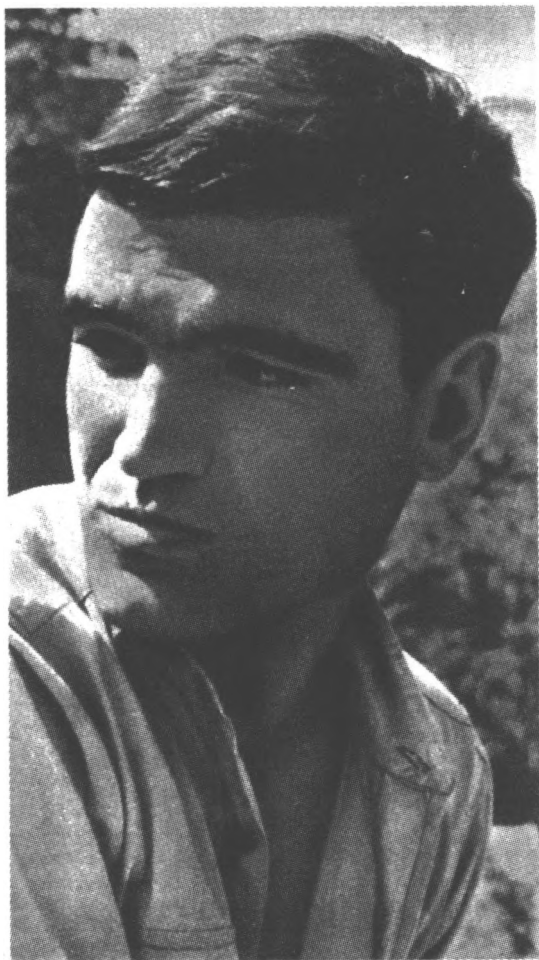
1973 г.

Бессонница

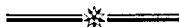

«...Но откуда на сердце
Вдруг такая тоска,
Жизнь уходит сквозь пальцы
Желтой горстью песка».

Еще раньше у меня бывали вот такие дни, такой пустоты, неприкаянности, но это проходило. Вот уже, наверное, месяц я живу так, и это не проходит. Я просыпаюсь внезапно среди ночи и сижу при электрическом свете, пробую читать — уже несколько лет я замечаю, что я стал читать любую ерунду, лишь бы не оставаться с незанятой ничем головой. Я не вижу никакого выхода, я совершенно пуст, работа не доставляет мне радости, так около года я уже работаю в нормальной зависимости от договора, денег, от необходимости все время думать, спешить, соглашаться или не соглашаться и спешить, спешить, существуя в промежутках без денег, без поддержки, шатаясь, где попало и с кем попало, уже около двух лет я беспрерывно пью, и теперь это стало уже нормой поведения — мне некуда деваться.

Геннадий Шпаликов

* * *

Свадьбы, коим мы не судьи,
Все там если да кабы,
Суета сует и судеб,
Или же одной судьбы.

Ссоры, споры, разговоры,
Ложкой вертят ерунду.
Конуры свои и норы
Разделяют по суду.

Вечно только подвенечно,
Если даже нет венца.
Это весело и вечно
Без начала и конца.

Апрель, 1974 г.

БЕССОННИЦА

Бессонница, бываешь ты рекой,
Болотом, озером и свыше наказаньем,
А иногда бываешь никакой,
Никем, ничем — без роду и названья.

Насмешливо за шиворот берешь,
Осудишь, в полночь одного посадишь,
Насмешливо весь мир перевернешь
И шпоры всадишь.

Бессонница... Ты девочка какая?
А может быть, ты рыба? Скажем, язь?
А может быть, ты девочка нагая,
Которая приходит не спросясь?

Она меня не слушала,
А только кашу кушала,
И думала: прибрать бы, а может, постирать,
А может, вроде свадьбы чего-нибудь сыграть

Чего-то вроде, около, —
Кружилось в голове,
Оно болотом скокало,
То справа, то левой.

Я говорю: не уходи,
Ночь занимается.
Ночь впереди и позади,
Лежать и маяться.

А ей-то, Господи, куда?
Мороз, пороша.
Беда с бессонницей, беда, —
Со мною тоже.

* * *

Случайность, странность — надоела,
Ищу покамест естество.
Вот бабы розовое тело
И чистый спирт, а не раствор.

Ищу сирени дикой влажность
И горечь лепестка во рту.
А остальное — ржа и лажа, —
Она понятна и ежу.

У каждого свое страдание. Геннадий Шпаликов, писатель светлого молодого дара, в течение двух-трех лет постарел непонятно, страшно. Встретились в коридоре киностудии. Он кричал — кричал! — «Не хочу быть рабом! Не могу быть рабом!.. (Далее нецензурно)». Он спивался. И вскоре повесился.

Александр Володин

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЫГАНАМ

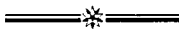
- Погадаю.
- Погадай.
- Я серьезно.
- Я серьезен.
- Не ладонь, а благодать.
- По ладони?

Давай я тебе погадаю,
Про вашу судьбу, про свою.
Я малость, но угадаю,
И малость зачтется в раю.

Я вижу — не по ладони, —
А по невеселым глазам,
Что в поле исчезли те кони
И не повернуть их назад.

Наивное благополучье, —
За это грести да грести,
Наскучило или наскучит, —
И за откровенность — прости.

Сентябрь, 1974 г.

* * *

Живет актриса в городе Москве...
Чего актрисе суетиться?
Актриса в зеркальце глядится, —
Глаза хохлацкие в тоске.

В глазах хохлацкая тоска,
Давай, актриса, потоскуем.
Как жаль, что ты не потаскуха, —
Тебя бы проще приласкать.

Что стих! Ладонь на голове
Или на лбу разгоряченном, —
Но я не трогаю девчонок
И трезвым, и осоловев.

Зима на улице, зима!
Декабрь в Москве — такое дело!
Слегка актриса обалдела
Вчера от талого дерьма.

Москву туманом унесло...
Все пасмурно. Куда деваться?
По вечерам Москве сдаваться?
Старо. Травую поросло.

Есть мудрость нераскрытых книг...
Столы за дружеской беседой...
И прелесть жизни оседлой, —
Другим рассказывай про них...

А мне рассказывай... О чем?
Рассказывай! О чем, актриса?
Во что идею облачим,
Чтоб смысл веселый не укрылся?

Тиха украинская ночь...
В реке не надобно топиться.
Тону! — а телу не помочь, —
До середины даже птица
Не долетит. А человек — куда до птицы
человеку...

...Еще: вола светлеет веко,
Опущенное тяжело,
И мельницы едва крылами
Качают в сумерках степных,
И за чумацкими волами,
Волами, травами — колых...
Колых — влетит ночная птица...
«Колы разлюбишь...» — шепот тих...
И мельница крылом — колых...
И до туретчины катится
По соляному шляху...
— Слых...
— Не слушаю...
— А ты послухай!
— Ну, не хочу!
Тогда гляди
На ковшик Млечного Пути —
Повис, — серебряный, казацкий...
И начало уже казаться —
Звезда с звездой говорит
На языке, земле невнятном...
Чего нам завтра сотворит? —
Не говорит звезда — горит...

* * *

«Ах, где чувства есть простые,
Там слова не говорят!»

Наши чувства поостыли,
Зажигаем — не горят.
Вот такая — а какая?
Вот такая эта жизнь!
Не туда она толкает,
А попробуй с ней — свяжись.
А попробуй — развяжись,
Расставаться неохота!
Если даже пароходы
Возвращают в эту жизнь.

* * *

*П.К.Финну — в ответ на
дружеское послание*

Меня влекут, увы, не те слова,
Не «ледосплав», не «ледоход» и даже —
Поэта золотая голова —
Все — лажа.
А что не лажа?
Что, мой друг, не ржа?
Путру сон? Желание хозяйки?
Или полет ружейного пыжа
Вслед лайки?
Не лажа, Паша, — доказать готов, —
Мысль сухопутная да прозвучит не дико! —
Охота (но — не промысел) китов
Под руководством, Паша, Моби Дика.
Она явилась как-то раз во сне
И совершенно якобы нехстати,
И дел извне и местности — вовне,
Как, например, на Клязьме — полосатик.
Не ихтиолог, не специалист
По промыслу, тем более — по ловле,
Хотя спортсмен и в прошлом — футболист,
Тогда — во сне — себя поймал на слове,
Что надо наниматься на суда,

Прощайте, трепачи и резонеры!
И плыть, конечно, Паша, не сюда —
А в гарпунеры.
Не лажа, Паша, помнишь? — клык моржа,
А впрочем, и моржи, конечно — лажа,
Хорош еще, конечно, дирижабль,
Вслед за китом возникший из миража...

СТИХИ О ВЫЗДОРОВЛЕНИИ

Целебней трав лесных,
А трав настой целебен, —
Пусть входят в ваши сны
Орел и черный лебедь.

Я вам не говорил —
Но к тайнам я причастен, —
Размах орлиных крыл
Прикроет от несчастий.

О, тайны ореол,
И защитит орел,
И лебедь успокоит.

Невзгод не перечеть,
Но если что случится, —
Запомните, что есть
Еще такая птица:

Ни лебедь, ни орел,
Ни даже дух болотный, —
Но прост его пароль —
Он человек залетный.

Беда ли, ерунда
Взойдет к тебе на крышу,
Ты свистни, я тогда —
Ты свистни — я услышу.

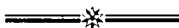
1969 г.

* * *

Неправда — жизнь не оборвалась,
А прекратилась. Да, прервалась.
Ну, потеряем эту малость —
На то пока не наша власть.

Я верю в то, что жизни прелесть
Преобладает надо всем.
Мне жизнь пока что не приелась,
Я от нее не окосел.

Апрель, 1974 г.

* * *

О рыжий мой, соломенный,
Оборванный язык,
Когда плывешь соломинкой,
Я к этому привык.

Собачья жизнь, собачья,
На этом берегу.
Но не смогу иначе,
Наверно, не смогу.

Апрель, 1974 г.

* * *

Может, я не доживу
До того момента,
Как увижу наяву
Цель эксперимента.

Может, я не дотяну
В будущее ногу,
Мне полеты на Луну
Лично не помогут.

Риторический вопрос
И отчасти глупый —
Для чего я жил и рос,
Не рассмотришь в лупу.

Или, скажем, в телескоп
Из обсерваторий —
Отчего в цвету укроп
И зелено море?

Говорят о чем киты?
Воробьи, синицы?
Отчего мне ты да ты
Продолжаешь сниться?

Отчего ко мне во сне
Города приходят?
Откровение извне —
На каком же коде?

Телетайпе, телети,
Я по ним шатаюсь.
Кто кино про то крутил?
Не таюсь, а таю...

Декабрь, 1973 г.

СТИХИ ПРО СВЕЖУЮ ГОЛОВУ

Что такое — свежая голова?
Легкая? Нежная? Снежная?
Голова, говорят, права,
Даже если она с плешинной.

Обожаю я свежие головы,
Безнадёжно я их люблю.
Под дождем постоять бы голому, —
Умоляю, но не молю.

Было дело то в Мелитополе,
Теплый дождик с утра валил,
Ночью с другом куда-то топали, —
Утром дождик тот умилил.

Был тогда я помоложе,
Просыпался вполне светло,
И хотя, все равно — все то же, —
Позже дождиком так не мело.

И труба позже так не пела,
Не свежела так голова.
Да не в дождике в этом дело, —
В общем — жизнь совершенно права..

* * *

Остается во фляге
Невеликий запас,
И осенние флаги
Зажжены не про нас.

Вольным — вольная воля,
Ни о чем не грущу,
Вздохом в чистое поле
Я себя отпущу.

Но откуда на сердце
Вдруг такая тоска,
Жизнь уходит сквозь пальцы
Желтой горстью песка.

1969 г.

ДОЛГИ

Живу веселым, то печальным
В квартале экспериментальном.
Горжусь я тем, что наши власти
На мне испытывают пластик.

А больше мне гордиться нечем,
Да я ничем и не горжусь, —
Ем поутру с картошкой лечо,
Вспоминаю и тружусь.

Труды приносят мне долги,
Отдохновенья — не приносят,
Долги построились в полки,
Приказа ждут и крови просят.

Я к ним покорно выхожу
И руки кверху подымаю, —
Я их прекрасно понимаю,
Но выход не нахожу.

Я говорю им: до утра,
Ну что вам стоит, подождите,
А утром я скажу: простите,
Я вас обманывал вчера.

1959 г.

* * *

Не ходи в дома чужие
На чужих кроватях спать,
Если сладко положили,
Можно с белого и спасть.

На полу, оно и жестче,
Ветер с форточки — метлой,
На полу — уже как в роще, —
И покойно и светло.

Октябрь, 1973 г.

ПЕСЕНКА

Я иду по городу,
Мысль во мне свистит:
Отпущу я бороду,
Перестану пить.

Отыщу невесту,
Можно — и вдову,
Можно — и не местную,
Клавой назову.

А меня Сережей
Пусть она зовет,
Но с такою рожей
Кто меня возьмет?

Разве что милиция,
И пешком — под суд.
За такие лица
Просто так берут.

Да, дошел до ручки,
Да, теперь хана.
День после получки —
Денег — ни хрена.

Что сегодня? Пятница?
Или же четверг?
Пьяница ты, пьяница,
Пропавший человек.

Борода не вылечит,
Мама не спасет,
Потому что мама
Далеко живет.

Может, мне податься,
Скажем, во Вьетнам?
Да война там кончена -
И порядок там.

Ну, а если в Чили,
С хунтой воевать?
Ведь меня учили
В армии стрелять.

Ночью на заборе
«Правду» я читал, —
Сговор там, не сговор?
Не понял ни черта.

Ясно, убивают,
А я — в стороне.
Хорошо, наверно,
Только на Луне.

Октябрь, 1973 г.

* * *

Собака ты, собака,
Ты рыжая, я — сед.
Похожи мы, однако,
Я твой всегда сосед.

Похожи мы по роже,
А также потому, —
Тебе, собака, сложно —
Ты все-таки «Му-му».

Жлобам на свете проще,
Собака, ты не жлоб,
И дождь тебя полощет
И будит через жолб.

Мне от того не хуже,
Не лучше — ничего,
Собачья жизнь поможет,
Излечит от всего.

Октябрь, 1973 г.

* * *

О, когда-нибудь, когда?
Сяду и себя забуду,
Не надолго — навсегда,
Повсеместно и повсюду.

Все забуду, разучусь
И разуюсь и разденусь,
Сам с собою разлучусь,
От себя куда-то денусь.

Декабрь, 1973 г.

* * *

Я сидел на скамейке,
А хотел повеситься.
Вернее так — я хотел как-то себя уничтожить,
Еще вернее — исчезнуть из этой жизни насовсем.

Нет, не как художник, не как сеятель, —
Нет, просто, по-человечески.
Я ощущал свою ненужность в мире, —
И ее нельзя было спасти ни этой солнечной
погодой, —

Ни вином, — ничем —
Абсолютно трезво я хотел уйти из жизни, —
Ни на что не надеясь, ни на что.

И это решение — во мне
Было настолько сильно, что —
Что я его никак не решался отменить —
Просто я не хотел устраивать из этого показуху
И не знал, как это сделать, короче —
Обыкновенней, — смерть — закономерность,
И нет в ней ничего необъяснимого,
Кроме самого факта, —
Но этот факт мне
Хотелось скрыть от людей —
Я только не знал — как?
Утопиться? —

Ведь тело вынесет.
Застрелиться? —
Ведь и оружия нет.
Повеситься? —
Висящее где-то тело? —
Ни в коем случае —
Я хотел исчезнуть так,
Чтобы не нашли.
Я думал: как?
Спокойно, трезво
Обсуждая — с самим собой —
Как?
Покончить с собой,
Не имея оружия,
Сложно.
Купить? — Где?
Охотничий билет?
Конечно, это все несколько смешно —
По способу рассуждений —
Тем более —
Я же не повесился.
Но от чего?
От того, что не было под рукой средства
самоуничтожения
И музыка весело играла.
Но все же — от лени.
Вдруг все это наскучило,
Вот — лень спасла.

1968 г.

* * *

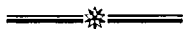
Душа моя вошла ко мне
И не сказала мне ни слова,
Душа моя меня умней, —
Но цвет ее светлоголовый.

Тот цвет, не более — волос, —
И более, но все же волосы, —
Я выше русских не возрос,
На более не хватит голоса.

Душа моя и не моя,
А чья она, хотя бы русая,
Переводить? — через маяк? —
Через леса? Или зулусами?

На чистом русском языке,
Аз, буки, веди. — ЛЕДИ, —
Снегами, говорят, медведи,
Пошли, душа, рука к руке.

70-е гг.

* * *

Нет ни Бога, и нету черта,
И, наверное, ни черта,
А, наверное, есть что-то,
А за этим уже черта.

И не нами она обозначена,
Я целую, хотя бы снег,
Где по белому, черному, начисто
Во снегу лежит человек.

1973 г.

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

У меня рука немеет,
И рука — как я — бледнеет,
Белый, синий и зеленый
Я лежу или сижу.

Мне плевать на эти рифмы,
Вот рука немеет,
Шкаф не закрывается, дверь;
Потерял ключи,
Отсутствие борща.

1973 г.

* * *

Душа рассталась с телом,
С телом обалделым.
И сказала душа,
Не спеша:

— Прощай, я прощаю тебя,
Что было спокойное око, —
А я улетаю в Тибет,
А, может, еще и в Марокко.
— А всерьез? — я спрашиваю.
— А я всерьез.
Разлуку скрашивает
Тьма, мороз.

70-е гг.

* * *

Не было ни снега,
Ни травы,
А душа убыла
На «увы».

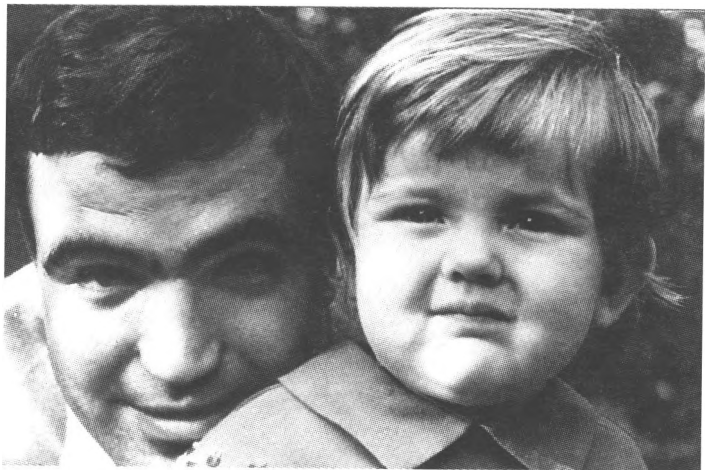
70-е гг.

Даше

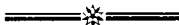

«Все то, что на свете осталось,
Я именем Дани зову...»

Геннадий Шпаликов, как никто другой, умел радоваться. Не в этом ли отличительный знак его стихотворного и кинодраматургического таланта? Пронзительная, до боли в сердце любовь к жизни... Может быть, в ней — причина столь ранней гибели поэта? При встрече с человеком, знакомым или незнакомым, Гена неизменно улыбался, как бы сразу стремясь приобщить его к радости существования. Наперекор всему черному, что в избытке было в окружающем. Помню, как на одном очень важном и зубодробительном совещании «по вопросам искусства», где прорабатывались и его картины, Шпаликов, выйдя на трибуну, не стал каяться и обещать, а, открыто улыбнувшись залу, просто сказал: «Я сегодня такой счастливый... У меня родилась дочь».

Леонид Нехорошев

* * *

Даше, 19 марта

Я помню, а ты и не вспомнишь, —
Тот мягкий, по марту, снежок,
И имя мое ты не вспомнишь,
И это уже хорошо.

Все то, что на свете осталось,
Я именем Даши зову.
Такая тоска или жалость, —
Я вижу тоску наяву.

Октябрь, 1973 г.

* * *

Дочери

Глаза мои опухали,
Ресницы машут лопухами,
Одна ресница, как лопух,
Другая — веточкой еловой —
По девочке светлоголовой
Слезой падет на летний луг.

А людям пожимать плечами,
С чего же так орать ночами,
Как морж или медведь,
С чего же все на свете путать,
Котенка под рубахой кутать,
Штанов, по сути, не иметь, —
Жить обреченным, явно на смех,
А между тем, спокойно, насмерть,
Блевотиной освободя, жить для себя

Качайся в смехе, покачайся,
Но ты особо не печалься —
Сегодня — точно не помру.
Я комнату спокойно отопру,
Ботинки в сторону отброшу,
Чернил налью в твою галошу,
Рукою об руку потру.

1973 г.

* * *

Дочери

Прощай, мое сокровище, —
Нелепые слова,
Но как от них укроешься, —
Кружится голова.

И мартовская талость
Бросается и рвет,
Мне докружить осталось
Последний поворот.

Октябрь, 1974 г.

* * *

Жили-были волки
У зеленой елки,
Прятались под ветками
Со своими детками.

Елку срубили,
Волков не спросили,
Потому что волки
Проживут без елки.

* * *

С утра по крыше ходит кот,
В окно погреться просит.
И кепку задом наперед
На голове он носит.

Его товарищ — воробей, —
При нем он тут как тут,
Но я не помню — хоть убей, —
Как воробья зовут.

Не то Борис, не то Андрей, —
Но, крылышки сложа,
Тук-тук, тук-тук — открой скорей! —
Он требует дрожа.

А за котом придет потом
Один знакомый пес,
Они приятели с котом,
Зовут его Матрос.

Хотя он не видал морей,
Зато он одноглаз!
Тук-тук, тук-тук — пусти скорей! —
Он требует тотчас.

А я гляжу в окно — темно,
А на дворе все плоше,
И вижу белое пятно:
Идет по крыше лошадь.

Ее зовут — опять забыл!
По-моему, Марина —
Простое имя для кобыл,
Как Даша или Инна.

Среди знакомых лошадей
Все Мэрилин — не ниже, —
Но вижу: кто-то из людей
Ко мне идет по крыше.

На черной шляпе — белый снег,
Снег на велосипеде —
Ко мне по крыше раньше всех
Наш Чики-Брики едет!

Он лучший гость — кидает трость,
Снимает ловко шляпу —
И поднимает первый тост
За крышу и за папу.

А тост второй — за всех котов,
В подвалах или в чаше,
За всех собак, моржей, китов,
К нам по утрам стучащих!

За всех бездомных лошадей
В отдельности и вместе,
А также выпьем за людей,
Когда они не в чести!

В честь потихонечку не влезть,
В нее приходят разом:
Ни тьма, ни ложь, ни страх, ни лезть,
А побеждает разум!

Кивала лошадь головой,
Клевал зерно Андрюша, —
Хоть воробей, но не впервой
Он речь такую слушал.

Как много люди говорят!
Про честь и про бесчестье,
Который век уже подряд
В отдельности и вместе.

В честь потихонечку не влезть...
Влезают — и в галошах!
«На мне один приехал в честь», —
Сказала скромно лошадь.

Ах, это — он! Ах, это — он!
Ну, он — другое дело,
Он — олимпийский чемпион,
И лошадь прогремела.

Оставим спор, он пуст — не скор,
Раз спорили веками!
И пустим этот разговор
Промежду дураками.

Не для того мы собрались
Сюда под снегопадом —
Пожалте, общество актрис!
И, значит, Дашу надо!

Какой у Даши телефон?
123... — а дальше?
Секрет! Секрет! Но мы его
Раскроем — ради Даши.

Она вас помнит, любит, чтит,
Акулы, звери, птицы,
Она циркачкою почти
Могла бы получиться!

Не примадонна! Но — балет!
А так бы в цирк иначе!
У Даши кролик был — Валет
И курица на даче.

Итак, звоним! Но где она?
Артистка под вопросом!..
А Даша — Даша у окна
К стеклу прижалась носом!

Она давным-давно сюда
Пришла повеселиться,
И остальное — ерунда!
Пожалте — танцовщица!

Даша челкой повела — как дела?
Я слона вам привела — есть метла?
Нынче что-то снегопад — все бело,
И слона, как Самарканд, замело.

Ох, простудится, боюсь! Ох, боюсь! —
Он на улице — зато я посмеюсь!
Раз, простуженный, пошел он в магазин
Мне для ужина купить лососин.

Раз чихнул он в магазине — и привет!
Магазина лососины больше нет!

...И по крыше вслед за Дашей
Слон идет, ушами машет!
Самый зимний в целом мире
Слон по имени Порфирий!

Познакомьтесь — это Проша,
Это папа, это лошадь,
Это наш ученый кот
В кепке задом наперед.

Это, Проша, воробей,
Имя вспомнить — хоть убей!
«Прохор, — Даша говорит, —
По-индусски говорит».

Кот расправил длинный ус —
Да и спросил:
«Значит, Проша, вы индус?
Гран мерси!»

Даша кепочку поправила коту:
«Помолчал бы ты, а то — переведу!

В снег, в порошу улетает дирижабль!
Только Прошу вы не смейте обижать!

Проша, Проша, — что с тобой? Не реветь!
Будь хорошим! Ты же слон — не медведь!»

Оказалась скатерть кстати —
Проше вытерли глаза,
А у Проши ровно в скатерть
Помещается слеза.

Но тут появляется летчик,
И летчику не до примочек.

«Где тут гражданка певица,
Которую ждет заграница?
А все посторонние лица
Прошу поскорей удалиться!»

Отдает он Даше честь:
«Вещи здесь?»

«На дорогу бы присесть...
Время есть...
Дирижабль это мой,
А не ваш,

Я пришла к себе домой —
Ну-ка, марш!»

Отослала Даша летчика назад
Проверить у дирижабля тормоза.
А сама посмотрела на Прощу:
«Ах, прощай, мой любимый, хороший! —

И добавила строго: — Порфирий!
Не твори беспорядка в квартире!
И не топай — на восьмом этаже!
Ты в Европе, а не в Индии уже!

А то скоро прилечу-прилечу
И такое закачу-закачу!
ЗА-КА-ЧА-ЕШЬ-СЯ!»

И — улетела!

15 января

Дальше писать невозможно!

Надо работать, очень жаль прерывать такую замечательную поэму. Продолжение следует: «Даша в Лондоне». Обнимаю маму и дочку!

**ПОСЛЕ ПРОСМОТРА
ФИЛЬМА «ДЕТИ РАЙКА»
ОСЕНЬЮ 1973 ГОДА**

Дочери

Чего-то плакать стал в кино,
Хотя кино — не те.
Но хорошо, когда темно —
Не видно в темноте.

Ни мокрых глаз или ладонь,
Прижатую слегка,
За все страданья примадонн,
Родных детей райка.

Там и потери, и тоска,
Потери — через раз.
И заработок из-за куска,
И от куска отказ.

Неразделенная любовь,
И разделенный — свет,
И столкновенье чуждых лбов —
Чего там только нет.

Бездомность, блеск и нищета,
Невесел и конец,
Когда понятна вся тщета
Двух любящих сердец.

Но из Повторного кино
К Никитской выходить, —
Кому перо, кому станок,
Кому портвейн пить.

Но на Никитской у кино,
Я видел то молчанье, —
И астроном и агроном
Как бы однополчане.

Октябрь, 1973 г.

ТЕАТР ТЕНЕЙ

Даше

Свет погасим? Погасили.
А теперь нужна свеча,
Чтобы можно, без усилий,
Действовать не сгоряча.

Тут не стоит торопиться.
Вот свеча, а вот ладонь.
Я прошу вас не толпиться
И не плакать на огонь.

Ничего не бывает
страшнее!
Ничего не бывает
смешнее!

Жила-была старуха,
А у нее? Старик.

Ладонь моя плавает по стене, неумело все это изображая, зайца, чертей, кого-то на помеле, потом уже и пальцев не хватает, и дочке и ее милым подругам приходится принять участие. О, сколько детских рук на белой стене мелькало, соединялось, сколько разных невиданных миру и населению Земли существ возникало на белой стене; давно это было, а не увижу лучшего: детские руки, толкаются они в темноте, орут, смеются, и руки, девчоночьи, челки, взметенные. Каникулы, кажется, а может, будний день.

2 января 1974 г.

* * *

Даше

Забуду, слова перепутаю,
Нечетко на это смотря,
Тебя я, родная, не спутаю
С началом, хотя б, октября.

С водой, на нее ты похожа,
На эту прекрасную, но и
Ты в нее запросто вхожа,
А ноги, прошу, не криви.

Зябко, Даше, мне,
И наверное — точно —
Вот, наверно, на луне
Нам не будет тошно.

На обратной стороне
Иль на оборотной, —
Дом построим на луне,
И домой — обратно.

Октябрь, 1973 г.

СТО ВОРОН И СТО СОРОК И ЕЩЕ ОДИН СУРОК

Сценарий мультфильма

Вижу — тоненький ледок,
Вижу — беленький снежок.
Как он выпал — не заметил,
Если выпал, значит, в срок.

Сто ворон и сто сорок
Прокричали: «Выпал в срок!»
«Выпал в срок», — сказал сурок,
Молчаливый, как пророк.

На рябине — белый снег,
На калине — белый снег.
А на елке, а на елке,
А на елке — больше всех!

Но под снегом провода
Провисают — вот беда!
Оборвутся провода —
Что тогда?

Буря мглою — мы без света.
Небо кроет — все впотьмах!
Ни привета, ни ответа,
И волнение — в домах!

Все замолкнут телефоны,
Заметет метель порог.

Где сороки? Где вороны?
Где скрывается сурок?

Сто ворон и сто сорок --
Сто надежд и сто подмог.
И -- еще один сурок!
Помогите, если можно,
Я бы вам всегда помог.

Сто ворон и сто сорок
Проводами -- прыг да скок!
А мороз жесток, жесток,
Провода -- плохой шесток!

Но мороз им не преграда
Посреди большой зимы.
Если надо -- значит, надо,
Если нужно -- вот и мы!

Сто ворон и сто сорок --
Сто надежд и сто подмог!

А четыре сотни крыльев --
Это просто эскадрилья!
Это полк спасителей --
Снегоочистителей!

Снег ложится на кусты --
Провода опять чисты.
Натянулись провода --
Отошла от нас беда.

Сто ворон и сто сорок
Оказались людям впрок.
А внизу стоял сурок,
Он никак взлететь не мог,
Потому что грызуны
От рождения грузны.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спят в диване валенки
И галоши спят.
Ты усни, мой маленький
Бледнолицый брат.

Сном объаты площади,
Летний сад молчит,
И на медной лошади
Медный всадник спит.

1958 г.

* * *

Не прикидываясь, а прикидывая,
Не прикидывая ничего, —
Покидаю вас и покидываю, —
Дорогие мои, всего!

Все прощание — в одиночку,
Напоследок — не верещать.
Завещаю вам только дочку —
Больше нечего завещать.

Октябрь, 1974 г.

«...Какое было лето? —
То ох, то ах — то ах...»

Все вгрозем.

* * *

Есть такая девочка
В городе Москве,
Девочка не денежка —
Золото в тоске.

Есть такая девочка —
Вечером, с утра, —
Для нее я дедушка,
А по мне — сестра.

Я смешу ее, смешу,
Вру или печалю,
А она мне — парашют,
Белый да печальный.

Ничего она о том
Не подозревает, —
Я люблю ее за то —
Плачет и зевает!

Плачет и зевает,
Мается и мает,
Ходит, как гусыня, —
А бы ей бы сына,

А бы ей бы дочку —
Чтоб не в одиночку...
А бы, а бы, а бы —
Бабы, бабы, бабы.

ГРОМ

Даше

Когда-нибудь потом,
А может, после (чего?),
Я расскажу про гром —
У нас бывали гости.

Не так уж много, но —
Но все-таки бывали, —
Шло белое вино,
И мы не унывали.

Унынье настает
По той простой причине,
Что времени отсчет
Повис на середине.

У стрелки часовой
Случаются причуды —
То закричит совой,
То петухом, то чудом,

Завертится вдруг вспять,
Вернет нас в понедельник,
Заставит утром спать
И обернет в сочельник.

ДАШЕ, НА ПАМЯТЬ

На станции «Ерофей Павлович»
Служил Тимофей Павлович,
Родине он служил;
Была у него палочка,
Вполне деревянная палочка,
Ею он дорожил.

Когда Тимофей Павлович
Помахивал этой палочкой, —
Он с водою дружил, —
И с колодцами, и с полководцами, —
Палочкой дорожил.

Он с министрами — ближе выстрела,
Он колодцы всем открывал, —
Кто-то выстрелил, —
Так бессмысленно,
Что поделаешь — наповал.

На станции «Ерофей Павлович»
Жив Алексей Тимофеевич,
Жива Анна Андреевна
И жив Алексей Кузьмич.
Жива деревянная палочка
У «Ерофея Павловича»,
Да еще у небес.

Качаемся? Покачаемся,
За Тимофея Павловича,
Да за осенний лес.

ЗЕЛЕНОЕ

Даше

Зеленое, зеленое,
А больше я не вижу,
А ты незакаленная —
И этим только ближе.
Коза бредет меж чем-то,
И нянька спит впотьмах,
Какое было лето? —
То ох, то ах — то ах.
Какое было лето?
Какие чудеса?
Все это неиздето,
Зеленое — спасал.

1973 г.

ДАША ШПАЛИКОВА И УТРИЛЛО

Каждую ночь, и днем бывает,
Я смотрю на вас,
На Дашу и Утрилло
(Как он пишется — через 2 «л»?).

Узнаю утром, но вряд ли.
Я не спрошу,
Потому что его звали М. Утриталино
(Он так подписывался),
А тебя — Даша.

Он — серое, дымное, нежное небо,
Ты — смутное,
Я не знаю что,
Но вы — родственники.

Ибо таскал я вас рядом
Всю дорогу.
И вы привыкли — Даша,
И утром — Утрилло.

Вы похожи — города похожи,
А люди — редко,
А вы — похожи,
Чем? Я не знаю.

Я только соображаю схожесть
Дыма, реки, неба, — и

Не больше, и женщины,
И Даши.

О, путешествия во времени,
Их нет; и есть; и нет;
Даша, ветер, ночь,
Серое небо Парижа.

Серое небо октября,
Трамвай, утро, уроки,
Нелепость образования,
И — Утрилло (через 2 «л»).

Серое небо, ты на нем,
Прислоненная к Утрилло, —
Фотокарточкой (окоем), —
Пошли, ночью пообедаем.

70-е гг.

Кинороман

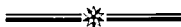

Лариса Шевцько

В одном из писем своему другу писателю Виктору Некрасову Шпаликов писал: «...Что-то самообладание сдает — хотя причин было, в общем, не более, чем обычно. Но меня не покидала уверенность — уже после, — что ты-то поймешь все правильно: все как-то осто... — дела остановились, — 1 год работы — Лариса Шепитько (помнишь, м.б., ее «Крылья») на Мосфильме — но все, как обычно, полетело вначале в трубу, потом несколько выправилось, обрушилось снова, — это совпало с абсолютным безденежьем, домашними, естественно, осложнениями — ко всему я еще и заболел воспалением легких, болея, передумал свою проклятую более или менее жизнь, пришел к устрашающим выводам...»

Это был 1968 год, Шпаликов тогда работал над сценарием «Пробуждение», фильм по которому потом поставила Лариса Шепитько (на экраны он вышел, правда, под другим названием — «Ты и Я»).

Трудная была судьба у этой картины, но все-таки по-настоящему счастливая. Все совпало: истинно шпаликовская интонация; точное прочтение режиссером; гениальная музыка Альфреда Шнитке; пронзительная игра актеров — Ю. Визбора, Л. Дьячкова, А. Демидовой...

ПРОБУЖДЕНИЕ

В ноябре в Стокгольме вручалась очередная Нобелевская премия. Ритуал вручения был уже давно разыгран, отрепетирован, всем известен до мельчайших подробностей.

Вечерние костюмы, черные фраки, зимний жесткий крахмал воротников, сдавливающих шеи, открытые платья, застывшие лица лауреатов в креслах, король Густав-Адольф, вручающий золотые медали, приветственные речи, обдуманная, медленная речь нового лауреата, большой прием в конце, когда все стоят как будто в ожидании чего-то, что должно произойти, кроме этого вечера, а ничего больше не происходит, — необязательность разговоров, тосты, уставшие лица женщин, попытка изобразить оживление, блицы фотографов, улыбки, снег за высоким темным стеклом окна, Гайдн в исполнении всемирно известного квартета, рукопожатия, тосты снова, яркий свет в зале, свечи, блеск хрусталя, общее движение или его видимость, поскольку вся эта толпа хорошо одетых, чисто выбритых, выглаженных, надушенных, обдуманно разговаривающих людей при внешнем движении была абсолютно неподвижна.

Петр успел поговорить со всеми, с кем ему действительно надо было переговорить, и с множеством людей совсем случайных. Кроме того, он неоднократно улыбался, целовал руки, заинтересованно слушал, поднимал бокал, понимающе кивал головой, сам что-то говорил то с убеждением, а то — стараясь не выпасть из общего тона — совсем односложно, и все это вре-

мя искал глазами Катю, а она делала примерно все то же самое, только отдельно от него, в толпе, и, может быть, ей приходилось меньше говорить, но зато больше улыбаться, быть внимательным слушателем, благодарным собеседником и вообще — красивой женщиной, с которой есть о чем поговорить, ибо она все поймет, а если даже чего и не поймет, то, во всяком случае, оценит.

И Катя искала Петра.

Они несколько раз попадали в одинаковые ситуации — уйти, не дослушав, было невозможно, но стоять, зная, что тебя ждут (Петр явно показывал Кате, а она ему, что им хорошо бы отсюда исчезнуть), было крайне неловко, и все слова казались какой-то бесконечностью, пропастью, из которой нет никакого выхода, а слова все лились — вежливые, вздорные, с блеском ума и полным его отсутствием, — гладкие слова, произносимые автоматически...

...И все же им удалось исчезнуть.

...Петр накидывал пальто поверх вечернего платья Кати, заводил машину, Катя сидела рядом расслабившись. Туфли сбросила, с наслаждением вытянула ноги.

Ни слова не говоря, они мчались по ночному городу к морю.

Машина уперлась в мол.

Петр поднял верх. Ветер с моря, тишина, нарушаемая лишь ударами волн о причал. Тьма. Полный покой.

Молча, вдвоем, сидящие отдельно, но близкие сейчас, как редко бывает близок человек, — один к другому.

Закрытые глаза, головы откинута на подушки, сдернутая с шеи бабочка, влажный морской воздух — каждый вздох — с жадностью и облегчением.

Саша проснулся оттого, что зазвонил будильник.

Ровно восемь.

Тотчас сработал автомат: звонком будильника приведена была в действие целая система — щелкнул проигрыватель, завертелась пластинка — игла скользнула по диску, и — грянул марш, заговорило радио, свернулась вверх штора, открылись сами двери балкона, и в комнату хлынул поток солнечных лучей — зеркало вспыхнуло на подоконнике, качнулась занавеска, — утро началось.

Саша привычно сунул ноги в тапочки, вскочил. Высокий, хорошо сложенный, чуть полнеющий, в белых трусах, в майке.

Слушая радио, выпил бутылку кефира из холодильника и, разминаясь постепенно, входя в ритм, сделал зарядку.

Затем зашелестел душ. Параллельно на кухне — пел и свистел кофейник.

Саша, свежий, выбритый, в легких светлых штанах и белой рубашке, сбежал вниз, не ожидая, пока поднимется лифт, открыл ящик, достал кипу газет, аккуратно запер его.

Далее он завтракал в большой кухне, где все стояло на своих местах, все было чисто, кафель — сверкал, кофе дымилось, темнело сквозь прозрачную чашку с цветами.

Саша все делал с привычной четкостью, направленно.

Так, во всяком случае, казалось: с самого момента вставания до быстрого мытья посуды во всем была какая-то обдуманность, цель, соразмерная поспешность занятого человека.

Чуть смутило то обстоятельство, что, вместо того чтобы так же быстро одеться и уйти из дома, он достал из холодильника лед в замерзших формочках и под краном с горячей водой довольно долго и стара-

тельно начал откалывать белые квадраты льда, складывая их в стакан.

...И вот уже этот стакан, освещенный насквозь, покачивался в руке Саши, а сам он раскинулся на балконе, в шезлонге, подставив лицо еще неяркому солнцу, вытянув босые ноги.

Глоток холодного чая. Взгляд влево, на детскую площадку, где с утра был шум, крики, бегали по газону дети в панамках.

Теперь — газета. Ровный ряд строк.

Газета рядом, на полу. Ветром с балкона ее несет в комнату. Разворачиваясь, она скользит по паркету — не дотянуться.

Лето, утро, туман после ночного дождя, утренняя музыка — то ли вальс, то ли что-то похожее на него, — солнце в глаза, лед, тающий в стакане, — и тут же телефонный звонок.

Саша, не вставая, слушал, как звонит телефон. Позвонит-позвонит — может, перестанет. Есть надежда все же. Звонит. Вот перестал, прекратил, выключился. Слава Богу. Нет — звонит. Звонит и звонит. Не остановишь.

Саша приподнялся, встал — с большой неохотой.

Он шел в толпе утренних прохожих. Люди спешили, покупали газеты у метро, вели в детский сад детей, перебегали улицы, ловили такси, стояли в длинной очереди на автобус, смеялись, зевали, шли молча, погруженные в свои мысли, в заботы предстоящего дня, — туманное было утро, — не присматриваясь особенно к туманам, Саша видел в который раз, что все и на самом деле может исчезать, таять, еле еле обозначаться, как обозначаются и пропадают предметы, люди, верхушки деревьев на бульваре, вывески, светящиеся в это утро, фонари, окна на высоте, сквозь туман, костры на пустыре между новыми корпусами, огни на тонкой, смутно видимой телевизионной башне, срезанной наполовину облаками, —

городское, московское утро, — трамвай, медленно возникающий из-за поворота, вдруг дождь еле-еле, мокрые плащи, мокрые цветы в корзинах — лето, Москва.

В то же утро.

За столиком, напротив Саша, сидела Катя.

Она давно уже что-то говорила, а Саша, занятый своим, предпринимал тщетные попытки слушать ее как можно внимательнее, не пропуская ни одного слова, но сосредоточиться не мог.

Он видел ее руки, взлетающие над салфеткой, приподнимающие вилку, рюмку, нож, ее платье, белое, только из-под утюга, очень свежее, и ее лицо, чистое, без ничего — просто умытое, утреннее, но все, что она говорила, доносилось к нему как бы издалека, то приближаясь, то совсем ничего не было слышно.

— Я не понимаю, что с ним творится, — говорила она. — Ты ничего, может быть, и не прояснишь, но я хоть выговорюсь, а вдруг и у тебя возникнет — что-нибудь по поводу.

— По поводу чего? — спросил Саша.

— Мы товарищи, да?

— Конечно, — машинально сказал Саша. — Что вообще случилось? Ты мне столько наговорила по телефону, что я просто ничего, честно говоря, не понял и сейчас с трудом секу. Я, прости, с утра вообще плохо соображаю.

— Он тебе звонил?

— Кто? Петр? Звонил. А что?

— Ночью он тебе звонил?

— Ну и что с этого? И я ему раньше сколько раз звонил по ночам — подумаешь, новость.

— Раньше! — повторила Катя. — Ты же все прекрасно знаешь, что ты передо мной прикидываешься?

— Какая связь между тем, что я прикидываюсь, и звонком?

— Но почему он звонит именно тебе — значит, ты ему нужен?

— Не думаю. По делам мы ни разу не говорили. А знаю я не больше, чем все. После вашего возвращения мы вообще с ним не виделись.

— Если бы ты захотел, ты бы нашел время с ним встретиться.

— Не уверен, что это уж так ему необходимо.

— Я не могу понять, что с ним происходит. Ну хорошо, я дура. Ничего не понимаю. Ты — умный; объясни, поговори, может, я и пойму. Нет. У меня просто руки опускаются. Раньше меня смущала и даже раздражала понятность многих наших знакомых, а теперь я, кажется, начинаю завидовать, когда все просто, понятно, как у людей. Я могу понять любое отчаянное положение, беда — так беда, мало ли что... Главное, что он всем доволен. Клянусь, он не прикидывается. Он доволен всем. Пробовала с ним поговорить — смеется. Заставила его пойти к вам в управление. Вместе отсидели длиннейшую очередь, и он исчез — на секунду протяженностью в два дня. Слушай, — вдруг спросила она, — эти ваши совместные идеи, они на самом деле чего-нибудь стоят?

— А как же, — с подчеркнутой серьезностью сказал Саша. — Переворот в науке.

— Я серьезно, — устало сказала Катя.

— Сейчас — не знаю. Не интересовался, — отрезал Саша и принялся за еду.

— Честно говоря, все это сейчас меня не так уж и волнует... Вот интересно, как ты сам все это расценишь... На три года в Швецию, вообще говоря, не так уж и плохо. Во всяком случае, материально совсем неплохо. Правда, врач при посольстве — не такая уж блистательная работа, но, в конце концов, поехать в Швецию — не такая уж каторга. Верно? Жили мы скучно в общем, но скучно можно жить везде. Уже на десятый день все осточертело — а тут три года. Почти ни с кем не дружили, но и это не

только шведская привилегия. Ну и надоело, конечно... Все понятно. Но, честно, если на кого жаловаться, так это на самого себя. Сам выбрал. Мог бы с таким же успехом работать с тобой дальше, в аспирантуре. Переворачивали бы там свою науку как хотели! В общем, он вернулся из командировки в Москву — ты его видел, болтался в посольстве неделю, а потом взял в банке денег на обратный билет, подарил их Аэрофлоту и удрал — в буквальном смысле — удрал в Москву. Никому ни слова, даже мне. Меня как будто и не существует в природе... Конечно, жуткий скандал и прочее. В Москве его тоже не могут найти... Какой-то полный бред. Я в ужасе. Меня там затаскали, что-то писала, сопоставляла, оправдывалась. Короче говоря, через неделю встречается нас с дочкой в Шереметьеве. Как ни в чем не бывало. Улыбается. Я его чуть не убила. Черт с ней, со Швецией. С деньгами — не было их и не будет. Но так бросить меня, дочку. Поставить себя в положение городского сумасшедшего — ну скажи, кто еще способен на такое... Странные поступки, конечно, очень хороши, особенно когда за них расплачиваются другие... Я за него там вертелась. Вспомнить тошно... А он сейчас посвистывает. Я его спрашиваю — что ты собираешься делать? А он, представляешь, говорит, что понятия не имеет. Что он еще точно не решил... Может, говорит, наймусь на первых порах трамвай водить: 150 зарплата и детский садик. И все это абсолютно серьезно. И посвистывает. Ты можешь ему помочь? Поговорить с кем-нибудь. Так же не может продолжаться.

— Катя... — Саша уже складывал приборы на пустую тарелку.

— Ты что, спешишь? Я тебя задерживаю?

— Никуда я не спешу, у меня свободный день.

Катя внимательно посмотрела на него.

— А ты знаешь, ты переменялся. Самое странное,

ты мне всегда представлялся — в сравнении с Петром — очень ненадежным человеком.

— Так оно и есть. Правильное представление. — Саша закурил.

— Нет. Я вижу. Ты спокоен. Не дергаешься, как другие. Не смотришь по сторонам. Следишь за собой...

— Я все прекрасно понимаю, — снова продолжала она. — И что лучше не вмешиваться, не спрашивать, не пытаться ничего выяснять. Знаешь, такая общеизвестная благородная позиция. Политика невмешательства. Все наладится само по себе. Так, что ли?

— Да я не знаю.

— И я не знаю. Мы живем уже 12 лет, представляешь? 12. Оглянуться не успела — а зима катит в глаза. Серебряные ложки на горизонте. И вот выясняется, что я о нем ничего не знаю, абсолютно ничего. Как будто только что познакомились, да и то на уровне знакомства — шапочно, шляпочно, кепочно...

— Самое время влюбиться. — Саша все еще не знал, как он, собственно, должен на все услышанное реагировать.

— Я бы — с радостью. Я бы в кого-нибудь влюбилась. Только вот в кого? У меня, кроме него, никого нет. Думаю, что и он в том же положении... Видишь ли, я бы понимала, если бы он запил. Представь, радовалась бы.

— Что ж, мы, медики, — известные мастера этого дела. Но вряд ли на радость ближним. — Он налил ей вина.

— Но это, во всяком случае, что-то объясняет. Это объяснимые поступки. Но вот зачем он, совершенно трезвый, прыгнул с моста?

— С какого моста? — впервые за весь разговор с интересом спросил Саша.

— С моста через канал, в Серебряном бору.

— Среди бела дня? — Саша на глазах оживал.

— Ночью. Мы поехали купаться, и он вдруг

пропал. Я как сердцем почувствовала — сначала голос из темноты: «Ребята, привет», — а потом всплеск. Никто и не видел, как он прыгал, и не на спор, и не для кого-нибудь. Просто так.

— А может, он и не прыгал?

— Прыгал. И что меня после уж поразило — он считает, что прыгать по ночам с мостов вполне обыкновенно. Он даже удивился, что я придаю этому какое-то значение, а когда все стали, уже на дороге, все это обсуждать — при нем, — он попросил остановить машину и вышел. Я хотела вместе, а он не позволил.

— А что он сам говорил?

— Ничего не говорил. Молчал всю дорогу. Ну, что ты об этом скажешь?

— Взбрело в голову, и все. Мост понравился. Что я могу тебе сказать? Подсознание — темное дело.

— Может быть, он хотел почувствовать, что он еще молодой и ему все доступно, просто. Так же? Он же раньше прыгал... Быть может, в этом все и дело?

...Свет слева, из окна, лицо у нее при таком освещении — юное, неожиданно для самого себя отметил Саша.

— ...Он говорит, что у него пропала всякая охота к общению любим, и со мной в том числе, и если это мне в тягость, то он ничего с собой поделывать не может. Сейчас я бы даже радовалась тому, что меня всегда раздражало в нем: какая-то сверхобщительность. Раньше я не выносила, когда он повторялся, мог бесконечно говорить о важном только для него — с совершенно случайными людьми, вдруг замыкаться, а потом так откровенничать... Помнишь про варежки? Варежки на веревочках?

— Нет, не помню.

— Он столько раз рассказывал мне самой, при мне другим да и, наверное, без меня, как мы познакоми-

мились. Я носила в 17 лет варежки на веревочках. Ну и что, что на веревочках? В этом был рациональный смысл. Я их постоянно теряла, пока сама не пришла эти веревочки, а его эти варежки ужасно умиляли. Как выпьет — обязательно про варежки на веревочках. Я говорю — остановись, надоело, а он — кому как, мне лично совершенно не надоело...

— Да, помню, он рассказывал, я помню. Он вообще любил про тебя рассказывать...

...Саша увидел его большое, растерянное лицо, улыбку и то, как они тогда неловко обнялись на глазах, как им показалось, всего международного аэропорта в Шереметьеве, хотя, конечно, никто на них не обращал никакого внимания, и как они молча прошли среди стекла, зеркал — внутри толпы, точно зная, что поговорить им не удастся, не надеясь на разговор, и все же надежда у них была, если и не на разговор — на то, как бывает у русских людей — вдруг сомкнутся сердца. Мимо них двигались туристы, группами, в одиночку какие-то люди в синих пиджаках, увешанные значками, — немцы и, может быть, католические монахини, странствующие студенты, размахивающие сумками.

Петр рассеянно оглядывался, выбирая, куда бы сесть, и место нашлось. Два кресла были свободны, но потому и свободны, что как раз напротив размещался киоск с продажей русских сувениров, где за высоким стеклом были распластаны расписные платки, поблескивали меха, шапки, бутылки, балалайки — весело желтея.

Здесь, разглядывая чудеса Палеха и Хохломы, толкались приезжие. Здесь было суетливо, шумно.

Впрочем, им было совершенно все равно, где сидеть.

Не хотелось ни тому, ни другому ничего говорить.

Объявили, что посадка через пять минут.

Ни у Саши, ни у Петра часов не оказалось.

Они сверили несуществующие часы. Все-таки — занятие.

— Спасибо, что приехал, — сказал Петр, — а то уж я думал, что ты — человек-невидимка. Ну?

— Что — ну?

— Времени мало.

— Я на самом деле не мог. Мне передавали, что ты здесь.

Мимо них шли люди, толкались, смеялись, обсуждали сувениры, выставленные здесь.

Опять напомнили о посадке — по радио.

Петр: Время... Даже выпить с тобой не успеем.

Саша: Ну, не успеем. Подумаешь. Выпьем, ты там, я тут. Я тебе звонил.

Петр: Идти уже надо... Ты звонил, меня дома нет... Вчера смотрел «Принцессу Турандот». Представляешь, до чего докатился? Пока жил в Москве — и мысли такой не появлялось.

Саша ничего не сказал. И Петр тоже, не считая далее возможным говорить о «Принцессе Турандот», замолчал. Надо было явно идти, но они не вставали, как будто ждали чего-то в этом разноголосом, шумном зале.

— Да, вот, — вдруг вспомнил Петр. Он протянул Саше сверток: — Это тебе.

— Что такое?

— Просто не знал, что тебе привезти. Все чего-то привозят. Я, как все. Вполне достойная электрическая бритва. А ты мне, как приедем, можешь купить балалайку. А то, кроме того, что какой русский не любит быстрой езды, — какой уж русский купит сам себе балалайку?

— На самом деле хорошая бритва? — Саша принял

способ общения облегченно. — Ничего, да? Может, халтура?

Петр ничего не ответил, встал только — опять напомнили про посадку. Надо было идти.

— Да, — словно только что вспомнил Петр, — знаешь, где я еще был?

— Где? — спросил Саша.

Петр достал из кармана бумажник, развернул и протянул Саше небольшую потертую фотографию собаки.

— Узнаешь? Жива.

Саша молча кивнул, мельком взглянув на карточку.

— Иду по лаборатории к клетке. Узнает или нет? Честно — не надеялся. А узнала. Подошел — прыгает, скулит. Выглядит отлично. Растолстела на харчах музейного экспоната.

Саша безучастно слушал.

Снова объявили посадку.

Они встали, пошли.

Уже приближаясь к выходу, Петр повернулся к Саше и вдруг сказал:

— Мне очень надо было тебя повидать.

...И снова Саша видел его растерянное, большое лицо, поворот головы, светлую кепку — уходящие — в спину пассажиры, — при свете прожекторов — некий хоровод к высвеченному, совершенно белому ТУ — и где-то среди них — Петр, размахивающий портфелем, — прощай.

И он увидел себя, бредущего по аэропорту мимо этих русских сувениров, и, повинувшись Бог знает какому чувству, а скорее всего — тоске о товарище, улетающем в ночь, и невозможности вернуть этот вечер, день — и вдруг он не то чтоб купил — выхватил у потрясенной продавщицы балалайку и кинулся к выходу на поле.

Его, естественно, не пустили б, но он не спрашивал разрешения, и потому — впустили совершенно спокойно. Может быть, балалайка — как пароль.

Бегом бросился к самолету — там уже редела толпа перед трапом.

Пока он бежал к нему сквозь все кордоны, он понял, что все это ни к чему, что он нелеп с этой балалайкой — под крылом ТУ, но за ежесекундные поступки приходится расплачиваться.

Стоя под крылом, задыхаясь от бега — он с радостью трахнул бы сейчас эту балалайку об бетон — лишь бы не толкаться у трапа — там еще были люди, пограничники проверяли паспорта — какая-то делегация, в цветах, никак не могла распрощаться с провожающими.

Куда девать эту балалайку? Он спрятал ее за спину, но все обошлось вполне благополучно. К нему подошли сами. Забрали у него балалайку. Он, показывая на самолетные окна, что-то объяснял. Ему кивали. А он только и думал о том, чтобы Петр из окна не видел всю эту нелепую сцену — хорошо бы он сидел на противоположной стороне.

Трап медленно отъехал от ТУ, и дверь в самолете закрылась плотно.

Так они расстались, разъехались.

Один летел. Он видел уходящую вбок полосу огня — дорогу к Москве.

Для другого эти же огни вытянулись справа, за окном машины, прервались там, где начался мост, открылась светлая, в трещинах льда река.

И у летящего в ТУ огни уже исчезали, самолет шел сквозь облака, и в небе — неожиданно чистом, теплом — открылась яркая, круглая луна — блеснуло крыло самолета, ровно и мягко осветились облака.

Разговор возник, потому что должен был возникнуть, потому что не вышел — тогда, на аэродроме.

...Из гула двигателей, шума дождя за окном, городских огней, луны — долгий разговор товарищей...

— Слушай, — начал Петр, — почему ты избегал меня всю эту неделю?

Саша: Не хотелось встречаться. Не было желания.

Петр: И все-таки ты мог хотя бы выслушать меня. Мы не виделись три года.

Саша: Это ни к чему... Я знаю, что ты скажешь. Не надо. Можешь успокоиться, я давно не имею к тебе никаких претензий. Каждому, как говорится, свое.

(Скоро Москва, уже зарево над городом. Жесткая, морозная ночь.)

Петр: Дело не в этом... В конце концов, пусть все остается на моей совести. Какие уж тут могут быть сейчас извинения с моей стороны... Ты совершенно вправе меня не слушать... Но ты не представляешь, насколько важно было для меня увидеть тебя в эти дни, а ты пропал... В общем, мне надо было с тобой посоветоваться, больше просто не с кем... Я все-таки очень верю тебе...

(Несется шоссе. Снег липнет к ветровому стеклу.)

Петр: ...Как-то, совсем недавно, я проснулся в ужасе. Мне 34 года, а я еще ничего не сделал всерьез. Мысль, конечно, смешная, если ее вслух... Но не самому себе... Кажется, что все начнется вот-вот. Ну, завтра. В этом году — непременно. И ничего не начинается. Я попал как в заколдованный круг. И, в общем, все как будто правильно. Все в порядке: великая успокоительная мысль, наркоз. Все в порядке. А что в порядке? Я давно уже занят не своим делом... Когда уезжал, многие считали, что мне неслышанно повезло, я и сам так считал: в Швецию на три года... Полный идиот. Тоже мне, великий путешественник. Лошадь Пржевальского... Швеция, Швеция — пускай там шведы живут... Меня тогда ночью как ударило: где я? Черт его знает где. Чем я занима-

юсь? Зачем мне-то все это нужно? Ну вот что я делал хотя бы последнюю неделю? Купил рубашку, ходил в кино, спал как-то целый день, два вечера трепался о какой-то муре с нашим пресс-атташе: в том месяце спас его от насморка и временного безденежья. Второе заболевание, кстати, было серьезней... В общем, полный бред... Стоило ради этого бросать все? Нашу с тобой работу? Тебя... Можно было тогда отказаться, но я не отказался. Я виноват перед тобой.

Саша: Пустое. Прекрати. Я не сумасшедший, чтобы теперь винить тебя во всем. Так уж сложилось. Никого и ни в чем я не виню. Мы начинали хорошо, это верно. Но многие так начинают. В юности легче всего выбираешь друзей, веришь им. Ты тогда бросил меня — это тоже бывает... Дело, в конце концов, не в работе. Черт с ней, с работой... Страшно вот так терять друг друга. Да еще было б из-за чего... А вообще зачем ты затеял этот разговор? Демонстрацию фотокарточек? Запрещенный прием...

(Медленное февральское утро в Москве, дворники стучат об лед, падают с крыши московские снега, в окнах зажигаются огни.)

Петр: Я убежден, мы должны работать вместе. Еще ничего не потеряно. Мы не имеем права расставаться. Глупо из-за ребяческих поступков прерывать наши отношения совсем... Я понял, что такое совпадение, как у нас, бывает редко.

Саша: Какие у нас могут быть совпадения? Что ты обо мне вообще знаешь? Неужели ты всерьез думаешь, что все эти годы я жил в ожидании тебя и твоих предложений? И как ты можешь за меня решать, как мне быть, что делать? Что это за привычка мерить людей по себе? Все и всех подчинять смене собственных настроений. Все снова, с нуля, да еще с тобой?.. Смешно.

Петр: ...Я хочу настоящей работы. Я — нейрохирург, я что-то умею, умел. А я каждый день теряю профессию... Все, чем я там занят, может делать любой

участковый врач, и гораздо лучше меня... А ты здесь, чем ты занят? Я был у тебя. В учреждении... Видел табличку с твоей фамилией на дверях.

Саша: ...Нет, меня ты оставь в покое. Мою сегодняшнюю жизнь ты не трогай. Ты не имеешь на это никакого права. Я живу так, как мне хочется, и все. И у тебя все складывается лучшим образом. Ты, Петр, в полном порядке. И не трепись, пожалуйста. Все эти нынешние разговоры о работе, о долге, о совести... Одно колебание воздуха, за ним — ничего. Зря ты выбрал меня в собеседники.

(Самолет садится на аэродроме в Стокгольме. Погода, похожая на московский февраль. Пасмурно, ветер. Бетонка в лужах. Вместе с другими пассажирами Петр идет к зданию аэропорта. Среди встречающих — Катя, дочь.)

Петр: Врешь, все врешь. Ты в полном порядке. Я — в полном порядке. Теперь только — головой в прорубь? Я был как никогда уверен: от нашей встречи могло многое перемениться. Во всяком случае, для меня.

(Машина с Петром, его женой, дочерью мчится по шоссе, по городу, чужому, разноцветному.)

Петр: Саша, слушай. Я вернусь. Я это понял, нам отдельно нельзя...

Саша: Это твое дело. Тоже мне, нашел душеприказчика...

(Такси с Петром, Катей и дочерью на улицах Стокгольма.)

Саша: Мне все это уже безразлично. Оставь меня в покое. Я не верю тебе. Сейчас ты стараешься успокоить себя, и успокоишься постепенно. Нравственные оправдания придут сами по себе, можешь не волноваться... Это дело времени, а пока что в собственных глазах хорошо, конечно, выглядеть мятущимся, неустроенным, ищущим... Это ты-

то неустроенный? И еще — очень тебя прошу — не соотноси вместе наши имена. Хватит, все. У нас разная жизнь, и ты мне не нужен...

Саша шел в толпе один и, очевидно, продолжал бы так идти и дальше, но его окликнули:

— Саша!

Он обернулся. Катя стояла среди прохожих, укоризненно смотрела на него.

— ...Прости, но у меня не было другого способа напомнить, что все-таки я иду с тобой... — говорила Катя. — Ты все время где-то отсутствуешь. Не очень-то с тобой весело... Да и со мной тоже... Верно? Смотри — и не возражает! Ты бы хоть из вежливости возразил!

Саша улыбнулся, крепче прижал ее локоть.

— Ты меня не слушаешь, — говорила Катя. — Я понимаю, что все это не слишком интересно. Я сама не выношу все эти чужие откровения — сразу попадаешь в какую-то идиотскую ситуацию. Как ты считаешь, я очень изменилась?

— Конечно, изменилась. На тебя уже, пока мы вышли, трижды оборачивались, а ты все плачешь. Красивая женщина.

— Ну и что?

— Очень хорошо.

— Странно, раньше меня всегда это раздражало — и когда смотрели, и когда не смотрели... А теперь мне это, как бы тебе сказать, внушает уверенность и — нравится. Между делом, мне уже тридцать. И какие-то девчонки вокруг уже иные, получше, чем мы были в их возрасте... Ну и что? Дело не в ощущении возраста, но что-то во мне переменилось. Я не могу объяснить это чем-то конкретным... С одной стороны, все стало как-то спокойней, и в то же время мир как бы раздвинулся вокруг меня. Я вдруг увидела множество людей, я их раньше просто не замеча-

ла, как они не замечали меня. Честное слово, я хочу, наверно, не большего, чем и любая женщина, — чтобы за ней ухаживали, при всей моей прежней ненависти к этому слову — я не могу найти точнее, чтобы мне дарили цветы — я уже не помню, когда мне Петр просто так, ни по какому поводу, принес цветы, смешно, верно? — самое смешное, что вот сегодня, — я же тебя знаю тысячу лет, и никакое это не свидание, а я волновалась — я себя на этом точно поймала, — как перед настоящим свиданием, и это очень приятное чувство, какое-то новое, и когда я тебя увидела, то просто смутилась, поверишь?

Она говорила весело, слишком даже весело, чтобы можно было в это поверить, и в следующую секунду она остановилась и вдруг сказала негромко, жесто-чно:

— Он меня не любит. Осталось какое-то уваже-ние, привычка. Он так закрылся от меня, мне очень трудно с ним... Я устала подстраиваться под его сме-ны настроений — я не успеваю за ними. Он не пони-мает, очевидно, что в конце концов мне это тоже может надоест. У всех свои сложности, не думаю, что он исключение.

Взгляд ее остановился на Саше, в голосе вдруг те-перь мольба, надежда.

— Я тебя прошу, сходи в управление — погово-ри. Мне на самом деле не к кому больше обратит-ся... Я тебя очень прошу, это слишком серьезно, а для тебя это не составит, по-моему, никакого труда... Он уже там, наверно, в приемной, его в час обещали принять. Ты должен быть с ним, я умоляю тебя!

Ему казалось, что в приемной он сидит не так уж и долго.

Во всяком случае, Петр не заметил, как подошла его очередь, как вместо множества людей, еще недав-но заполнявших вместительную приемную с мягкой

мебелью, остались всего двое: он и еще один человек, по виду — командировочный.

Пекло невероятно. Ни ветра, ни дуновения в распахнутых окнах.

Пустой сифон сверкал на столе.

Рубашка взмокла.

Ладони оставляли темные влажные следы на зеркале стола.

Вентилятор направленно вращался в сторону секретарши, но тоже не приносил ей заметного облегчения.

— Вам идти. Пожалуйста, — сказала она Петру.

Действительно, ему уже нужно было вставать, одергивать пиджак, поправлять спущенный по жаре галстук, хотя можно и так оставить, но все же — поправим, и шагать к дверям кабинета, за которыми его ожидали вещи ему известные: объяснения — в который уже раз, выяснения, подробности и прочее.

На секунду он замешкался, глядя по сторонам, как бы вспоминая что-то, что он должен сказать и сделать сейчас же. И все это — под несколько удивленным взглядом секретарши.

— Знаете, — вдруг решительно сказал ей Петр, — мне сейчас нужно срочно уйти. Вспомнил. Вы простите, я найду еще... А то вот совершенно выскочило из головы... Простите...

Он кивнул и быстро вышел из приемной.

На улице пекло ничуть не меньше, и некуда было деться, тень, казалось, навсегда исчезла из города, и даже под деревьями на бульваре она светилась насквозь, но Петр почувствовал в первые минуты истинное облегчение, смешавшись с толпой, изнемогавшей от жары, куда-то спешащей, летней, белеющей ослепительно газетами, развернутыми на ходу, кепками, рубашками, яркими плетенками с вишнями.

И тут же, радуя глаз, развернулась перед Петром омытая водой, смываемая витрина овощного магазина — зелень, тыквы, арбузы — и еще рядом — на

уровне лица проплыли в жарком мареве ящики с помидорами...

Он пошел быстрее, как только мог. Зачем? Он и сам не понимал точно.

Спустился в метро. Прохлада станций, мрамор, уже сам по себе холодный и прохладный свежий ветер, всегда дующий из тоннелей.

И духота битком набитого вагона. Спина к спине, лицо к лицу, локоть к локтю. И еще пытаются читать. Разговаривать. Ссориться. Радоваться случайной близости — вагонной, вот такой.

Следить за лицом: вот — профиль, челка.

Вот отвернулась. Волосы выбелены солнцем.

Вот пропала. Затылок заслонил.

Попытаться приблизиться, протолкнуться.

И кто-то уже оттирает соседа плечом, чтобы снова начался, завязался этот разговор — немой, не уступающий часто по выразительности самым блестящим словам...

Петр стоял в вагоне, сжатый крепко, и скорее всего не вышел бы сам так неожиданно и легко, если бы на этой остановке все пассажиры не двинулись разом к дверям и начали выходить, с ловкостью вытаскивая на платформу чемоданы, баулы, детей.

И Петр вышел.

Остановка была: вокзалы.

Он поднялся вверх, на воздух и очутился прямо перед поездом, на уровне колес вагона, заляпанного грязью, с пыльными, посвечивающими на солнце стеклами.

Платформа была чуть дальше, в стороне. К поезду шли люди.

Петр постоял в нерешительности, спустился вниз, в прохладу перехода, чтобы выйти с другой стороны, в город. Но там тоже была станция, и стоял поезд, и платформа была не где-то в стороне, а прямо под ногами, и раскрытые вагонные двери были тоже рядом.

В опущенных окнах, свесив загорелые руки с цве-

тами, смеялись и громко говорили о чем-то женщины, и вообще на платформе, открытой со всех сторон, было много солнечного света, пестрых платьев, неожиданно много цветов, провожающих, и поезд, согласуясь, видимо, с общим желанием продлить еще три минуты, пошел совсем незаметно. Плавно и почти бесшумно поплыли окна, руки, но вот кто-то уже побежал, прыгая ловко на ходу, еще побежали двое к своим вагонам — скорость росла медленно, и еще кто-то бросился вдогонку, как всегда бывает.

И Петр неожиданно рванул следом за догоняющими поезд.

Он понятия не имел, куда он отправляется. Он не знал, зачем он это делает. Просто у него появилось непреодолимое желание бежать следом за этими ребятами, так же ловко, держась одной рукой, вскакивать на подножку...

Вскочив, он даже помахал кому-то рукой.

У него тут же спросили — он еще и отдышаться не успел:

— Билет?

— Я не из этого вагона. Билет там... — неопределенно, но с достаточной уверенностью сказал Петр и пошел в вагон мимо проводницы.

Положение его осложнялось. Он никогда в жизни не предполагал ездить без билета в поездах дальнего следования, а, судя по всему, поезд был именно такого рода. Спрашивать, куда идет поезд, было уж совсем нелепо.

Некоторое время Петр автоматически шел по вагонам. Двери захлопывались за ним, грохотали на переходах тормозные площадки. Люди ходили по всему составу, толпились в тамбуре, устраивались, в купированных вагонах и в мягких двери были раскрыты — жара — и двери и окна.

Перед буфетом толпилась очередь, в общих вагонах стоял веселый сквозняк, шум, уже кто-то спускал постель — пух из подушек реял в солнечном луче,

плакал ребенок, и не один, кто-то сразу принялся за еду, раскладывая на чистую салфетку хлеб, помидоры, колбасу...

В одном из тамбуров Петр приостановился, вынул голову в раскрытое окно.

Потом — чуть ли не по плечи.

Пригород, сосны, пруд с купальщиками, ветер.

Рельсы внизу пересекались, жарко сверкали, битый белый кирпич на железнодорожных откосах слепил.

Женщины в желтых майках, в платках до бровей работали у переезда. Пахло горячим асфальтом, блеснул мазут — лужей.

Петр шел по вагонам, надеясь где-нибудь устроиться и найти безопасное место на случай — неминуемый, как он представлял, — появления контролеров.

Такого счастливого вагона, конечно, не было в целом мире, и Петр это отлично сознавал, но, однако, упрямо шел по составу, пока, сразу за вагоном-рестораном, не уперся в дверь, и дверь никак не открывалась.

— Там уже паровоз, — сказал ему какой-то пассажир, курящий в тамбуре, — чего туда идти?

И на самом деле, идти туда было совершенно незачем.

Петр, помявшись и стесняясь отчего-то самого факта, что он вот постучался, при людях, в дверь самого паровоза, тронулся в обратный путь.

Общий вагон уже вполне обжился, как-то весь утрясся — появились даже свободные места, и в нем было прохладно от обилия раскрытых с обеих сторон окон, и он выглядел как-то спокойней — в смысле контролеров — так казалось Петру.

Он так устал от переходов, беготни, улиц, жары, взмокшей рубашки и всего этого бесконечного дня, что с такой радостью и быстротой устремился на сво-

бодное место у окна, что даже обратил на себя внимание сидевшего на лавке семейства, занятого едой.

— Здесь свободно? — спросил Петр, уже присев.

Ему кивнули.

Он благодарно откликнулся:

— Спасибо.

Его разглядывали, впрочем, недолго.

Петр взял со стола журнал, листнул. Картинка. Текст.

Он приблизил журнал к самым глазам, локоть уперся в подоконник.

Такой прохладой повеяло из окна — и он вдруг заснул, как провалился в темноту.

Его разбудили.

Он поднял голову, не соображая в первые мгновения, где он, что с ним, не слыша слов, обращенных к нему.

За окном — ранние сумерки.

Поезд стоит.

Лес, закат над деревьями, розовый.

— Ваш билет, гражданин, — говорил ему контролер. — ...Билет где? Предъявите, — повторил контролер.

— Билет?.. — Петр поднялся. — Понимаете, какое дело. Нет билета.

Купе смотрело на него с удивлением. Петр смутился.

— Как это нет? Каким образом? — повторил контролер.

— Нет, и все. Да вы не волнуйтесь. Я сойду сейчас. Это какая станция? — Петру хотелось скорее выйти отсюда.

Его вели по вагону, к выходу.

— Это не станция, а разъезд, — говорил контролер, все же удивленный таким поворотом событий. — Взрослый человек, а без билета. И, кажется, вроде и не пьяный...

Петр шел молча.

— Вам куда вообще надо? — спросил контролер, идущий позади Петра. — Места еще будут...

— Да нет, спасибо, мне как раз сюда и надо. Спасибо. — И он спрыгнул на землю — платформы здесь не было.

Разъезд и вправду был невелик. Сады подступали к железнодорожному полотну. Яблоки светились в темноте. Слышался чей-то смех. Первые звезды вспыхивали — и жара к вечеру спала, а может быть, уже здесь и воздух был совсем другой, и тихо как-то по-необычному, и голоса слышны далеко, гудки.

Тут же, у вагонов, немногочисленные женщины в платках, босоногие девчонки и расторопные ребята торговали ягодами, семечками, полкурицей, горячей, в газете, молоком, отварной картошкой с луком, огурцами. Много было хорошего, да денег у Петра, как выяснилось, была только какая-то мелочь — по всем карманам искал.

Он шел мимо товарного состава, стоявшего рядом с пассажирским и застрявшего на этом разъезде, вероятно, по сходным причинам.

На платформах, прикрытые брезентом, стояли машины, станки в ящиках, огромные желтые катушки с кабелем и еще что-то, размещенное плотно, пронумерованное черными цифрами.

В раскрытых дверях большого транспортного вагона (двери широкие, раздвижные, находятся посередине) стояла девушка в светлом сарафане, в тапочках.

Взгляд ее, рассеянно обозревавший все вокруг, не выделял ничего, а лишь задерживался на отдельных предметах, равных в ее полусонном состоянии, — то на фонаре светофора, то на козе, бродившей между шпал, то на ярком окне пассажирского поезда напротив, то уж совсем не определенном — долго смот-

рела в степь, и наконец она увидела Петра, бредущего между путей.

Она была очень красива и понимала это, понимала, что пройти мимо нее просто так невозможно. Не было еще такого человека.

Рассматривая Петра с высоты своего положения, из дверей вагона, она обратилась к нему, как привыкла обращаться к любому, в полной уверенности, что всегда получит ответ.

— Это какая станция?

— Понятия не имею. — Петр еще издали заметил ее.

Она стояла над ним, загорелая, чуть сонная, помахивая ногой в тапочке.

— А долго стоять? — спросила девушка, глядя на него ленивыми глазами.

— А в какую сторону идет твой поезд, в ту или в эту? — не отвечая, спросил Петр.

— А в какую сторону тебе быстрее? — невозмутимо спросила девушка.

— К тебе, наверно, — сказал Петр.

— Все это треп. — Она махнула рукой. — Слушай...

— Что?

— Будь другом, а? Сходи на рынок. Купи чего-нибудь. Я б сама пошла — боюсь от поезда отстать.

— У меня ни копейки. — Петр развел руками.

— Догулялся? — спросила она весело.

— Скорее, допрыгался, — в тон ей ответил Петр.

— На, купи в размере трешки. — Она подала ему миску, деньги.

— А если смотаюсь? — спросил Петр.

— Это от кого же? — усмехнулась она.

Петр посмотрел на нее с любопытством, потом вдруг подбросил миску, не глядя, поймал ее и побегал к рынку.

Он успел на ходу догнать уходящий товарный поезд.

Петр миновал несколько платформ, пока добрался к транспортному вагону.

В руках он нес миску и газету с огурцами.

Шагнул в вагон и остановился.

Женщины он не увидел.

Вокруг ящика сидели трое мужчин, играли в карты.

Молча обернулись на Петра.

Он тоже неловко молчал. Яркий фонарь покачивался над столом.

— Что, не подвалило? — сочувственно подмигнул ему самый пожилой из них. — Думал, один к ней пристроился?

— Не скрою, думал, — в тон ему весело ответил Петр.

— Кончайте, будем ужинать. А я решила, ты смылся, — из-за занавески вышла девушка с чайником. — Кончайте. Хоть бы на деньги играли... Надоело. Листик на листик. У валета морда похожа знаешь на кого? Забыла. Красивый парень, валет, усы, правда, вверх тормашками.

— Ты, валет, мотай отсюда, — сказал Петру парень в ватнике, наброшенном поверх майки. — Поставь миску и мотай.

— Куда? — Петр поставил миску на ящик.

— Ну, чего я тебе буду объяснять?

— Хочешь, встану вверх тормашками? — сказал Петр.

— Чего ты лезешь, чего задираешься? — подступила к парню девушка. — Чего он тебе сделал?

— Ничего он мне не сделал, — спокойно сказал парень. — Мотай.

— Что мне, с поезда, что ли, прыгать? — спросил Петр.

— Может, сначала познакомимся, а после прыгнете? — спросила девушка.

— Да она же стерва, — сказал этот парень.
— Какая она стерва? — сказал Петр.
— Нормальная.
— Ну, стерва, — сказала девушка. — Доволен? — и, поцеловав его, ушла за занавеску.
Наступила пауза.
— Леха, — обратился парень в ватнике к мальчишке, — ты пошел бы глянул, как там...

Поезд несся по степи; уже была ночь, ее начало. Неба такого не бывает в городе. И луны такой не бывает. Яркая луна, чудесная.
Алеша с фонарем обходил платформы, проверяя надежность крепления, брезент, знаки...
Фонарь покачивался в его руке.
Дул ветер.
Теплый, не успевший еще совсем остынуть воздух двигался, перемещался, мягко останавливался на лице.

Они уже пили, ели.
Все забылось, все неприязни кончились.
В раскрытых дверях вагона летела вечерняя степь, редкие огни.
— ...Ну бросила тебя жена, — говорил пожилой человек Петру. — Кто любит ящики от апельсинов, а кто апельсины.
— Какие апельсины? — спросил Петр. — И жена меня, в общем, не бросала. Я вообще принципиально против — чего? ящиков или апельсинов? — задал он себе вопрос.
— Ты хороший парень, — уже говорил Петру его сосед в ватнике. — Золотой.
Петр его тоже обнял.
— У меня большие неприятности, Витя.
— Какие, друг? — Витя обнял его.

— Капитан 2-го ранга уехал с моей женой в Геленджик... Честно говоря, все это вранье.

— Что? — спросил дед.

— Все, — сказал Петр. — Геленджик, в частности.

— А где это, Геленджик? — спросила девушка. — Надо бы съездить туда на всякий случай.

— Нет никакого Геленджика, — сказал Петр. — Отменили Геленджик. За ненадобностью.

— Паспорт у тебя есть? — спросил Петра Витя.

— А у тебя? — спросил Петр.

— Давай на стол, — вдруг приказал Виктор.

— Мы, знаешь, возьмем строго секретное оборудование в абсолютно несекретные места, — сказала девушка. — У него на этот счет заскок. Бывает. Ты лучше мне покажи. — Она взяла протянутый охотно Петром паспорт, развернула. — Люблю фотокарточки на документах смотреть. Все на них как на колу сидят.

Она вздохнула.

— Витенька, и почему ты не капитан какого-нибудь ранга? — и, естественно, не получив никакого ответа, вернулась к изучению паспорта. — Так, женат. Зарегистрирован брак с гр. Павловой Екатериной Алексеевной, 1939 г. Точка.

— Ну, хватит, — сказал Петр.

— Один ребенок, — продолжала она читать, — мало. Так, фотокарточка. — Она вдруг повалилась от смеха. — Ой, помру! Собака! Надо же! А это что теперь, мода такая, собак на груди носить?

Петр отобрал паспорт.

— Что за жизнь! — говорила она. — Все женаты. Ни одного живого человека. Собаку носит. Тоска... — Она повернулась к Виктору, долгим взглядом посмотрела на него и спросила задумчиво: — Витя, милый, отчего ты такой... Может, я тебе чем мешаю?

— Мотала бы ты хоть в Геленджик, — оборвал ее Виктор. — Что тебе еще нужно?

— Откуда я знаю? — девушка весело развела руками.

— Зато я знаю, — хмуро сказал Виктор.

— Тебе-то откуда знать? — усмехнулась она. — Холодно что-то...

И ушла за занавеску.

Она появилась внезапно в очень красивой пушистой кофте. Напевая, прошла загадочно мимо мужчин, вдоль двери.

Повернулась, демонстрируя обновку, и с той же значительностью, ни слова не говоря, исчезла за занавеской.

Следующие минуты были поистине каскадными.

Девушка, мгновенно переодеваясь за занавеской, застегивая и оправляя на ходу новые платья, блузки, кофты, сарафаны, все в бирках, этикетках, поправляла шляпу, двигалась перед этой небольшой, но внимательной аудиторией, плавно неся свое большое тело, увлеченная этой игрой, очень довольная, что ей все идет, и что она нравится — она понимала — и от этого была еще лучше.

В основном она обращалась к Петру, как к новому человеку.

— Платьице, — говорила она, — барахло. Но ду-ре — все к лицу.

— ...Со шляпой — один смех. В ГУМе — два ча-са... Ничего. Бухгалтше сойдет.

— В какую сторону поезд идет, раз все из Мос-квы? — спохватился Петр, но ответа не получил.

— А вот халатик, — вернулась девушка.

— Познакомился весной парень с девушкой одной, всем хорош, он славный парень был, по пятам за ней ходил, глаз... — напевала она, свободно двигаясь по вагону.

— Хватит выпендриваться. Уходи, — сказал Витя.

— Куда? — спросила она. — С поезда? Пожа-луйста. Хоть сейчас. Мгновенно. С кем угодно, —

она взяла за руку Петра, — хочешь, с ним. Хочешь? Только сразу.

— Пошла ты отсюда, — приказал Виктор.

— Я то уйду... — она запахнула на ветру свой халатик, очень легкий, — а ты куда без меня пойдешь?

Виктор, уже не задумываясь, ударил ее по лицу.

Она засмеялась.

Он ударил еще раз.

Тогда Петр как мог — а он мог — ударом посадил его на пол в угол вагона.

И тут же получил сильную затрещину от девушки.

— А ты что не в свои дела лезешь? Чего выступишь? — крикнула она.

Петр хотел отодвинуться от нее, но он не заметил, как рванулся из угла Виктор.

Он только почувствовал, как пол качнулся под его ногами.

Больше он не мог ничего вспомнить.

Проснулся Петр в общежитии, судя по тому, что в просторном помещении размещалось коек сто, одинаково застеленных.

В общежитии было пусто.

Петр лежал, накрытый одеялом, на матрасе без простыни, одетый, только без ботинок. Наволочка на подушке была свежая. Петр полежал еще без движения.

С улицы доносился непрекращающийся грохот, рев машин.

На тумбочке стояла кружка, накрытая большим куском хлеба.

Петр хлебнул — думал, что вода.

Оказалось, водку оставили.

Сидя на кровати, молча поел хлеба, глотнул с трудом остатки из кружки. Осторожно сунул ноги в ботинки.

Радио в общежитии работало очень громко в

эти часы: передавали программу «Маяк». Потом сказали московское время: что-то около трех часов утра.

Здесь же был полный день.

Жара, ветер.

Пустая единственная улица комбината с плакатами и портретами передовиков.

На деревьях от зноя и ветра — ни листика.

Памятник Ленину в скверике, обнесенном свежесрезанным заборчиком.

Грохот, пыль, темная, какая бывает в угольных поселках, в рудных.

Петр шел по мосткам мимо глубокого, в несколько ярусов, карьера открытой разработки руды.

Пыльное марево висело над карьером, экскаваторы врезывались в породу, непрерывным потоком двигались самосвалы, в которых водители с почерневшими лицами с трудом выкручивали на поворотах свои тяжелые машины.

К транспортерам тянулись ряды вагонеток; здесь же, рядом, проходили железнодорожные пути.

Ритм рабочего дня нарастал, в него уже были втянуты сотни людей за баранками машин, пультами управлений, стоя с лопатами у вагонеток или перегоня по путям маневровый...

Ветер в этом поселке был удивительный — Петр это почувствовал вполне. Он дул со всех сторон, бросал в глаза песком, вырывал из рук прохожих газеты, если они пытались читать, раскачивал плакаты с объявлением нового фильма, немисливо обращался с юбками, зонтами и шляпами.

— Автобус в город? — спросил Петр у дремавшего водителя.

— В город, — сказал водитель. — Скоро тронемся.

— Где у вас тут воды выпить? — спросил Петр.

— А вон столовка, — кивнул водитель.

Петр попал в столовую в неудачное время. На комбинате был обеденный перерыв.

Рабочая столовая была размерами похожа на общежитие: здесь одновременно могли с помощью двух линий самообслуживания обедать человек двести.

Как раз столько и было.

Все это великое воинство молодых, чумазных, голодных людей в рабочей одежде умывалось, гремело подносами, разбирало свободные столики, переносило стулья через зал над головами, несло полные подносы, покупало воду в буфете, толкалось у мороженщицы, весело переругивалось друг с другом, а те, кто постарше, степенно хлебали свои щи, разворачивали принесенные из дому припасы, и кто мог, не желая выстаивать очередь, кормился булками и молоком из картонок...

Петр продвигался с подносом вдоль длинного ряда.

Может быть, он отложил бы эту затею с едой. Тем более и денег у него не было, кроме мелочи, но, встав в общий поток, не так просто из него выйти.

Уже двигаясь с подносом, на котором стояли две чашки киселя и кусок хлеба, Петр из-за чьих-то спин, плеч, сквозь углы от поднятых перед глазами подносов увидел вчерашнюю девушку из вагона.

Она передавала подносы на целый стол, за которым сидели вплотную ребята и девчонки ее возраста и моложе, с нетерпением ожидая тарелок с горячими щами, стуча ложками, переговариваясь, а девушка отвечала всем сразу, со всеми сразу разговаривала, смеялась чему-то, кого-то решительно выталкивала из общей очереди, если кто-то пытался влезть...

Она была явно в своей среде, среди своих, в своем единственном мире — все ее знали и она всех.

Вот и перед ней тарелка, она берет хлеб и, не торопясь, не обжигаясь, со вкусом принимается за еду.

Первым желанием Петра было подойти к ней, но

постепенно, пока он смотрел на нее, на тех, кто был с ней, и снова на нее, это желание проходило. Кто он для нее? Зачем?

Автобус из поселка, в котором ехал Петр, был набит битком возвращающимися с работы, со смены.

Окон в автобусе не открывали: дорога шла все время вдоль разработки, пыль была страшная — солнца не видно.

Перед входом в управление Саша спросил:

— Зайдем или подождешь здесь?

— Нет-нет, — сказала Катя. — Я подожду на улице. Только ты недолго?

— Полчаса, не больше.

И летом в бесконечных коридорах управления горели лампы дневного света. По коридорам деловито спешили служащие и посетители, бродили командированные, неуловимо заметные в общем потоке, бойко пробегали молоденькие девушки в укороченных юбках, в пронсящихся лифтах говорили о футболе, о жаре, о предстоящем субботнем выезде за город; машинистки, разомлев от летнего солнца, стучали с некоторыми паузами. У дверей кабинетов покорно сидели посетители.

Какие-то молодые люди — очевидно, служащие управления — пили пиво на подоконнике — рядом с буфетом, на теневой стороне, — и это доставляло им, судя по всему, несказанное удовольствие.

Ничего нового Саша не увидел, перемещаясь по этажам и коридорам, встречая все время знакомых ему людей, и многие из них, как будто в силу необъяснимой договоренности, спрашивали у Саши примерно одно и то же: «как дела?», «как жизнь?», «ну, что нового?» или же в обратном порядке «ну, что нового?» и т. д. — да и Саша, захваченный этой

игрой, задавал те же вопросы, что и все, и отвечал: «ничего», «так себе», «отлично», «все по-старому», «через раз», «полоса на полосу не приходится», — сказав последнее, он больше ничего уже не говорил, только кивал головой по дороге к нужному ему кабинету.

Там была уже очередь, но секретарша, заметив Сашу, улыбнулась и сделала знак, что он может тотчас пройти.

Саша как-то замешкался, тоже улыбнулся секретарше.

Петра в приемной не было. Незнакомые лица в ожидании.

Нет Петра.

Саша посмотрел на обитую черной кожей дверь, в окно, на какой-то пейзаж, висевший над столом секретарши, еще раз на секретаршу.

Повернулся и вдруг вышел, ни слова не говоря, оставив в некотором недоумении секретаршу.

В коридоре Саша как-то устало прошел в самый конец, где было место для курения, и сел в угол на широкую длинную скамью, какие бывают только на вокзалах, в милициях и больших учреждениях.

Он посмотрел на часы, закурил. В голове у него вертелись бесконечные вопросы и ответы: «как дела?», «ну, как жизнь?», «так себе» и еще, конечно, «полоса на полосу...» — тут все вопросы и ответы на этом, как и в прошлый раз, закончились.

Катя ходила чуть в стороне от управления.

Заглянула, чтобы убить время, в мебельный магазин, оказавшийся рядом, но ничего из мебели она не видела и видеть не могла, а смотрела через витрины только на выход из управления.

Мимо нее проносились кресла ножками вверх, диваны, зеркала, кровати, и хотя вокруг было немало праздных людей, но Катя отчего-то мешала более других — ее постоянно окрикивали, заставляли при-

жиматься к шкафам, и даже один раз она вошла в шкаф, потому что мимо несли какую-то чрезвычайно громоздкую вещь.

Катя из своего укрытия не разобрала, что именно несли.

Перед ней медленно плыло что-то великолепное, из 19-го века, в золоте и даже с нимфой и двумя летящими ангелами — один играл на трубе, — никогда Катя не видела таких вещей.

Саша посмотрел на часы.

Прошло ровно полчаса.

Коридор.

Таблички с фамилиями, номера.

Вот и его кабинет. Табличка, его фамилия. Саша остановился, поглядел на свою дверь, как бы изучая.

Лифт.

Кнопки, кнопки — вот она, нужная — 1-й этаж.

Спускался.

Видел себя напротив, в зеркале лифта.

Катя ждала его у входа.

— ..? — спрашивает она молча.

— Все правильно. — Саша посмотрел на часы: — Ровно полчаса. Что ты делала? Чем занималась?

— Ты видел Петра?

— Нет.

— И ты никуда не заходил? Ни к кому?

— Нет.

— Но почему? — Катя была поражена.

— Я передумал.

— Но как ты мог передумать, если мы договорились?

Саша молчал.

— Я все понимаю, — сказала Катя. — Все отлично понимаю.

— Что ты понимаешь? — с внезапным раздражением спросил Саша.

— Все, все, — Катя говорила, торопясь. — Это все

очень обыкновенно, хотя, может быть, ты и прав. Кому кто нужен?

— Ничего ты абсолютно не понимаешь, — Саша говорил отдельно, сдерживаясь едва. — Не знаю, как тебе объяснить, чтобы до тебя дошло, каким образом... Не нужно никуда ходить по поводу Петра. Не трогайте его. Ему лучше, чем многим. Все куда-то спешат, торопятся вырвать что-то, что угодно — не разбираясь, лишь бы скорее! Вам все нужно быстро, стремительно, все вокруг поспешно, мнения и выводы, все чужое, схваченное на лету, потому что свой взгляд на жизнь иметь сложно, хлопотно! Вышел Петр из этого потока, и правильно, а ты перепугалась, и понятно, потому что ты сама прекрасно знаешь, стоит любому человеку остановиться, задуматься, хотя бы над собой, больше и не надо, задуматься, а вы и этого ему даже не даете.

— Что ты на меня кричишь? — спохватилась Катя.

— Я на тебя не кричу, — сказал Саша уже спокойно. — И не надо его спасать, ловить, разыскивать. Сам вернется. И не к тебе, не в управление, а к себе, к такому себе, какой его устроит...

— Ты не пошел, — устало оборвала его Катя. — Пусть сам по себе, так, что ли? Все сами по себе. В отдельности. В одиночку. Пусть сам разбирается. А я посмотрю, во что это образуется. Да? А если не образуется? За головы будете хвататься?

Саша хотел ей ответить, но, так бывает, он почувствовал необыкновенную неохоту к любым разговорам.

Не возражать, не спорить. Расстаться — единственный выход.

Они хорошо смотрелись вместе, когда шли в толпе.

Как хорошо могут смотреться идущие рядом красивые, взрослые, спокойные, молодые люди, безмятежно, в летний ослепительный день.

У метро, среди суеты. Расстались.

У метро среди суеты.

И, в общем, как будто так и надо.

И оба друг другу надоели. И, как это бывает, отделаться бы, чтобы отошел, отошла. И оба понимали это прекрасно.

Прощание было скомкано при согласии сторон.

Он пошел по бульвару.

Она закрылась в телефонной будке.

Кроме домашнего телефона, набрала еще несколько других — то ли было занято, то ли молчок.

Дома Петра тоже не оказалось.

Жаркая летняя телефонная трубка, чужая. Чужим дыханием полна.

Аэропорт не принимал и не выпускал уже не первые сутки.

Пассажиры слонялись по залам, спали, пили, зевали, ругались с администрацией, околачивались дежурными стайками у билетных касс.

Петр протолкался к кассам.

— На Москву у вас билета нет? Одного.

— Нет! Нет! И не будет, — говорила в сотый раз кассирша. — Я не машина, чтобы всем повторять. Грозы. Полоса гроз.

— Странно, а здесь — жара, — сказал Петр.

Он взглянул на цены билетов.

До Москвы 37 рублей 40 коп.

Порылся в карманах. Мелочь. Зажигалка. Правда, очень хорошая. Авторучка. Часы...

Через некоторое время он стоял в просторном зале туалета, где перед зеркалами во всю стену мылись и чистились многочисленные пассажиры.

Петр осматривал каждого.

Может, этому, в пижаме?

Нет.

А этому, в плаще, в шляпе?

А этот — мальчишка еще.

У солдата денег, конечно, нет.

А вот с этим.

Разве если попытаться. Рискнем.

Он подошел к человеку, который причесывался перед окном.

Пожилой человек. Средних лет. Костюм — скромный.

— Простите... — сказал Петр.

— Да, — обернулся человек и посмотрел на Петра, как ему показалось, с пристальным вниманием, отчего Петр вдруг очень смутился, но все-таки довольно твердым и даже несколько развязным голосом произнес:

— Вам не нужны часы швейцарские, антимагнитные, с противоударным устройством в золотом корпусе? И еще: число выскакивает. — Он показал на часы. — Заводить не нужно. Заводятся взмахом руки. — Махнул рукой с часами.

— Да... Вы что? — изумленно, с возмущением сказал человек. — За кого вы меня принимаете? Я милицию сейчас вызову! Уберите ваши часы! — И быстро прошел мимо Петра к выходу.

Петр опустил часы в карман, сглотнул слюну.

Выпил воды из-под крана.

Посмотрел впервые за все время на себя в зеркало.

Да, в таком виде часы не продают, а отбирают на больших и малых дорогах.

Из зеркала на Петра смотрел небритый парень в некогда белой, а теперь почти черной рубашке (следствие ночевки в транспортных вагонах и рудничной пыли), заметно осунувшийся, загорелый слегка, а может, просто неумытый, в мятом пиджаке.

Но глаз у человека был, в общем, ничего.

Он себе таким отчасти даже понравился.

Видеть себя таким давно не привык, да и вообще

все это очень странно, и неизвестно, что там впереди, а пока что Петр снял пиджак, вытряхнул его в окно, во двор, снял рубашку.

Мыла не было.

Огляделся.

Рядом брился солдат в рубашке. С интересом следил за действиями Петра.

Тут же протянул мыло.

— Нейлоновая? — кивнул на рубашку. — Удобная вещь в командировках. У меня дома, в гражданке, тоже есть. Индийская, по-моему.

Рубашка, уже чистая, покачивалась в раскрытой раме окна. Петр мылся до пояса. Руки до кистей и шея у него черные.

— Солдатский загар! — говорит ему его сосед.

— Пускай и солдатский. Хорошая вода. Мыла много.

Лицо, помолодевшее после бритвы.

Еще непрсохшая голубоватая рубашка — ничего, на теле высохнет.

Пригладил волосы, вышел на солнце, чувствуя себя готовым для борьбы и действий.

Но вокруг была та же асфальтная площадь перед зданием аэропорта.

Ветер рвал парусиновый полосатый сачок над крышей.

Впереди, за выжженной травой, поднималось и нестерпимо пылало на солнце новое здание ангара.

Там толпились люди, было заметно какое-то оживление, и Петр направился туда.

Ангар был весь уставлен раскладушками. Здесь поселялись семьями, жили почти семейно, бок о бок совсем случайные люди, делились куревом, пивом, когда пиво тут появлялось, новостями, газетами, кипятком и разными историями из жизни.

Проход между стоявшими плотно койками был очень узок и относителен. Порядок здесь навести было невозможно, хотя какая-то женщина в халате

стыдила двух здоровенных парней за какие-то преступления, а те, черти, спали и ничего не слушали.

Отдельно сидели молодые военные с женами и детьми.

Лейтенанты, отправляющиеся в самые дальние концы Союза. Весь их нехитрый скарб был с ними и весь их дом, с женами, спящими детьми, швейными машинками, узлами.

Кто-то добровольно играл для всех на гитаре, и вокруг него толпились люди — подходили, уходили. Песни были разные. Три девушки стояли в первом же ряду напротив гитариста и пели все, пели очень хорошо, в три голоса, похожие на сестер, в одинаковых платках, в платьях с зелеными воротниками.

Группой собрались ребята и девчонки в спортивных костюмах, рядом в деревянных рамах стояли разобранные велосипеды.

Все куда-то ехали, перемещались по огромной стране, ждали вылета с нетерпением, оглядывались вокруг, легко входили в новую для себя жизнь, впрочем, для многих такая жизнь была обыкновением, нормой — посмотрите на строителей, эти везде дома, сдвинули раскладушки, спорят о чем-то, смеются, говорят громко, но, если попросить, сбавляют тон, а потом снова забывают, увлеченные разговором.

Койка в ангаре стоила рубль в сутки.

Петр на всякий случай встал в длинную очередь за квитанциями на постель.

Очередь двигалась медленно, по самой жаре.

Люди уходили, возвращались.

Нигде так не вслушиваются в тишину, как на аэродроме в часы, когда он закрыт и нет ни взлетающих, ни выруливающих по полосе машин, ни тех, что садятся, низко пролетая над крышами поселка.

И когда вдруг в этом безнадежном ожидании раздался негромкий, но такой знакомый стрекот подле-

тающего, но еще никому невидимого самолета, люди начали искать его глазами.

Вертолет выскочил как-то внезапно, из-за аэродромных пристроек. Зашел со стороны солнца и сел. Над ним встала пыль.

Вертолет зеленый, санитарный, с красным крестом.

Петр, не раздумывая, зашагал к нему.

Вертолет летел над тайгой.

Огромное зеленое пространство разворачивалось внизу.

Это был не просто лес, не просто деревья, растущие рядом с полянами, просеками, затерянными селами, — все это Петр уже видел не раз.

Под ним проносился (вертолет летел на небольшой высоте) сплошной мощный массив, то ровно освещенный солнцем, то с тенью от облаков, и тогда тайга менялась — золото, вспыхивающее на верхушках деревьев, темнело, темными становились таежные озера, но вот уже впереди блеснула река, потом еще одна, пошире, совершенно голубая, с белыми отмелями.

Рядом с Петром дремал врач, широкоскулый смуглый якут, положив голову на санитарную сумку.

Ни шум двигателя, ни то, что их довольно часто встряхивало, никакие внешние раздражители, казалось, не влияли на него.

Он спал.

— Белуга идет! Белуга! — из кабины показалось загорелое молодое лицо второго пилота — Вань! Ваня! — азартно кричал он, сверкая золотыми коронками зубов. — Проснись! Белуга!

Но врач лишь лениво отмахнулся, не открывая глаз, зато Петр приник к окну.

— Что? — не понял он. — Где?

— Белуга! — теперь для Петра с удовольствием и

даже какой-то радостью сообщал второй пилот. — Белуга идет!

Вода в реке была такой прозрачной — до самого дна, и Петр сразу же увидел целую стаю больших белых рыб на середине реки. Казалось, они стояли на месте, потом исчезали совсем.

Петр протиснулся в кабину.

— Где мы сейчас? — прокричал он сквозь шум в самое ухо командира — здорового светловолосого человека лет сорока.

— Игарка скоро! — не оборачиваясь, ответил он. — Игарка!

— Что? — не расслышал Петр.

— Игарка! — повторил на этот раз уже второй пилот. — Ду ю спик инглиш? Дзис из Игарка!

Петр закивал головой, давая знать, что все понял, понял, что они летят в Игарку.

Вертолет круто пошел вниз, вдоль береговой полосы. Он летел, как привязанный к ней, точно повторяя все ее изгибы.

Теперь тайга была уже рядом. Мелькали стволы деревьев, густой кустарник.

Утром, в Игарке, в летной гостинице — небольшом домике, расположенном в лесу у реки.

Врач-якут вышел на крыльцо. Потянулся, зевнул сладко. Плечи его подернулись от утреннего холода.

Утро было солнечное, тихое.

Иван был настроен крайне благожелательно, он выспался, день впереди обещал быть хорошим, словом, он не ожидал ничего такого, что бы могло поколебать его умиротворенное состояние, и в этот самый момент на его лицо обрушился ковш нестерпимо холодной, ледяной воды.

Иван ошалело протер глаза, закашлялся и тут же

увидел второго пилота Кольку, хохочущего, довольно-го, с ковшом в руке.

— Колька, убью! — крикнул Иван и в одно мгновение превратился из благодушного созерцателя утренних пейзажей в деятельного преследователя.

Он схватил лежавший у крыльца топор и бросился за Колькой.

— Пускай умру я, но в песне смелых всегда я буду живым примером! — убегая, распевал Колька. — А тебя народный суд не пощадит!

Петр стоял на крыльце, щурясь от солнца.

Иван и Колька шли к домику между деревьями, запыхавшиеся, в сапогах, мокрых от росы.

— Смотри, Колька, что бы я мог с тобой сделать, и благодари своего Бога, — Иван размахнулся и бросил топор.

Перевернувшись, топор точно вонзился в дерево, шагах в десяти.

Колька молча достал из-за голенища нож. Пустил его в то же дерево. И тоже точно.

— Понял, с кем имеешь дело? — сказал он. — Пижон! Пошли купаться!

Вода в Енисее была холодная, но летняя. Здесь в эти месяцы плавать можно.

На той стороне реки высились штабеля лесной биржи, у причала стояли пароходы, на запане слышались голоса — это работницы, стоя на мостках поперек реки, гоняли баграми бревна, переговаривались издали. На реке далеко слышно.

— Маша, а Маш...

— Что? Ты, Верка?

— Ты меня слышишь?

— Чего орешь, слышу.

— Ты где вчера ходила? Маш...

— Чего?..

Они плавали, прыгали с мостков, ныряли. Пришел позже командир, неторопливо разделся, намылился, а потом уже вошел в воду.

Давно Петр не чувствовал себя так хорошо, молодого, когда он натягивал свитер, одолженный ему Колей, когда они разминались у реки все вместе, чтобы согреться после утреннего купанья, боролись, толкали друг друга плечами, потом все вместе шли по деревянным мосткам к гостинице среди низко нависшей зелени кустов, и доски покачивались и скрипели под ногами, ветки мокрые били в лицо, и сначала по дороге встретились двое летчиков, возвращавшихся, судя по их несколько опухшим лицам, из города. «Как погуляли?» — на ходу спросили. «Погуляли, — сказали те. — Пива у вас нет?»

А потом им встретились три замечательные девушки, и каждая несла по ведру — с грибами, с черникой — полные ведра черники, лица у девушек свежие, резиновые сапоги мокро блестят — долго они ходили по лесу, рано встали, и ребята сначала загородили мостки, не пропуская девушек, те, смеясь, наступали и даже столкнули Колю с мостков на болотистую жижу, а потом они насыпали им полные фуражки черники и пошли себе дальше по мосткам, оборачиваясь и посмеиваясь чему-то, и все этим утром складывалось как нельзя лучше, и завтрак на улице, за гладкообструганным столом.

Радио громко передавало последние известия. Потом московское время: около трех утра, потом музыку.

Пожилая женщина, которую они все звали тетей Валей, не то комендант, не то администратор гостиницы, принесла им огромную сковородку с шипящей яичницей, поставила молоко, хлеб, а чернику они сами высыпали на расстеленную газету.

Ели дружно.

Тетя Валя достала из кармана пачку писем и все до одного протянула командиру.

— Тебе опять от жены...

— Эти вчерашние, два, — сказала она. — А это старые.

Командир тут же открыл один конверт, остальные сунул в карман и углубился в чтение.

— Отвечать-то, Сереж, успеваешь? — улыбнулась снисходительно тетя Валя.

— А я для чего? — ответил тете Вале Колька. — Я и отвечаю. За то и держат.

— Будет врать-то! — она хлопнула Колю по затылку.

— Никогда не женюсь, — сказал Колька. — Сам не женюсь и вам не советую, — сказал он тете Вале. — А если уж так подождет, возьму неграмотную. — И мечтательно добавил: — И хорошо бы еще немую...

Все оборвалось неожиданно.

Громко, на весь домик зазвонил телефон, тетя Валя проворно заспешила к нему.

— Сергей, тебя, — сказала она в окно.

И протянула трубку подошедшему к окну командиру.

Тот молча выслушал, односложно поддакивая, потом передал трубку Ивану.

— Ну, что там? — спросил Колька.

— Что-что, — проворчал командир, — все то же самое. Вылет через пятнадцать минут.

— Да, — он посмотрел на Петра, — вспомнил. Пошли.

Они зашли в коридор гостиницы, остановились перед дверью, командир толкнул ее ногой.

— Вот привычка, спать взаперти. — Он застучал громче. — Росляков! Открой! Росляков!

— Ну что тебе? Я сплю.

— Спи. Ты летишь в Москву?

— Ну лечу. Отвяжись.

— Захвати одного моего знакомого!

— Захвачу. Катись! — ответили из-за дверей.

— Я побежал, ты его найдешь. Росляков, запомнил? Это свой парень. Счастливо!

Петр ничего не успел сказать, командир быстро зашагал по коридору.

Петр автоматически последовал за ним, вышел во двор.

Никого не было уже. Остались на столе чашки, черника. За столом сидел один из встретившихся по дороге летчиков, пил пиво.

— Эй, парень! Петя! — кричал ему кто-то. Он обернулся.

По мосткам бежал Коля, второй пилот.

— На, возьми. Чуть не забыл. — Он протягивал Петру какие-то бумажки.

— Что это?

— Талоны на еду. Витамины! — и побежал обратно. — Москве привет! — обернулся на ходу.

И сразу стало тихо, только радио говорило. Летчик за столом пил пиво, листая журнал.

Петр пошел в город.

Игарка, утренняя, розоватая вода, черные сваи, деревянные улицы, деревянные тротуары, резные дома, русские, голубоглазые лица, русые волосы девочек, работницы в высоких сапогах, идущие посередине улицы, матросы с иностранных судов, очевидно шведы или норвежцы — Петр понял, о чем они говорили, — распределяли деньги на день, как тратить, — матросы, одетые, как молодые люди в европейских городах — цветные пиджаки, яркие рубашки, веснушчатые, чисто выбритые лица, гладкозачесанные волосы, и рядом по соседней улице гнали к пристани коров, у некоторых на шее позванивали колокольчики, и тут же проехала странная машина, похожая на стрекозу, если поставить стрекозу на

длинные четыре ноги, — машина везла свежераспиленный лес.

Лесом здесь все пропахло.

Весь город был подчинен лесу и жил им. Для леса стояло у причалов множество судов под разными флагами, лес сортировали, пилили, спускали по желобам в Енисей, опилками был засыпан стадион города, на котором в этот день развевались советский и чей-то полосатый флаг — следовательно, предстоял международный матч...

А у воды было тихо.

Старик с причала закидывал леску — далеко закидывал.

Рядом стоял парень, смотрел.

Женщина стирала на плоту белье. Из шалашика, здесь же на плоту, шел дым.

Дети бегали, сидели на краю, свесив ноги в воду.

Столько вокруг было света, воздуха, воды, покоя.

Петр возвращался, не зная точно, сумеет ли он таким образом вернуться на остров из города — аэродром был на острове.

Он шел прямо по реке, точнее — по мосткам запани, которые почти до середины заняли реку.

Если смотреть сверху, то река была как бы заштрихована ими, разбита на клетки, прямоугольники...

Мостки были шаткими, тонули под ногами — шагнешь, и сразу же спеша дальше, не задерживайся.

На мостках, там и тут, по всей запани стояли молодые женщины с баграми — гоняли бревна, — это они утром переговаривались.

Посмеивались, снисходительно следили за Петром, как он сумеет выкрутиться.

Женщины молодые, загорелые, в светлых косынках.

Баграми они действовали уверенно.

Бревна, казалось, без особых усилий скользили по темной воде.

— ...Эй, милый, куда собрался?

— ...Кого ищешь?

— ...Меня, может?

— ...Да нужна ты ему! Не видишь, начальник.

— ...Девки, топи начальство, пока никто не видит!

— ...Чего-то он больно долго не падает!

— ...Может, помочь ему?

— ...Ничего, сейчас бултыхнется!

— ...А может, мы баграми к берегу доставим?

— ...И прямо на лесопилку!

Но Петр без приключений достиг края мостков — там у плотика стояла лодка, он сел в нее и тихо погреб к острову.

Девушки что-то кричали ему вслед, смеялись.

Петр повернул лодку так, чтобы грести лицом к ним, помахал рукой.

И он снова шел по тем же мосткам среди обступавшей со всех сторон зелени кустов, таких густых и влажных, что они не успевали просохнуть от росы.

У гостиницы его встретила взволнованная тетя Валя. Еще издали она замахала руками, закричала.

— Это ты в Москву? А мы тебя разыскиваем! С ног сбились. Беги к самолету! Еще успеешь! Росляков и так из-за тебя там чертей гоняет!

— А когда вернется санитарный вертолет, вы не знаете?

— Ночью, ночью. Бегом! — торопила его тетя Валя.

— У вас тут переночевать еще можно? — спросил Петр.

— Что? — не поняла она. — Ты что, не летишь?

— Нет.

— Ну и народ!.. — всплеснула руками тетя Ва-

ля. — Ну и народ пошел!.. Прямо без царя в голове, да и только...

Петр усмехнулся и пошел вдоль домиков, к самому крайнему, над крышей которого высился белый медицинский флажок с крестом.

ИЛ-14 разворачивался уже на взлетной полосе. Блеснуло крыло, машина напряглась перед последним рывком, помчалась прямо навстречу лесу и взлетела.

Катя еще раз набрала номер. Услышала в ответ долгие гудки, посмотрела через стекло на образовавшуюся очередь, опустила трубку.

Она вышла на воздух, оглянулась вокруг. Торопиться было некуда.

Саша сидел на скамейке бульвара.

Мимо него шли девочки, ребята. В коляске провезли инвалида.

Две старушки — одного катили.

Саша ничего не ждал от этого вечера — абсолютно ничего.

Он привычно убеждал себя в этом. И, если б спросить, чего он ждет? Кто должен подойти? Никто не должен, не обязан да и не собирався сюда подходить.

Здесь было лишь лето, жара, движение вверх-вниз по бульвару.

Газету, что ли, купить? Для этого надо было перейти на тротуар сквозь зеленые подстриженные кусты, ограду — а там, а там — и газета, новости, события, — и тут он увидел Катю, идущую по бульвару.

Шла она очень отдельно, хотя старалась идти как-то так, чтобы виду не подавать, что она одна и идти ей некуда.

Она шла, никого не замечая, и Сашу она тоже не заметила.

Он был лишь составной частью бульвара, но не

более. И Катя, понимая, что она — тоже — лишь часть бульвара, лишь приложение к декорации этого вечера, расположенной среди лиц, скамеек, толпы, — старалась пройти скорее, чтобы прекратить свое участие в этом ежедневном спектакле, но ей не удавалось выпасть из него.

Увидев ее, Саша не удивился ничуть.

Она прошла мимо. Он успел подробно еще раз разглядеть ее среди идущих, не сравнивая ни с кем.

Просто смотрел, как она шла.

Платье белое, сумочка покачивается.

Очень молодая, очень, и светлая челка на лоб.

Куда идет? — и ничего не видит, и его не видит.

Вот так. Мимо.

Спины прохожих заслонили Катю — она исчезла за ними, — и это произошло так внезапно, что он вначале удивился, а уж потом испугался — ему показалось вдруг, что никого у него не было в городе, кроме нее, — никого, вот. Она исчезла.

Он бегом бросился по бульвару, мало на что надеясь, но и надеясь все же на то, что вдруг повезет.

Еще издали он окликнул ее — не веря, впрочем, что это она.

Она обернулась сразу же — как будто ждала.

Он, зная теперь точно, что это Катя, не мог сразу поверить в такую удачу.

Лицо ее, доверчивое, радостное, — приближалось.

Она даже не подозревала, как была нужна Саше сейчас, а он ей.

У Саши был вид человека с хорошей новостью, счастливым известием.

Вот очень скоро, сейчас, подойдет и — скажет...

— Здравствуйте, — сказал Саша. — Давно не виделись.

— Здравствуйте, — весело ответила она. — Где же вы все пропадаете?

— Пропадаем — это уж точно. Синим пламенем горим. А белый цвет вам к лицу.

— Для вас стараемся, а вы все где-то пропадаете.

— Мороженого хотите?

— Конечно.

— Одну минуту, — сказал Саша. — Не исчезайте.

Он скоро вернулся — с цветами. Красные гвоздики. Протянул.

Цветы как цветы. Точно такие же, как и у других. Лето, цветы.

Пух тополей — над бульварами, серп луны, воздух жаркий, городской — раскрытые настежь окна первых этажей, девочка под зеленой лампой, читающая книгу, — в раме окна проплывает мимо, и тут же медленно разворачивается расположенная за тремя окнами полуподвала ярко освещенная мастерская абажуров — подвешенные к потолку каркасы, похожие на клетки для птиц, и уже готовые, обтянутые шелком — мерно покачивающиеся от летнего сквозняка, — их собирают женщины за большим столом, в летних открытых платьях движенья рук, плеч — покачивание разноцветного шелка — и снова тьма улицы, и близость, возникшая между ними, как будто они узнали что-то, понятное только двоим.

Впереди, за листвою бульвара, над крышей цирка уже затанцевали огненные буквы, вспыхнула огромная афиша.

Перед цирком, как всегда, толпились люди.

Саша и Катя встали в конец длиннейшей очереди за билетами: вдруг — повезет.

* * *

Затемненный фургон, койки в два яруса. Люди в узком проходе, на верхних койках.

— Пустите меня, отпустите! Девочки... Не могу! Что вы со мной делаете! — умоляла совсем молоденькая девушка подруг, сдерживающих ее на постели.

Простыня была в крови, рядом валялись полотенца -- в крови.

Лицо девушки — смятенное. В глазах, раскрытых широко, — просьба, испуг.

В фургончике стояли молча, в окна заглядывали.

— Всем немедленно выйти отсюда, — сказал Петр.

На него посмотрели с интересом, но никто не вышел.

— Пустите меня! — надрывался голос девушки.

— А ну, сматывайтесь все! — с внезапной грубостью приказал Петр. — Все до одного! Быстро!

Он схватил того, что стоял поближе, приземистого парня в темной от пота майке, с лоснящейся спиной, и с силой вытолкнул в дверь.

Парень не сопротивлялся.

Попятились по фургончику и другие, сыпанули любопытные девки с верхних коек.

— А ты — останься! — задержал Петр рослую девушку в линялой ковбойке — она последняя торопилась к выходу, с трудом протискивая свое большое тело в проходе.

Девушка испуганно оглянулась.

— Идем, поможешь! — Петр подтолкнул ее в обратную сторону, к койке.

— Лежать, лежать, — осторожно, но твердо он вернул пострадавшую к подушке, — та-ак, без истерик. Времени у нас с тобой мало.

— Я вас не звала! — притихшая было девушка с силой (откуда что берется!) оттолкнула Петра ногой, снова пытаясь подняться, сорвать полотенца, которыми были замотаны ее руки.

— Что вы лезете в чужую жизнь! — кричала она. — Не трогайте меня! Не хочу!

Петр вдруг наотмашь ударил ее по щеке. Раз. Еще раз. Спокойно, без малейшего раздражения — так больному дают стакан воды.

На Петра оторопело смотрели испуганные детские глаза.

— Схлопотала? — Петр уже делал укол. — Могу еще. — Он разложил инструменты, затянул жгут.

— Зря стараетесь, — зло сказала девушка. — Я все равно жить не буду.

— Ноги ей поддержи, — приказал Петр своей помощнице, не обращая на слова девушки ни малейшего внимания. — Молчи, не разговаривай.

Петр работал быстро, времени у него и на самом деле было в обрез.

Девушка потеряла много крови.

Руки его действовали с точностью и легкостью автомата.

Он накладывал швы на вены, делал уколы. Без малейших, казалось, усилий, не торопясь особенно, но в этой внешней неторопливости и есть тот единственный ритм настоящей работы, высшего профессионализма.

Девушка все переносила молча, только лицо ее напряглось от напряжения.

— Молодец... — говорил Петр. — Еще немного. А терпеть нечего. Хочется — кричи. Помогает. Не хочется?

Девушка только крепче закусила губы.

— Голова кружится? — спрашивал Петр.

— Кружится, — слабо сказала девушка. — Немного...

В фургон вошел милиционер, потный, усталый. Тяжело опустился на соседнюю кровать.

При виде милиционера, вытирающего лицо мокрым платком, глаза девушки округлились от страха.

— Что с тобой? — сразу спросил Петр. — Плохо?

— Ну и дура ты, Надька, — сказал милиционер будничным голосом. — Ну, дура...

Петр повернулся.

— Сержант, после, ладно? После, после... — кивком головы показал на выход.

Сержант понимающе кивнул и, вздохнув, с той же тяжестью поднялся со стула.

Петр продолжал работу.

— Чего он приходил? — заволновалась вдруг девушка. — Он не за Ленькой приходил? — казалось, что боль операции, страх, все отступило куда-то назад и стало несущественным для нее после появления милиционера. — Не за Ленькой?

— За каким Ленькой? — Петр сшивал вену.

— Ее Ленька, — усмехнулась недобро помощница. — Это она из-за него... Не бойсь, не заберут твоего Леньку, — в голосе ее было столько презрения к этому неведомому Леньке, что Петр невольно улыбнулся.

А больная лежала молча, только в глазах ее теперь уже не исчезало возникшее тревожное выражение.

— Все. — Петр снимал перчатки. — Пусть полежит. Полежи. А ты помоги ей одеться.

Петр вышел из фургона.

Солнечный жаркий день.

Множество людей вокруг.

Его окружили.

— Ну, как?

— Что она, доктор?

— Николаев, — протянул Петру руку загорелый человек в белой от пыли куртке. — Я начальник участка. Как там она?

— Нормально.

— Ничего себе «нормально»! Шум на всю стройку! И вечно с этими бабами истории!

— Сами хороши! — вмешался женский голос.

— Тоже мне, нашелся!

— Да тише вы, — сказал Николаев. — Тут этот герой ходит. Просит пустить. Пустить, что ли?

— Не пускать! — возражали женщины.

— Гнать его отсюда!

— Совести у человека нет! Приперся!

— Он-то при чем...

— Ладно — при чем! Знаем!

— Лучше пока не пускать никого, — сказал Петр. — Не нужно ее трогать.

Невдалеке от фургона, не приближаясь, стоял парень, совсем молоденький, ничего злодейского в его облике не было. Вид его был крайне убитый.

— Ленька? — спросил Петр.

— Он самый, — ответили ему.

Он вернулся в фургон. Девушка уже сидела одетая на койке.

Поверх платья наброшена кофта. Забинтованные руки она держала отвесно, прямо.

— Сейчас будут носилки, — сказал Петр.

— Нет... — девушка упрямо качнула головой. — Я сама...

Она поднялась, осторожно шагнула вперед и завалилась бы — Петр успел подхватить ее.

Небо качнулось у нее перед глазами, когда носилки поплыли сквозь плотный коридор молча стоявших людей, смотревших на нее сочувственно, с любопытством, с удивлением, как это всегда бывает.

Девушка пыталась прикрыть лицо, глаза локтем руки, но рука, перевязанная в локте, не сгибалась.

Она умоляюще взглянула на Петра, идущего рядом с носилками. Тот понял, осторожно закрыл ладонью ее глаза.

В стороне ото всех стоял Ленька, не подходил, плакал.

Прямо над девушкой был белый потолок санитарной машины. Нестерпимо белый.

Петр сидел рядом на откидном стуле.

«Скорая помощь», сигналив, летела уже по стройке, обгоняя колонну тяжелых грузовиков.

Петр видел строительство с воздуха, подлетая сюда, но только теперь, находясь в самом центре, в грохоте, мчась сквозь желтую пыль, он ощутил весь размах и одновременно — будничность происходящего, простоту.

Такие же молодые люди, не старше этой девушки, ее ныне знаменитого Леньки, каждый на своем

месте, сообща собирали по частям это, казалось бы, необъятное, многоступенчатое сооружение, которое будет электростанцией, и черты ее были уже видны.

Они проступали сквозь незавершенность конструкций, бетонные пролеты, арки.

Но пока что — почерневшие от солнца и пыли лица, грохот, жара — рабочий день...

Девушка лежала молчаливая, сосредоточенная на своем.

— Ну что? — спросил он привычно. — Сейчас доедем.

— Если б я знала... — девушка заговорила, обращаясь не к нему, ни к кому, — заранее все бы знала... Надо уж было до конца, а то глупость какая-то. Стыдно, смешно... Чего доказала? — Помолчав, она вдруг спросила с отчаянием, поразившим Петра: — Он бы плакал, если бы я умерла?

— Кто он? — не понял Петр.

— Ленька... — сказала девушка так, как будто Петр и вправду мог ответить, плакал бы Ленька или нет, но ответила она сама, уверенно: — Плакал. Я знаю. Он слабохарактерный, ему всех жалко.

— Тебе лучше не разговаривать.

— Ему всех жалко, понимаю. Вот и Дуську пожалел, а вот меня — нет... — Она как бы размышляла. — А может, я сама виновата. И Дуську теперь бабы заклюют... А при чем тут Дуська, если он все сам? Я сама... Им-то хоть бы что, а мне стыдно было даже на улицу выйти... а ведь еще и на работу ходить надо...

Петра не особенно интересовало все, что говорила эта девушка, он не слушал слова, не вникал в смысл их — важно было доставить ее в больницу в порядке.

— А его за меня в тюрьму не посадят? — спросила она.

— Все это чепуха, — сказал Петр. — Помалкивай.

— Глазам больно... — сказала она, пытаясь снова

прикрыть их ладонью, но рука, перевязанная в локте, не сгибалась.

— Тоже, нашла способ. — Петр осторожно прикрыл ей глаза своей ладонью. — Теперь знаешь сколько будет заживать...

— Я так не хотела... — тихо сказала девушка.

Помолчав, она вдруг начала говорить, спокойно, как о другом человеке. И то, что глаза ее были закрыты ладонью Петра, помогало ей.

— ...Встала. Вышла в степь. Деваться-то некуда... Кругом люди. И так мне ясно сделалось, поняла, что от завтраго мне нечего ждать, и от послезавтраго, и ничего мне не нужно ни от кого... никого на свете как будто нет... все чего-то ходят... Я крови боюсь — из пальца брали — чуть не в обморок... веревку нашла. А где? После нашла за сараями гвоздь, большой. Вбиваю, а гвоздь сквозь стенку... Труха. Вбиваю кирпичом, кирпич разбился...

Петр держал ладонь на ее глазах, не зная, не понимая сам, почему он не прервет ее, не остановит.

— ...Кирпич разбился, — продолжала она. Засмеялась. — Ну, нашла дверь, цельную. Вбила кое-как... мамку вспомнила, сестру. Надо бы заплакать -- не могу. Отца жалко, себя жалко, Леньку, Дуську, дуру, а не могу плакать... совсем уже собралась с духом, а тут коза идет... смешно. Как же это, при козе? А там уже слышно, на обед зовут... Веревку на гвоздь... И как бухнуть — пропади все пропадом... А гвоздь-то не выдержал... Сижу, веревка на шее... Обедать зовут... В бачок пустой стучат... То ли дальше вешаться, то ли обедать идти... жить неохота, а есть уже хочется... Плевать, решила, пообедаю, а там видно будет... Да еще коза эта...

Петр почувствовал, что ладонь его стала мокрой — девушка плакала.

— Уберите руку, — вдруг зло сказала она. — Снимите.

Он снял.

— Зачем вы заставляете меня все это говорить? Зачем? — с тем же ожесточением спросила она.

— Ты с ума сошла. К чему мне это! — возмутился Петр и в ту же секунду поймал себя на том, что он действительно слушал ее чрезвычайно внимательно, и вся эта бесхитростная история не просто взволновала его, а показалась ему чем-то более существенным и важным.

— К чему? — повторила девушка. — Значит, есть к чему! Слушали, слушали! Ничего я вам больше не скажу! Хоть тресните! — И отвернулась к стене.

Шли босиком по мелкой, неширокой речке.

Под ногами — камни.

Вода ледяная, и множество темных рыбьих спин.

Одни упорно двигались вверх по течению. Другие уже скользили вниз, вялые, с потертыми о камни дна боками, их уже несло, и они не сопротивлялись.

— ...Каждые три года заходят сюда — метать икру, — говорил Петру Коля, второй пилот. — Отметались — помирай.

Он ткнул ногой плывущую боком рыбину.

— Смотри, — он показал на двух замерших рыб, — стоят, пристраиваются.

Рыбы плотно стояли против течения.

— Сейчас начнут, — сказал Коля.

И действительно, между рыбами вдруг появилось что-то вроде темного облачка, и рыбы сразу же отвалили в сторону, их понесло вниз.

Петр наклонился над водой, рассматривая.

— И как эти икринки запоминают, из какой они речки? Тут, бывает, дом родной не найдешь, — говорил второй пилот.

Они еще походили недолго, задевая ногами рыб, умылись, обулись, а потом была долгая и приятная подготовка к ужину.

Здесь все были свои — экипаж не в первый раз прилетал к рыбакам.

Чистили рыбу к ухе, уже на берегу горел костер, тут же для гостей в большой миске отмывали, солили свежую икру.

Вечер наступил внезапно, поставили на стол фонарь — уху по мискам разливал пожилой рыбак, — миски в молчании передавались по столу — до первой рюмки и первой ложки острой, густой ухи никаких разговоров не было — все с наслаждением ожидали того момента, когда старший за столом поднимает стакан за здоровье прилетевших и можно будет приняться за еду на чистом вечернем воздухе.

Усталость дня сходила, и как будто не было больше ничего, кроме этого вечера, ужина, неторопливых разговоров, прохладного ветра с реки, какой-то песни из темноты, девчонки в сарафане, крутившейся около отца, бородатого еще молодого парня, светлого круга от лампы на столе, обычного трепя второго пилота, вызывавшего улыбки, чай в больших кружках, последней расходной, сена и мгновенного сна...

В цирке было весело.

Укрощенные тигры, распластавшись, летали сквозь обруч в огне, гимнасты на двухметровых ходулях вертели сальто, девушки, изображая русалок и нимф, плескались в подсвеченном аквариуме, выполняя сложное соединение под водой, превращались в цветок из пяти вытянутых тел, и юная женщина на коне жонглировала в темноте факелами, и кто-то в белом взлетал под куполом, отбрасывая трапецию, тотчас подхваченный руками товарищей, раскачивался уже, и кто-то, в чалме, но облаченный во фрак, делал на глазах чудеса — распиливал молоденькую ассистентку в деревянном ящике, разделяя его на две равные по-

ловины, после чего она волшебным образом появлялась откуда-то извне, раскланиваясь.

И еще потом было множество чудес — добавим хотя бы гуся, вылетевшего из оркестра на манеж, да и сам оркестр.

Это был замечательный цирковой оркестр — как, впрочем, и все было в этот вечер замечательным.

Саша и Катя сидели очень удачно — все было видно, и соседи оказались какие-то приятные люди, и совсем рядом — рукой можно дотянуться — какой-то очень славный парень, вращая диск с разноцветными стеклами, изменял освещение происходящего — и много было других счастливых совпадений, из которых следует отметить лишь одно — ни ей, ни ему все это, и в подробностях, и в целом, было не в тягость — они вообще очень хорошо вместе смотрелись — идеальные зрители во всех отношениях.

Но, как всегда случается, не может быть так, чтобы людям так долго — целый вечер — везло. Предчувствие оправдалось вполне.

Перед очередным номером — последним был номер с наездницей — арену готовили к новым подвигам.

Пока готовили, в паузе, коверные веселили публику.

Их было пятеро, и они старались всюду, используя даже лошадь, она входила в их репризы, и многое из того, что они делали, было смешно на самом деле — ребята они были молодые, здоровые, живота своего не щадили, падали, прыгали, заворачивались в ковер, извлекали петуха из-под полы, поливали опилки фонтаном слез — одним словом, работали на совесть.

Им предстояла одна из последних импровизаций. Вечный трюк. Вызывался человек из зала, способный оседлать непокорного коня — конь, только что бережно носивший танцовщицу, сбрасывал с себя коверных, — все, кто пытался на него взобраться, сле-

тали — и конь переступал через распростертые тела — чудесный был конь — не крашенный, как это делают часто в цирке, а темно-серый, сдержанный, какой-то очень элегантный — даже в том балагане с коверными, где он был вынужден участвовать.

Итак, вызывался человек из зала, вызывался наездник.

Дальнейшее действие предусматривало появление нелепого человека — якобы зрителя, который под смех сочувствия и понимания нелепости его положения начинал бы безнадежные попытки взобраться на лошадь — ему предстояло срываться при первых же попытках, догнать коня, держать за хвост, делать массу смешных вещей, из которых самая смешная, конечно, та, где он должен в падении сбить с ног всех коверных, а их было пятеро, а уж после, в заключение, когда все в нем вроде бы и разуверились, и зрители отсмеялись, тут-то он и должен себя показать — какой он неудачник? — при чем тут застенчивый человек из 17-го ряда? — он — мастер, конь ему послушен абсолютно — рояль в руках Рихтера, а не конь — вот вам сальто — на крупе коня, вот вам стойка на кистях, вот сквозь обруч прыгнул — старый, известный давным-давно номер, когда и зрители, и артисты играют вместе в одну игру: слабый побеждает сильных, неловкость оборачивается ловкостью, — вечный Иванушка-дурачок прыгает в кипяток котла, чтобы выйти оттуда вполне приличным человеком, даже в кафтане.

...Когда коверные принялись зазывать того мнимого «человека из зрителей», Саша весело оглядывал зал, ожидая, где, откуда появится этот подсаженный артист.

Но артист не появлялся.

Так, очевидно, было задумано, не сразу чтоб.

Знали, а пауза тянулась — два коверных тем временем пытались, сбивая друг друга, оседлать коня.
Зрители смеялись.

...Ни тогда, ни позже Саша не мог точно объяснить, зачем он встал и, не обращая внимания на Катю — она пыталась все же его удержать, — направился к арене.

Коверные смотрели на него тоже с большим удивлением.

Это был не их человек. Да, совершенно точно — чужой — зритель. Так, впрочем, уже бывало.

Коверным — что делать? — не гнать же проходимца в шею, тем более — сами звали.

Пришлось обыгрывать ситуацию, тем более — они оценили это сразу — внезапный артист оказался редкостно одаренным.

...Саша, приближаясь к арене, видел недоумевающих коверных, все он прекрасно видел — он вдруг увидел и себя со стороны, и ему абсолютно расхотелось участвовать в этом спектакле, но уже было поздно — не сбежишь.

...Человек, который в неестественном положении ведет себя естественно, то есть — нелепо, всегда очень смешон.

Все его такие обычные, обыкновенные поступки, жесты, любые слова — все вызывает смех.

Надо сказать, что вряд ли какой-нибудь артист так веселил зал своей абсолютной непригодностью к происходящему, беззащитностью перед обстоятельствами — оседлать коня. Он безостановочно и совершенно одинаково улыбался — а что ему оставалось делать?

Он вполне оценил коверных — они оказались ребята приличные и особых чудес с ним не производили, но все же были вынуждены — по необходимости — вынимать у него из уха гирлянду разноцветных

флажков, выпускать из него курицу — к ликованию зала, вынуждены они были и усадить его на коня — конечно, спиною по ходу движения — и Саша уже мало что соображал и мало что видел, когда конь бережно нес его по арене — лица смешались, оркестр исполнял галоп, коверные потешно скакали вокруг, а он улыбался, пока не свалился, но и свалившись, он продолжал бессмысленно улыбаться — это выражение как бы застыло на нем — маской.

Соседи Кати смотрели на нее с большим уважением — они не сомневались уже, что рядом с ними сидел еще недавно артист — он так ловко и смешно сюда подсел, всех разыграл, прикинувшись зрителем, и соседи, ободряя всячески его выступление, надеялись, что и Катя вскоре удивит всех каким-нибудь потрясающим трюком — то ли исчезнет на глазах — взлетит под купол, то ли уйдет прямо отсюда по возникшему внезапно канату — да мало ли что еще может произойти с партнершей этого нового, но, без сомнения, способного клоуна.

А Катя с ужасом ждала конца — скорей бы, поскорей бы. Она понимала, что он-то ничего не может изменить — ни уйти, ни прервать, ничего, только улыбаться — а что может она? Пойти к нему, увести? — вмешаться? — это показалось бы продолжением общей игры.

Саша все улыбался. Коверные ринулись его качать. Он взлетал с каждым разом все выше и выше.

Под барабанный бой.

Кидали его, надо сказать, умело — вращали, переворачивали — все мягко. Он, взлетая, не знал, как опуститься — и когда это все кончится — он тоже не знал, и все же у него хватило сил вырваться — он упал, встал, пошел прочь.

За ним побежали, он повернулся — уже не улыбаясь, а совсем буднично, — обернулся, но игра не

кончилась, нужен был финал — и ловкие руки коверных начали извлекать из его карманов поллитровки — четыре. Из каждого кармана.

Публика рукоплескала.

Саша беспомощно и послушно давал себя вращать, поворачивать и — заключением была огромная вобла — ее каким-то чудесным образом, перевернув Сашу вверх ногами, вытрясли из него на манеж.

Когда Сашу поставили на ноги, он еще покачивался. Улыбка неожиданно вернулась к нему.

Вообще — со стороны это было смешно. Покачиваясь, нетвердыми ногами он миновал какие-то блестящие столбы и приспособления для следующего номера и точно направился к ведру воды — у самого барьера.

Коверные замерли.

Саша — с полным равнодушием — взял это ведро и вылил его себе на голову. Полное ведро.

Ему аплодировали.

Он раскланялся — но как-то очень коротко, — и, повернувшись, пошел через манеж к кулисам.

Соседи Кати были в полном восторге.

Деревянным шагом в сторону кулис.

Как был, в мокром костюме, он стремительно шел по пустому, слабо освещенному фойе цирка.

С арены доносилась музыка — играли вальс.

Фойе здесь — полукругом, и он с ходу, выскочив из-за поворота, налетел на Катю.

Вода стекала с него, лицо остановившееся, злое.

Катя не знала, что ему сказать. Только произнесла:

— Саша...

Взгляд ее участливый был невыносим, раздражал.

— Что Саша? — сорвался он. — Что тебе здесь нужно? Чего не видела? Катись отсюда к чертовой матери! Представление окончено! Ясно? Оставь меня в покое!

— Ясно... — согласилась Катя, и это ее спокойное согласие его подхлестнуло.

— Ну что ты на меня уставилась? Цирк? Убирайся, слышишь! Все!

Саша кинулся от Кати в противоположную сторону. Мгновенно преодолел отрезок замкнутого круга.

Стена перед ним.

Служебная дверь: хода нет.

Он рванул обратно — с той же решимостью.

И опять Катя на том же месте. Уткнувшись в стенку, она плакала.

Вся тяжесть этого дня, неприятности, волнение за Петра, Саша с ведром, его беспомощная истерика — все это прорвалось, и она рыдала, даже не пытаясь сдерживать себя.

Саша стоял перед ней, и — странно — вид ее, плачущей, вдруг сразу как-то успокоил его.

Он решительно взял ее за руку и повел к выходу. Она покорно шла за ним.

Им везло в этот вечер.

Такси оказалось рядом.

Водитель ничуть не удивился мокрому с ног до головы пассажиру и его плачущей спутнице. Мало ли чего навиделся московский таксист.

— Куда? — только спросил он.

— Прямо.

Катя всхлипывала на его плече, успокаиваясь.

Машина неслась по вечернему городу.

— Вы что, артист? — все же не вытерпел водитель.

— Да, прямо с работы, — ответил Саша.

— А-а, — понимающе кивнул водитель.

Катя высморкалась в платок, чихнула и, отодвигаясь от Саши, сказала:

— Тебе надо переодеться. Где ты живешь?

Вертолет шел над лесом.

Обычный зимний пейзаж, ничем не омраченный.

Летний солнечный день.

И обычный полет. И привычные повороты, все, как вчера, как позавчера, в среду.

И вдруг командир присвистнул, причем так свистят только самому себе, да и то в редких случаях.

Свист короткий — далее — действие:

— Коля, — второму пилоту, — я смываюсь. — Он привстал с кресла: — Давай, рули, понял?

Волк рывками бежал по глубокому снегу, оглушенный ревом двигателей, не представляя вполне, какой опасностью грозит ему летящая чуть справа большая тень от вертолета.

Тень не приближалась, но и не отставала.

А вскоре загрелись сверху выстрелы.

Сергей стрелял, стоя в проеме снятых дверей.

Привязанный ремнями, он почти зависал над землей; ветер рвал из рук ружье, слепили снег, солнце, вертолет мотало, но Петр, ожидавший своей очереди на выстрел, видел, что этот человек по-настоящему счастлив и захвачен сейчас охотой, погоней, своим невесомым положением, скоростью, ветром.

Было что-то мальчишеское в том, с каким азартом он кричал Коле — тот вел вертолет: «Ниже! Еще ниже!», «Сними скорость!»

Пригибались верхушки деревьев, смятые воздухом от винта, взметался снег.

«Ружье!» — и просил и требовал взгляд Сергея.

И он жадно хватал ружье Петра, стрелял навскидку.

— Сергей! — кричал Коля с пилотского кресла. — Прекрати это жлобство! Дай и людям пострелять!

Сергей и не слышал, не обращал внимания.

— Бросаю управление! — кричал Коля. — Петька, отбирай у него ружье. Хватит с него!

Он заложил крутой вираж, лес и снег встали дыбом, небо опрокинулось, Сергей влетел в кабину, но тут же бросился к дверям, не обращая ни малей-

шего внимания на Колькины уговоры, продолжал стрелять по уходившему волку.

Тот рванул в просеку и уже замелькал среди кустарника и низких деревьев, менее заметный, чем на открытом снегу, да и Колькин вираж напутал дело.

И все же, сдерживая прыгающее ружье, резко переместив направление ствола, Сергей выстрелил, волк рванул в последнем отчаянном прыжке и зарылся головой в снег...

Петр смотрел на Сергея.

Вытирая шапкой мокрое лицо, он сидел у края открытых дверей, счастливый оттого, что все получилось.

...И в этот же солнечный, спокойный день.

Вертолет стоял в стороне от ледокола, огромного, с желтыми надстройками, ярко-красной полосой на борту.

Петр и молоденькая сестра делали матросам прививки в белейшей комнате лазарета.

Петр поглядывал в иллюминатор.

Внизу, на льду, играли в футбол.

Поле вокруг простиралось бесконечное, ледяное, но ворота были настоящие, с ледокола, даже сетка была.

Среди игравших в одной команде были и Сергей, и Колька.

Матросская очередь не кончалась. Они продвигались один за другим, крепкие, раздетые до пояса, рельефно напрягали перед медсестрой мышцы, храбро подставляли спины, относясь к этим шприцам, пузырькам и прочей аптеке со снисходительностью и привычкой все повидавших людей, готовых вынести — что там один! — сколько угодно укулов любой сложности и боли, и одновременно от страха округляли глаза и съеживали спины...

...Петр спускался с ледокола, а Колька уже кричал ему:

— К нам! Этот наш! Становись на край! — и Петр уже скидывал куртку.

Оранжевый мяч носился по снегу, взлетал, устремлялся далеко к торосам, отправленный чьим-то особо выдающимся ударом, а вообще игра шла веселая, много было падений, смеха, азарта, и снова Петр увидел Сергея, их командира, в каком-то новом качестве — он вдруг еще раз убедился, что Сергей, строгий, немногословный, даже не очень подвижный, казавшийся старше своих сорока лет, еще очень молод, как молод и Колька, забывший обо всем на свете, отдавшись игре, до конца, самый главный, вездесущий на поле, покрикивающий на всех, да и сам Петр — сколько ему? — 35? 16? — молодо было на этом поле, затерянном в океане, в яркий весенний день, такой солнечный и голубой, какие не так уж часто бывают здесь.

Нужно было сквитать счет (они проигрывали), и Коля звал команду вперед, но времени было мало.

Колокол с ледокола ударил раз, другой — звали к обеду, игра кончалась, — и Коля, в явном огорчении, еще с кем-то спорил, что-то доказывал, его добродушно утешал Сергей.

Коля изо всех сил ударил мяч в сторону ледокола, за мячом бросилась лайка, а они шли все вместе, обе команды, смешавшись, к ледоколу, взмокшие, разгоряченные игрой, в снегу...

Из тумана, мглы, хлопьев мокрого снега, летящих навстречу, льдина с людьми возникла неожиданно, исчезла тут же, снова внизу пошла темная вода в тумане, битый лед.

Командир с трудом удерживал машину. Льдина с людьми исчезла.

— ...Прием. Пытаемся снять людей... Почти безнадега... Ветер... прием...

Петр и Коля стояли в дверях, обвязанные веревками.

Вертолет раскачивался. Снег летел в раскрытую дверь. Внизу прыгала и перемещалась вода.

— Снимем? — крикнул Петр сквозь рев двигателей и ветра.

— Черт! Шапка улетела! — Коля стоял без шапки. Вертолет завис над льдиной.

Коля швырнул лестницу, ее закрутило.

Вертолет вдруг резко пошел вниз.

Петр свалился, привстал, его швырнуло к скамье, он удержался, сел на пол.

Коля сидел у противоположного борта, рядом с открытой дверью и, судя по бешеному лицу, отчаянно матерился.

— Ну как? — крикнул он.

— Снять невозможно, — командир продолжал говорить по радио, — сбрасываем аварийные мешки!

Вертолет стремительно надвигался на льдину.

— Отсчет три! — кричал Колька Петру. — Бросай сразу!

Мешки один за другим исчезли в проеме дверей, понеслись вниз.

Они тяжело упали в волны метрах в пятнадцати от льдины, от рыбаков, и у них на глазах пропали.

На льдине от ветра с трудом можно было стоять.

Вертолет исчез в тумане.

В вертолете все видели.

И как мешки утонули — тоже видели.

Вертолет несся над водой. Выхода не было, но выход все-таки был. Чертыхаясь, Колька стянул меховую куртку, унты.

Петр сначала не понял его, а потом и сам стал раздеваться.

Оставшись в легком спортивном костюме, Коля пошел сменить командира, пока тот разденется.

Тюк из трех комплектов обмундирования получился солидный. Туда же были положены все имев-

шиеся на борту аварийные и неаварийные продукты, банки с консервами, лекарствами, фляжки со спиртом — только одну Коля оставил.

Вертолет раскачивало гораздо сильнее, чем при первых заходах.

— Приготовились! — Коля и Петр замерли в дверях с тюком. На Петре были легкие штаны, такая же рубашка.

— Следующая очередь — наша! — крикнул Петр. — Промажем — командир выкинет!

— Пошел! — скомандовал Колька, и они с силой швырнули тюк навстречу бегущим людям — вертолет шел теперь совсем рискованно, на малой высоте, и его в любой момент могло бросить на лед.

— Есть! — успел крикнуть Колька и полетел на Петра — вертолет рвануло, Петр и Коля оказались в хвосте, прижатые плотно к борту. Колька встал на четвереньки, вытер разбитые губы, что-то хотел сказать, но не успел — его отбросило в угол.

Сели уже в полной темноте, включив посадочные фары.

Выскочили в своей легкой летней одежде, в шерстяных носках на снег.

Ветер — страшный. Вокруг — сплошная темнота и снег, летящий в свете фар.

Крепили тросами вертолет.

Руки не слушались.

Трос обжигал холодом. Сдирал кожу с ладоней. Вырывался.

С трудом вбивали в землю стальные крюки, вязали тросы.

Вертолет, казалось, не выдержит напора ветра, сорвется, пропадет в темноте ночи.

Уже вбитый крюк взлетел, трос хлестанул в пустоту, рядом с Петром. Укрепили.

На трех тросах, натянутых, как струны, вертолет замер.

Они прижались к борту, где меньше заносило снегом.

Колька пустил фляжку со спиртом. Отпивали по глотку. Дышали тяжело.

Свет фар полоснул из темноты. От машины к вертолету шли люди.

И вот уже они в кузове машины, закрытые тулупами, в шапках разного размера — иная тонула на голове, иная парила, едва прикрывая уши.

Прижались спинами к кабине, прижались друг к другу.

Усталость сделала свое — едва отъехав, они задремали, отогреваясь.

Не было все это ни сном, ни дремотой — скорее забвение, пропасть какая-то, тепло.

Так бывает в раннем детстве.

Позже Петр вспоминал из всего этого тяжелого, бесконечного дня не то, как они бросали мешки, и не то, как они тянули, замерзая, из последних сил, к берегу, а эту зимнюю дорогу, кузов, где мотает во все стороны, как ни прижимайся, тепло овчины у щеки, лица товарищей рядом, красные, иссеченные снегом, глоток спирта из фляги, и еще ночь, тяжесть головы спящего командира на плече.

Машина остановилась у дома Саши.

— Магазины-то закрыты, — вдруг вспомнил он и вздохнул.

Водитель обернулся, посмотрел на Сашу, молча наклонился и вытянул из-под сиденья бутылку.

— Спасибо! — не удивился Саша. Он был теперь уже твердо убежден, что все в этот день происходит именно так, как должно происходить, и не иначе.

...Они вошли — свет в квартире горел.

Говорить не хотелось.

День позади вдруг встал перед ними — бесконечный. Но вот, кажется, и ему подходит конец.

Катя подтолкнула Сашу в ванную. Он не сопротивлялся. Снял тяжело мокрый пиджак.

В ванной светло, теплый белый кафель.

В зеркало смотрели два лица — Кати и его, оба уставшие, чем-то похожие.

Саша открыл кран. Ката вышла.

Саша посмотрел еще раз на себя в зеркало, стянул галстук с мокрой рубашки...

...Чужой дом. Чужая кухня, плита — вот раскрылась дверца холодильника — хлоп — и назад.

Катя поискала спички. У нее дома они обычно лежали здесь. Здесь же их не было.

Она открыла шкаф. Ножи, вилки.

Интересно — все чисто.

Кто же ему все моет? Чистые тарелки, чашки.

Катя поискала глазами фартук. Заметила полотенце, тоже чистое, в полоску. Подвязалась.

Саша появился в дверях кухни босой, в летних старых штанах, в белой рубашке.

— Иди, посиди, — он отобрал у нее сковородку. — Я сам все сделаю. Музыка послушай.

Он провел ее в комнату, усадил в кресло. В комнате было темно. Саша взял в руки небольшой пульт на длинном шнуре. Подряд нажал несколько кнопок. Как по команде вспыхнула лампа на столе, включился телевизор, заиграла музыка.

— Ого! — удивилась Катя — Цирк продолжается?

— А звук — здесь, — Саша протянул пульт. — Сиди, я сейчас, — и вышел.

Катя взяла телефон на колени и набрала номер — Петра нет.

Музыка была негромкая, успокаивающая.

Что это они играют? А какая разница. Играйте как можно дольше — и вы, трубы, и вы, флейты, и вы, совершенно незнакомый инструмент, напоминающий по звуку шум падающей воды...

На кухне что-то с грохотом свалилось.

Катя пошла посмотреть. Выпала из шкафа кастрюля.

— Иди-ка ты посиди, — Катя выпроводили его из кухни. — Отдохни после триумфа.

Саша сел в то же кресло, откинулся, глядя в телевизор. Вырубил звук. На экране в полной тишине разговаривали люди, спорили, судя по жестам.

Саша позвал:

— Катя...

— Что? — из кухни.

— Слышишь... Недавно одна моя знакомая девушка, очень славная, просто замечательная, — в каком-то, очевидно, припадке откровенности сказала, что самое мое большое несчастье, что я — не кривой чемодан...

— Какая девушка? — спросила Катя, опустив про чемодан. — Я ее не знаю?

— Ты не знаешь, но не это важно. Она мне говорит — если ты не переменишься — в сторону кривых чемоданов, тебе — крышка. И так спокойно сказала, не угрожая — как, наверно, специалисты по катастрофам говорят о землетрясениях.

— Какие чемоданы? — спросила Катя из кухни.

— Между кривыми чемоданами и землетрясениями — прямая связь, с появлением кривых чемоданов исчезают все землетрясения — и личные, и общественные. И, главное, она рассказывала, они — вот такие ребята, среди них почти нет зануд. Был один — отправили его обратно. Куда — никто не знает, наука еще не дошла, а спрашивать — неловко. В общем, она мне говорит, что хотя сейчас, конечно, трудно судить как-нибудь определенно о людях Возрождения, но кривые чемоданы, несомненно, отвечают сведениям об этих гигантах.

— И внешне они тоже?

— Я спрашивал, конечно. Все-таки — чемоданы, да еще кривые. Но это же — условно, как всякое наименование. Что такое Каспийское море? Отчего оно — Каспийское? С какой стати? А внешний облик для кривых чемоданов несуществен — он может

быть любим. Да и скорость их передвижения настолько велика, что рассмотреть в подробностях решительно ничего невозможно. Доброта и наивность кривых чемоданов не знает границ — недавно, она мне смеясь рассказывала, они сдвинули Австралию с Новой Зеландией.

Им, по простодушию, показалось, что Новой Зеландии, этому одинокому острову, лучше присоединиться к материку — тем более в Австралии климат значительно мягче. Пришлось потом Зеландию отодвигать обратно.

А благородство кривых чемоданов?

Готовность прийти на помощь, спасти, выручить?..

Смешно, она рассказывала — шел обычный экспериментальный облет кривыми чемоданами района Южного полюса — они тогда носились с идеей переменить Южный полюс на Северный простым поворотом Земли, еле отговорили, — и вдруг исчезают четыре кривых чемодана. Вернулись вскоре какие-то грустные, отмалчиваются. Оказывается, они в Мурманске в темноте полярной ночи сняли с крюка, вбитого в скалу, ночного сторожа — вернули детям отца семейства! А сколько они с мостов сняли? С небоскребов? С пресловутой Эйфелевой башни? Не счесть. Их задача — они прямо говорят — улучшить условия человеческого существования. Они с ужасом отмечали, что во многих районах Земли люди еще не обеспечены самым необходимым — крышей над головой, сносным, регулярным питанием. Что еще воюют. А преступность?..

Саша умолк и неожиданно горько усмехнулся.

— Ну, а самый последний случай меня окончательно доконал. Представляешь, Катя, летели они на Луну — звеном — ну обычное дело. Луна как Луна — чего уж там — собакам выть. И моя знакомая девушка — с ними. Там один чемодан, она мне и раньше рассказывала, давно к ней пристраивался, а я тогда — никакого внимания. Ну, чемодан, подума-

ешь... И у этого чемодана вдруг верхняя крышка открывается, и, конечно, чего ты думаешь? — выпадают деревенские валенки — он для нее захватил, чтоб не мерзла на обратной стороне Луны. Ты, она мне говорит, способен на такую память и заботу — захватить для любимой девушки валенки на Луну? А у самой такой блеск в глазах. Конечно, я говорю, куда уж мне — а сам все понял — увели девушку, но жду, пока сама скажет — держу себя в руках, напряжения не выдаю, а она мне снова: как жалко, что ты не кривой чемодан, какая, в сущности, несправедливость, что ты не можешь стать кривым чемоданом. Тут, конечно, я не выдержал. Ну хорошо: кривым я, к сожалению, не могу, но если ты хочешь, я могу стать любим: круглым, косым, в виде шара или трапеции и даже параллелепипеда, только кончай всю эту волюнку и выходи за меня замуж. Я, конечно, не такой гений, как твой кривой чемодан, и Австралию к Зеландии каждый день присоединять не смогу, но я тебя люблю и буду любить — и все прочее, и все такое... Говорю час, а сам вижу — ничего не слышит. Как будто ее тут и нет. Так вроде бы и присутствует, а на самом деле — пустота. А потом заволновалась. Ты чего? — спрашиваю. Видишь ли... — издали начинает, и тут же, сразу — мне нужно идти. Он мне сказал, что подлетает сейчас к Смоленской. Оказывается, пока я тут перед ней рассыпался, она его слушала. И вообще, она говорит, очень тороплюсь, я выхожу замуж, но надеюсь, мы останемся добрыми друзьями. Конечно, говорю, еще бы. Заходите как-нибудь в гости. Непременно — говорит в дверях — заскочим. Я вас познакомлю... и в конце — доконала все-таки: жалко, что ты — не кривой чемодан...

...Саша умолк, смотрел на экран телевизора. Потом прошел в кухню. Катя стояла у плиты.

— Ну что? — Саша сказал бодро. — Что-то есть захотелось. Как там?

Катя повернулась к нему. Лицо у нее было заплаканное, грустное.

Он стоял перед ней какой-то нелепый, с еще непросохшей головой, в коротковатых домашних брюках, рукава рубашки подобраны неодинаково, глаза внимательные — испуганные вдруг.

— Ты чего? Катя, ты что?

Он обнял ее, она прижалась, стихла.

Бывает, что целый мир сосредоточен на очень простом, понятно осязаемом.

...Вот эта женщин, ее глаза, руки, поворот головы — и больше ничего нет на свете, ничего больше не надо.

Все отступает в сторону, становится несущественным — только вот эти волосы, лицо, и, кажется, исчезнут они — и все исчезнет.

...Между ними ничего не произошло, но в это же время произошло очень многое, то, что логически трудно объяснить, — это ощущение внезапной близости, необходимости друг в друге.

Но, как это бывает с людьми после большого открытия, они вдруг сразу почувствовали себя неловко.

Они как бы со стороны отчетливо увидели себя, осознали, кто он, а кто она, и почему они здесь, в этой комнате.

...И в то же время и Саша, и Катя вдруг испугались, что чувство близости и благодарности, так неожиданно возникшее между ними, исчезнет, стоит им только шелохнуться. Сказать не то слово, выдать себя жестом, взглядом.

...И все же Катя первая тихо отстранилась от него, вышла из кухни.

Саша остался один. Все те же белые стены при ярком свете, чайник на плите, полотенце. Все привычно, все на своих местах. И тем не менее с появлением Кати кухня неуловимо изменилась. Он не пони-

мал, что именно. Но вот эта чашка с красным блюдцем, салфетка на подоконнике, о существовании которой он забыл, яблоки в тарелке, вымытые.

Саша еще раз увидела в зеркале свое лицо.

Оно улыбалось, недоумевая.

Саша выключил газ и вернулся в комнату.

Она была пуста. Катя исчезла.

Саша бросился в переднюю, снова в кухню, в ванную — никого.

За его спиной послышался смех.

Катя стояла в дверях балкона.

— Готов чай? — спросила она.

— Что? — переспросил Саша. — Я сейчас.

...О чем они тогда говорили? Потом уже они не могли вспомнить. Обо всем сразу, и ни о чем, как часто говорят русские люди бестолково, весело, путая слова, открыто.

Они сидели рядом, говорили без конца, смеялись, замолкали одновременно и снова начинали говорить — свободные друг перед другом, не отягощенные ничем, — это случается редко, когда людям спокойно, радостно и легко от общения, когда слова уже кажутся не главными, когда можно прерываться, не объяснять — все понятно и без того...

...И в конце концов из всего множества ночных разговоров в памяти остаются именно такие.

...Когда Саша вышел с посудой и вернулся, Катя спала, пристроившись в углу тахты, поджав ноги, как на вокзальной скамейке.

Саша тихо подсел к ней спиной.

С самого начала их разговора, немного, по существу (грохот ночного мотоцикла, трамвай, пенье случайного прохожего — не в счет), стали слышны два голоса, один из них принадлежит Петру, второй го-

лос — женский, старушечий, спокойный, снисходительный и даже властный.

Петр: Где болит?

Старушка: И везде болит. Лучше спроси, где не болит...

Петр: Рукой покажите.

Старушка: Тут.

Петр: Не дышите.

(Женщина замолкла надолго.)

Петр: Хватит, бабушка, задохнешься.

Старушка: Можно уже?

Петр: Так. А здесь болит?

Старушка: ...Раньше, когда я травку пила с заговором — не болело...

Петр: Что за травка?

Старушка: ...У меня много травок есть, мать моя покойница собирала, бабка. Всякие: от живота, милый, травка самая простая, чернолистная, тоненькая, а цветет она будто голубец...

Петр: Повернитесь спиной.

Старушка (голос ее звучит ровно, с доверием к собеседнику): ...И еще травка есть, хвалиха... Заговорить — ото всего помогает: от зуба, от злого глаза, запоя, тоски — роста в ней лоток, четыре листа, багряной, черный, зеленый, синий, а на стороне по десять листочков... Вода — водица, река-царица...

Петр: Теперь лицом.

Старушка: ...Зоря-зарница, снимите тоску-кручину и унесите за синее море, в морскую пучину, где люди не ходят, на конях не ездят. Как в морской пучине сер камень не встает, так бы у тебя тоска к сердцу не приступала, не приваливалась бы, отшатывалась бы, отваливалась бы, и в новомесяце, в полном, в перекрое, новцовом и верховом, в новорожденном и схожей пятницы... Ты не отец, ты земля мать, ты корень свет, благослови себя взять на доброе дело, на добро...

В темноте движется экран рентгеновского аппарата.

В его свечении, лунном, видны внутренние органы человека, голос был слышен — неясное очертание позвонка, всплески сердца, мерное покачивание легких.

Экран движется плавно, руки рентгенолога в резиновых перчатках ведут его.

Петр стоит рядом, наблюдая больную.

Рентгенолог: Вот тебе чашка, бабушка, пей понемногу.

Старушка: Я и сразу могу. А вот сноха моя...

Петр: Вы пейте, пейте.

Старушка: ...Сноха моя собирает еще кору от дуба, а вот ее дуб молонья свалила, она кору, небесную, разводит на спирте, у вас, может быть, и в больнице спирт крадет...

Врачи следили за движением бария на экране.

— Видишь? Вот она. — Рентгенолог указал на светящуюся точку.

Петр кивнул.

— Одевайся, бабушка.

— Сынок, помоги мне, устала...

Петр осторожно вывел маленькую, ссохшуюся женщину — она, согнувшись, направилась к скамейке с одеждой.

Петр помог ей одеться.

В кабинете полутьма, красный свет.

Вспыхнул свет.

Лицо этой женщины совсем старое, выцветшие глаза слезятся от яркого света, смотрят с ожиданием, надеждой.

— Ну, чего? — спрашивает она.

— Положим вас, бабушка, на операцию, — говорит Петр. Вид у него усталый, как и у рентгенолога, — это не первая больная за сегодняшний день.

Старушка покорно кивает головой и молча смотрит на Петра. Может, он еще чего-нибудь скажет?

— Что у тебя еще? — спрашивает рентгенолог Петра.

— Да вот товарищ ложку проглотил. — Петр опускается на стул.

У двери, на скамье, в окружении двух женщин, видимо, матери и жены, насмерть перепуганных, сидит такой же испуганный человек.

— А вы что здесь? — обратился Петр к девушке, сидевшей рядом с ними, худенькой, в белом платке, повязанном до бровей, с испуганными темными глазами.

— Я жду. — Она плотней запахнула больничный халат и вся как-то подобралась, глядя на Петра.

В дверь просунулась медицинская сестра.

— Петр Алексеевич, вас спрашивают.

— Кто? — спросил Петр.

— Как будто вы сами не знаете, — сестра кивнула на окно.

Петр отодвинул штору.

На больничном дворе стоял Колька, второй пилот.

Увидев Петра, он обрадовался, помахал нетерпеливо рукой, улыбаясь при этом во весь рот — золото коронок сверкнуло на солнце.

— Я сейчас! — крикнул в открытую форточку Петр, явно обрадованный появлением Коли.

Он повернулся и умоляюще посмотрел на рентгенолога.

— Ладно, валяй, — смилостивился он. — Этого, с ложкой, сам гляну. Пришлю снимок.

— Спасибо, — сказал Петр.

И снова столкнулся с девушкой в белом платочке.

Она стояла в дверях, не зная, то ли ей идти, а может быть, остаться.

— Да... — Петр как будто вспомнил. — Снимки ее готовы?

— Завтра посмотришь, — ответил рентгенолог.

Девушка не уходила.

— Ладно, давай сейчас. — И девушке: — А вы идите, идите.

Девушка, покорно кивнув, вышла.

В темноте лаборатории они рассматривали еще влажные, сохнувшие рентгеновские снимки.

Врач-рентгенолог вынимал их из ванночки (по ним еще стекала вода) и плотно приставлял к белому экрану.

На трех снимках черепа, в фас и два профиля, были видны очертания пораженного мозга.

— Безнадега, — сказал рентгенолог. — По-моему, это уже деструкция костной ткани.

Петр молча рассматривал снимки.

— Если бы только по-твоему... Черт, я как чувствовал, — выругался он.

— Что будешь делать? — спросил рентгенолог.

— Что я буду делать... этого даже у Бурденко не делают... — ответил Петр.

— И не пытались?

— Пытались... и, наверно, пытаются, — ответил Петр. Он снимал на ходу халат, надевал пиджак.

— Могу продемонстрировать, — он достал из бумажника уже знакомую нам фотографию собаки, — аналогичный вариант. Порядковый номер 38. Между прочим, еще живет. Вернее, жил. Сейчас не знаю.

Со двора уже неся нетерпеливый свист Кольки.

Петр сунул фотографию в карман.

— Ну, привет, — сказал он.

Он почти бегом преодолел коридор, выскочил на освещенный солнцем двор.

Бродили больные, сидели на скамейках, играли в домино, общались с родственниками.

Он провожал Кольку к машине. Шли через двор.

— ...Там тебе один нанаец малицу прислал, — на ходу говорил Колька.

— Какой нанаец? — с веселым удивлением спросил Петр.

— Ну помнишь, летали. С отмороженными ногами.

— А-а, надо же!

Коля явно торопился:

— Значит, указания на ближайшую жизнь такие:

в четверг берем два отгула плюс воскресенье и на зорьке в четыре ноль-ноль отбываем. Место сбора — общага. Ты, соответственно, все по своей линии утряси и не вздумай слинять. Кого надо, досрочно зарежь, зашей, трубку вставь, верни к сознательному труду, а мы твой подвиг отметим.

— Будет сделано, — ответил Петр.

— Ружье у тебя в порядке? Или как в прошлый раз? Да, насчет спирта не забудь.

— С этого надо было начинать!

— Э нет. Этим мы кончим! — Колька ударил Петра в плечо. — Понял?

Петр проводил Колю до ворот. Там его ждал газик.

— Да! — вдруг вспомнил Колька. — У меня в тумбочке, если уже не сперли, лежит малосольная. Не упускай случай! Привет! — Газик рванул с места.

Петр возвращался в больницу.

День был весенний, таял снег, обнажалась теплая сухая земля. Ходячие больные в ватниках поверх халатов, в зимних шапках разгуливали по двору.

Петр увидел ту девушку, в белом платочке.

Она стояла у стены, подставив лицо теплу, солнцу.

Ватник был ей велик, она тонула в нем. На ногах валенки — тоже с чужой ноги, огромные, с галошами.

Петр лишь мельком посмотрел на нее, а она очень смутилась, опустила голову — как бы доктор не подумал, что она специально выжидает его.

Нет, она не выжидала. Просто на солнце сейчас хорошо стоять.

Погода хорошая, вот и все.

И все же она, чего-то испугавшись, может быть, этих мыслей о специальном выжидании, в которых вдруг ее заподозрят, тотчас зашагала по лужам в больницу, переставляя неловко свои большие валенки.

Деревянная, подсыхающая на солнце веранда перед аэродромным буфетом была забита молодыми ребятами, девушками. Это были сезонники, у которых кончился срок договора и они улетали по домам.

Выцветшие, выгоревшие куртки, свитера, ватники, сапоги.

Оживление, свойственное отъезду, концу работы. Смех по любому поводу.

Чувство, что весь мир сейчас принадлежит им.

Собственно, он им и принадлежал сегодня — яркий, может быть, первый по-настоящему весенний день.

Петр встал в длинную очередь за пивом.

Очередь веселая, шумная.

Пива брали сразу помногу: видно, что соскучились по нему на своих отдаленных стройках, приисках, островах.

Двигалась очередь медленно. Петр терпеливо двигался вместе с ней, взял бутылку пива, огляделся.

На веранде в углу стояла кем-то притащенная садовая скамейка. Стульев на веранде еще не было.

Петр пододвинул к скамейке свободный столик, поставил бутылку, сел, достал из кармана рыбу, завернутую в газету, аккуратно развернул, налил в стакан пива, посмотрел, как светится на солнце стакан, снял кепку, с удовольствием выпил и начал не торопясь, вдумчиво разделявать рыбу — рыба была отличная, не зря Колька хвастал.

Петр никуда не спешил, читал тот отрывок газеты, в которую была завернута рыба, пил медленно, не обращая никакого внимания на шум вокруг, песни, разговоры. Кто-то даже танцевал.

Казалось, он сидит тут совсем один.

Случайно он поднял голову, оторвавшись от сосредоточенного занятия рыбой и чтением газеты по-запрошлого месяца, и увидел девушку.

Она шла к буфету сдавать пустые бутылки.

Лицо ее показалось Петру знакомым.

Красивая девушка. Красная куртка перетянута поясом. Сапоги. Волосы светлые, коротко подстриженные.

Где же он видел ее?

Петру вдруг мучительно захотелось вспомнить, кто она, откуда, почему он ее знает — в том, что он точно знает ее, он был совершенно уверен, и оттого желание вспомнить возросло вдвойне.

Вот она встала в очередь.

Господи, до чего знакомое лицо. Ну кто же? Соображай.

Петр не выдержал, подошел к очереди, встал рядом с девушкой.

Вид у него был откровенно разглядывающий.

Девушка, ничуть не смутившись, встретила его напряженно вспоминающий взгляд и довольно резко спросила:

— Что вы на меня уставились?

— Прости, — сказал Петр. — Где я тебя видел? Точно видел, ручаюсь.

Девушка ничего не ответила, сдала бутылки и пошла к своей компании.

— погоди, — остановил ее Петр.

— Ну что вам? — раздраженно спросила девушка. — Что?

— Вспомнил! — вдруг страшно обрадовался Петр.

Он почувствовал какое-то странное облегчение, сам не зная отчего.

— Ну конечно? А я, как идиот, полчаса смотрел! А где же Ленька? — уже весело, по-свойски спрашивал он, настроение его переменялось, ему стало вдруг легко, свободно. — Ленька где? — повторил он, но девушка уже уходила с веранды.

— Надь, Надь, куда? — звали ее ребята.

Она даже не обернулась.

Петр догнал ее. Они пошли рядом. Девушка молчала.

Петр не мог сдержать улыбки — он просто не понимал, что с ним происходит.

— А чего вы улыбаетесь? — резко спросила девушка.

— А что, собственно, я рыдать должен, раз ты жива и здорова?

— Может, мне неприятно вас видеть. — Девушка шла по мосткам впереди Петра.

— Узнала все-таки?

— А как же, сразу, — ответила девушка в том же тоне.

— Ну, хоть на том спасибо.

Еще прошли молча. Девушка обернулась.

— Да хватит вам улыбаться, — сказала она.

— Просто рад тебя видеть. А где же все-таки Ленька?

— Нет Леньки. И все, — жестко сказала девушка.

— Как нет? — не понял Петр. — Ты что?

— Да я не в том смысле, — усмехнулась она. — Разве не бывает, живет человек, даже рядом, а его все равно что нет.

— Бывает, — согласился Петр. — А Ленька тебя, по-моему, любил.

— Это его дело. Мне на него смешно смотреть теперь, да и... — она махнула рукой, — все к лучшему.

Снова шли молча.

— Неизвестно, как бы я дальше жила, если бы не все это... — она помолчала, усмехнулась: — И глупость, я понимаю, а с другой стороны, как сказать...

Она подошла к низкому забору, села на перекладину.

Петр прислонился рядом.

— А как вас зовут? — вдруг спросила девушка уже спокойней.

— Петр. А что?

— Ну, буду теперь знать, за кого свечку ставить. Вы все-таки мой спаситель. Бабка моя вас в святцы впишет. — Девушка улыбнулась.

Улыбка у нее была открытая, добрая, что не вязалось с тем, как она только что разговаривала.

Долгим, веселым взглядом она посмотрела на Петра — так смотрят люди, знающие друг про друга что-то такое, чего другим знать не дано и не нужно, и это как-то сразу сблизило их, и Петра снова охватила непонятная радость — радость только от одного присутствия этой девушки здесь.

— А как тебя зовут? — спросил Петр.

— Надя. А вам-то зачем?

— Представь, я тоже должен знать, за кого свечку ставить. — Он помолчал. — Неизвестно, кто кого тогда спасал... считаю, что ты меня спасала.

— Я?.. — искренне удивилась девушка.

— А что? Вполне наглядный был пример. Скажем, недостойный подражания, но очень убедительный. Особенно насчет козы.

— Какой козы? — засмеялась девушка.

— Неужели не помнишь? Ну, та, что к тебе подошла.

— А-а, — как-то очень спокойно вспомнила девушка.

— Вот эта коза меня окончательно доконала, — сказал Петр. — Теперь чуть что: коза перед глазами, и — сразу легче...

— Вот козе и ставьте свечку, — оборвала его девушка и снова замкнулась.

— Могу и козе... — усмехнулся Петр. — Правда, богохульство, ну да ладно...

— Надя! Надя! — снова звали ее. — Пошли!

— Ну, мне пора. — Девушка стояла перед Петром.

Глаза чужие, далекие. Вот сейчас повернется и уйдет.

— Счастливо, — сказала девушка.

Повернулась и пошла.

Красная куртка с откинутым капюшоном.

Вот и все. Нет, не все. А что же еще, для чего? Но главное, чтобы она не уходила. Вот так, сейчас, легким шагом по мосткам.

Он догнал ее. Она взглянула на него — без малейшего удивления, как будто ждала, что он догонит.

— Подожди, — сказал Петр.

— Что? — спокойно спросила она.

— Мне тоже в ту сторону.

Пошли рядом.

— Ты куда летишь?

— Домой, в Плес, через Москву.

Помолчали.

— Слушай, у меня есть идея, — вдруг сказал Петр и решительно развернул ее в обратную сторону.

— Какая?

— Внезапная, — возбужденно говорил Петр. — Но, знаешь, я доверяю внезапным идеям.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Не уезжай никуда, — как вырвалось у него.

— И это вся идея? — девушка засмеялась, но смех был невеселым. — Не-ет. — Она покачала головой. — Договор окончился, дома ждут не дождутся... — Усмехнулась: — А вам-то я на что?

— Ну что ты будешь делать дома? — голос Петра звучал все так же возбужденно, казалось, нет сейчас для него в мире серьезней вещи, чем убедить эту девушку в необходимости остаться, хотя он и сам не знал в точности, для чего, зачем он это делает. — Кончишь курсы медсестер, будешь с нами летать, ребята у нас прекрасные, места здесь такие — в мире не бывает...

— Знаю я эти места, — перебила девушка. — Как это вы все за меня хорошо придумали...

— А что? — продолжал Петр как ни в чем не бывало. — Потом, глядишь, выйдешь за меня замуж, я

человек сговорчивый, получку только в дом, пить — только по субботам, друзья — только не собутыльники, а сплошь начитанные люди, и главное — все вместе: вставать, ложиться, не расставаться по возможности, я какие-нибудь там гланды вырезал и — домой. Ну а что посложнее, непонятней — в Москву, в Ленинград, хоть в Ташкент, там клиника, там разберутся! ...А себе оставим аппендицит, грыжу. Заноза тебе попадет — тоже могу достать. Все могу. — Петр говорил все ожесточенней, злее. — Золотые руки. При жизни можно и — даже нужно, в интересах истории медицины, слепок сделать и на стену повесить. Гостям показывать. Самому смотреть, по ночам!

Девушка молча шла, опустив голову.

— Надя! Надя! — безуспешно звали ее.

Они продолжали идти рядом. Надя взглянула на Петра — лицо его сразу осунулось, помрачнело.

— Зачем вы так... — Надя остановилась. — Зря вы за меня хватаетесь, как за соломинку... При чем тут я...

— За какую соломинку! — взорвался вдруг Петр. — Какая еще соломинка! Ты что, с ума сошла? Да я и вправду все могу! Так могут человек пять-шесть, не больше. Это не я говорю, это мне говорили, понимаешь? Соломинка! Я могу! Могу, но... это как сейф: пять цифр — и все открыто. И я знаю их, вернее, знал. Все. Порядок, какая за какой... Знал и забыл. А время-то тик-так! От могу — остается «мог бы», от умею — «умел», от хочу — «хотел бы». Стоишь, а вокруг, как эти елочки — одни «бы»...

Он ожесточенно поддал ногой смерзшийся ком снега, и тот не отлетел, а развалился жидкими брызгами.

— По-моему, вам самое время про козу вспомнить, — усмехнулась Надя.

— Какую еще козу! — Петр забыл уже.

— Вашу.

— Да иди ты со своей козой!

Девушка повернулась и пошла.

Красная куртка, капюшон болтается.

— погоди!

Девушка обернулась.

— Думаете, я обиделась? — спокойно спросила она, невесело улыбнулась. — Нет, понимаю.

— Что ты понимаешь?

Они разговаривали уже на расстоянии.

— Понимаю, что вам сейчас плохо, — просто сказала девушка и пошла.

— Да ничего ты не понимаешь! Мне отлично! Прекрасно! Превосходно, как никогда в жизни! — почти кричал Петр.

— И слава Богу, — обернувшись, сказала девушка. И больше она уже не оборачивалась.

Шла по мосткам все так же легко, и ее ждали.

Чудесно начинался этот день, все началось, как и было задумано.

Мчалась по горной дороге открытая грузовая машина, заносило ее на поворотах, с ходу влетала она в тоннель — тьма, свет впереди, потом вдруг туман или облако закрывало все, и снова они вылетали в ослепительный солнечный день начала весны, хотя здесь, в горных лесах, еще лежали глубокие, нетронутые снега.

Их, сидящих в кузове на расстеленном брезенте, качало, валило на ходу.

Собаки сидели смиренно, придерживаемые охотниками.

Петр был втиснут между Колькой и парнем в ярко-белом полушубке, и настроение дороги, предстоящей охоты, какого-то братства общего дела, азарт — все это неволью захватывало его, и чувствовал себя удивительно свободно и хорошо среди знакомых ему людей, и это чувство, уже не новое,

каждый раз охватывало его, когда видел рядом эти лица, слышал знакомые разговоры, обрывки слов, смех.

День был хотя и весенний, совсем уже голубой, но мороз еще держался.

По дороге подобрали еще двух охотников.

Те, передав собак через борт, неуклюже перелезали сами, падали на брезент.

И машина снова летела, потом ее занесло, и она застряла, и все стали с той же неуклюжестью добротнo, тепло одетых людей — полушубки, валенки — прыгать на снег, дружно толкать машину, подкладывать под колесо срубленную тут же толстую ветвь.

И вот уже машина медленно выбралась, и, подсаживая друг друга, охотники снова взбирались в кузов...

...Кто знает, что такое охота? Как меняются люди, охваченные единственным, но страстным желанием во что бы то ни стало добиться своего: найти зверя, загнать его, победить.

Петр видел вокруг себя разгоряченные преследованием лица людей.

Они тяжело бежали рядом с ним по глубокому снегу между деревьями, и он бежал вместе с ними, что-то кричал, и ему кричали: «Заходи», «Беги вправо!», «Да не сюда!», «Растянуться в цепь!», «Не отставать!» — и он старательно выполнял все эти команды.

Бежал вправо.

Останавливался.

Бил в колотушку.

Рядом Колька вертел трещотку, били палками просто по стволам деревьев — гнали зверя, которого никто еще не видел, и Петр не представлял, где он может быть, потому что не видел ничего, кроме бегущих между деревьями людей, кричащих что-то — и он тоже кричал и старался не отстать, хотя снег был глубокий, полушубок тяжелый, и они все поднимались по

склону, что было трудно вдвойне, но это никого не останавливало, напротив — азарт преследования заставлял забыть обо всем на свете, все желания и помыслы людей были сосредоточены сейчас на одном: загнать, загнать во что бы то ни стало, успеть, не опоздать, не пропустить сквозь цепь.

На какие-то считанные минуты, взобравшись на вершину, охотники позволили себе минутную передышку, вытирали шапками мокрые лица, пили из фляжек, говорили все вместе, не слушая друг друга, перебивая, кто-то упрекал товарища за нерасторопность, кто-то жадно ел снег, и Петр вместе с другими что-то тоже говорил, спорил, смеялся, торопливо докуривал сигарету.

И снова, по команде, бежал куда-то вперед и дальше, стараясь поддержать в себе то самое ощущение общего дела, общего приподнятого настроения, азарта, но это уже получалось у него автоматически, хотя он изо всех сил старался не выпасть из игры.

Но чем дальше он бежал, чем азартнее звучали голоса вокруг, чем, очевидно, ближе была развязка, хотя зверя, на которого они охотились, он не видел до сих пор, — тем все больше и больше им овладевало странное чувство неучастия и даже своей ненужности в происходящем вокруг.

Куда он бежит? Зачем? О чем кричат охотники? Что хотят от него лично? Что он должен тут делать?

Стволы деревьев мелькали перед ним, и еще он видел спины охотников, обгонявших его, слышал возбужденные хриплые голоса.

И он в последний раз попытался снова войти в общий ритм, забыв обо всем, убедить себя, что и сегодня — все это прекрасно — как уже бывало не раз, как всегда — охота, зимнее утро в лесу, да, все было на самом деле прекрасно, и охота, и зимний лес, и товарищи, и фляжка, передаваемая друг другу, и лай собак, и снежная пыль на лице.

Все это так.

Все существовало.

Но он уже точно знал, что все это — отдельно от него, само по себе, и что теперь все его попытки причастить себя к этой гармонии уже бесполезны.

Он отставал, постепенно переходя на шаг, потом совсем остановился, тяжело привалившись к стволу.

Снял шапку.

Слиплись мокрые волосы. Пот застилал глаза.

С трудом переводя дыхание, он смотрел прямо перед собой — там, впереди, с гиком, свистом, вздымая за собой снежные буруны, как солдаты Суворова в Альпах, съезжали в глубину оврага охотники, вот они исчезли ненадолго, чтобы снова появиться на дне лощины, продолжить подъем уже к другому холму, следующему.

Петр сначала услышал собачий лай, опустил глаза. И замер от неожиданности.

Прямо перед ним стояла собака, рыжая, белые пятна на лбу и на боках.

С ходу перевернулась, исчезла в глубоком снегу. Выскочила рывком.

Она носилась у ног Петра, не сводя с него преданных, чего-то ожидающих глаз.

Ей явно не стоялось на месте. Она отбегала в сторону, как бы призывая Петра следовать за ней, возвращалась, терлась у валенок.

Петр опустил руку, потрепал собаку — она, довольная хотя бы таким проявлением внимания, лизнула Петра в ладонь, подпрыгнула, пытаясь — не всерьез, а так, играя, схватить его за край рукава.

Петр поднял руку — собака прыгнула еще выше, не достала, завалилась в снег, вскочила, отряхнулась. Петр улыбнулся.

Казалось, они теперь одни в лесу.

Собака бежала чуть впереди Петра, он шел за ней, она возвращалась, если забегала вперед, задирала вверх голову, как будто ждала каких-то приказаний к действию, но Петр ничего не приказывал, не

играл особенно с ней — лишь изредка нагибался, трепал собаку за шею, держал в руках вытянутую, умную морду, что-то говорил ей — собака, естественно, ничего не поняла, кроме одного: этот человек только что устал стоял, прислонившись к дереву, и не обращал никакого внимания ни на нее, ни на что вокруг, а теперь он идет с ней рядом, ласково и сильно треплет ее рукой — собаке это нравилось, — рука у человека была — сразу видно — умелая, а говорил он громко, улыбаясь при этом чему-то, наверно, своему, но и собаке тоже перепало от его улыбки, ибо людей вокруг она не видела — было их в лесу двое, она и этот человек, обрадованный вдруг чем-то, веселый, напролом идущий сквозь кусты по глубокому снегу.

Катя проснулась среди ночи, как от толчка.

Она ничего не могла сообразить.

Ветер раскачивал занавеску.

На другом конце тахты, все так же сидя, дремал Саша.

Катя быстро встала, расстегнула молнию сбоку. Опять застегнула и начала собираться.

Туфли, туфли, где они? Вот одна, а вот другая. Плащ — вот и плащ. Белый плащ, родной, вот, нашелся, висит в комнате чужой, кто его повесил? Не помню, чтоб я вешала. Вот и готова. Все пуговицы на плаще застегнуты.

А он — спит.

Так спешно она собиралась. Куда? У окна стоя. Куда?

Три часа ночи.

Пустая улица внизу. Цветочный магазин — ЦВЕТЫ — и не выключают на ночь зеленые буквы.

Да, а он спит. Надо, конечно, уйти. Но куда? Внизу — ночь, пустая улица, тишина — вот так слушается.

Ни машин, ни последних (или первых) прохожих. Птицы где-то пели, где-то в липах, по дворам или на бульваре.

Катя присела за стол, положила голову на руки, поднялась, посмотрела на спящего Сашу и, осторожно, чтобы не разбудить его, легла рядом.

В плаще, без подушки. Примостилась так, чтобы занять как можно меньше места.

Саша среди ночи открыл глаза. Хотелось пить. Он увидел перед собой туфли, Катю, спящую.

Взял подушку и прилег рядом с Катей, обнял ее. В платье, в плаще. Лицо у нее было сердитое. Катя не проснулась.

Утром Саша проснулся первым. Катя спала все с тем же серьезным и сердитым выражением на лице.

Осторожно, стараясь не задеть, не разбудить ее, Саша встал.

Первым делом надо было отсоединить всю автоматику, которая через пять — десять минут должна была сработать, начиная от звонка будильника, музыки, грохота открываемой двери балкона, а надо, чтоб сегодня было тихо. Никакой автоматики. Пусть спит.

Саша оторвал от будильника два тонких провода.

Саша выскочил на улицу — в тапочках на босу ногу, в домашних штанах.

Утро, раннее, летнее.

Настроение у него — Бог весть отчего было прекрасное, и утро было очень хорошее — солнце, но еще прохладно.

Дворники поливают из шланга. Чисто, пустынно.

Он купил все газеты. Забежал в магазин. Вот сыр. Вот хлеб. Вот свежее молоко. Вот — где бы цветы достать?

Пробежался до угла. Там продавала женщина ре-

диску и укроп. Редиску он купил и укроп и еще спросил: цветов нету? Цветов не оказалось.

По дороге купил мороженое, батон и какие-то ягоды с лотка.

Сумку он не взял, конечно, и теперь шел медленно, стараясь ничего не уронить.

Приближаясь к дому, он видел окна — свои. Там — Катя.

Катя выходила из подъезда, на той стороне улицы — из тьмы огромного подъезда.

Сашу она не заметила.

Плащ застегнут на все пуговицы.

Она, конечно, была сейчас на этой улице, но в то же время ее здесь уже не было, она лишь присутствовала внешне, собранная совсем для другого.

Саша видел, как она быстро нашла телефон-автомат. Хлопнула дверью.

Звонила она недолго, но перемены в ней произошли очень неожиданные — вышла обрадованная, такси искала рассеянно, Сашу не видела по-прежнему — никого она сейчас не видела.

Очень красивая — да, очень.

Где она успела так загореть? Белый плащ перетянут поясом. Да, в полном порядке. Видимо, умылась, и все. Свежее лицо. Значит, Петр дома.

Вот и такси.

Она увидела Сашу, открывая дверцу такси, и тотчас ее захлопнула. Замерла рядом с машиной.

На той стороне улицы — Саша, с покупками.

Давно, наверное, стоит

Судя по всему, давно за ней наблюдает.

Тапочки, шнурки болтаются.

Длинный белый батон, молоко — уронит все.

А коротко ему не идет — надо волосы отпустить, — почему-то подумала она.

Саша помахал ей свободной рукой, удерживая с трудом свертки, молочные бутылки.

И она помахала. Что еще?

Вместе помахали.

Все слова — позади.

Машины мчались мимо них.

Саша махнул — уезжай.

Она развела руками — что делать? — надо.

Он тоже понимающе развел руками, улыбаясь — как вчера в цирке — примерно так — и это Кате не очень понравилось, что он так улыбается — как вчера.

Надо ехать, все — домой, домой, это главное, а все остальное — несущественно.

Теперь слова — через дорогу — к нему:

— Я дверь захлопнула! — тоже улыбаясь, кричит она. — У тебя ключи есть?

— Что?

— Ключи — как войдешь? Ты взял ключи?

— Все в порядке, — он ничего не слышал, что она там спрашивает, но заранее соглашался со всем.

— Я поехала, — сообщила она. — Звони, звони нам обязательно, ты слышишь?

Он ничего не слышал. Но очень хотел, чтобы она как можно скорее уехала.

А она не уезжала. И Саша не уходил. Они молча смотрели друг на друга — через улицу — уже не улыбаясь.

Потом резко хлопнула дверь такси — поехала, исчезла среди других машин.

Саша постоял еще некоторое время напротив булочной.

Он шел медленно, в толпе.

Город все более оживал, прибавилось прохожих — толпы лиц сшибали с ног. Праздничный, конечно, вопрос, но куда все они спешили? Отчего один был выглажен и причесан, а другой читал газету на

заборе. Отчего у женщины, идущей навстречу, платье розовое, а глаза невеселые. А куда спешит эта девочка — летит — вся жизнь вокруг остановилась и сосредоточилась на том, куда она бежит. И совсем старые люди, опрятные, в чистом, сами вышли на улицу, вышли, чтобы сесть у подъездов, на эти скамеечки, смотрят, смотрят — уходящими отсюда глазами на эту жизнь — она уже совсем чужая, — и все же — она есть — не иллюзия, не сон — вкус хлеба — теплый еще батон, утреннее солнце.

Саша дошел до той телефонной будки, из которой звонила Катя.

Будка была свободна.

Он с какой-то решимостью, словно боясь пропустить что-то или раздумать, поставил бутылки молока на тротуар, свободной рукой нашел мелочь и быстро набрал номер.

— Петр, — позвал он, и когда тот откликнулся, выдохнул, уже спокойней: — Это я...

— Привет, Саша. — Петр был обрадован и этим голосом, и звонком.

Он лежал на диване, одетый.

Сквозь шторы светило утро, но в комнате был полумрак, горела настольная лампа. По-видимому, она горела всю ночь.

Пепельница. Бутылка воды на полу у дивана.

— Хорошо бы встретиться, — услышал он голос Саши.

— Хорошо бы! Конечно, хорошо! — согласился Петр и сразу предложил: — Давай сегодня.

— Давай! — ответил ему Саша. — До вечера.

Петр опустил трубку, откинулся снова на подушку.

Лежа, он стал разглядывать комнату, имевшую вид еще необжитой, в которую недавно въехали после долгого отсутствия.

Множество коробок, чемоданы, ящики в загра-

ничных наклейках, сдвинутая мебель, люстра, прислоненная к стене, и другая, под потолком, обернутая марлей. Ковер рулоном. Какие-то свертки в шпагате. Пыль на всем.

Потом вдруг зазвонил будильник. Петр с недоумением посмотрел на него, вспоминая, зачем, по какой причине, для чего он заведен, и стрелки показывают ровно девять.

А будильник все звонил и в конце концов заставил Петра все вспомнить.

С этого мгновенья все его действия приобрели стремительность.

Отдернул шторы, быстро переменял рубашку, посмотрел на себя в зеркало в ванной — не брит — Бог с ним.

На ходу, на лестнице натягивал пиджак.

И в городе, на улице, его не покидал уже этот утренний ритм.

Шел скорым шагом в плотной московской толпе, пересекал улицы, ловил такси, нервничал в очередном автомобильном заторе, когда самые нетерпеливые водители начинают нажимать на гудки и им, в знак солидарности, вторит весь ряд борт в борт стоящих под раскаленным солнцем машин, троллейбусов, пока все скопом не двинутся вперед, стараясь не смять, не задеть каким-то чудом проникших сюда велосипедистов, их хрупкие аппараты с радужно сверкающими спицами колес...

Машина остановилась у речного вокзала.

«Ракета» покачивалась на воде.

Петр сразу же увидел Надю. Она в числе других пассажиров ждала отправления «Ракеты».

Беспечная, легкая. Исчезла красная куртка, сапоги.

Вещи красноречивы. Это платье на ней само говорило: меня только что купили, я нравлюсь, меня приятно носить. Красивое платье, и очень ей шло.

Петр почему-то не решился сразу подойти к ней,

хотя с той самой минуты, когда он увидел ее, все, что бы она ни делала, было крайне интересно ему.

А дел у нее, естественно, не было никаких.

Вот ест мороженое. Читает на заборе газету. Смотрит, как парень с причала ловит рыбу и что он поймал.

Просто ходит, сосредоточенная на чем-то своем.

Петр прошел на веранду открытого кафе, сел.

Надя, щурясь от солнца, разглядывает огромный рекламный щит — двухметровые буквы складываются в чью-то фамилию.

В кафе играл оркестр, небольшой — ребята в белых пиджаках. Играли хорошо, потому что было для кого играть. Кафе было переполнено. Даже танцевали.

С реки дул ветер, приподнимая скатерти.

Волосы танцующих женщин были в беспорядке.

Теплый летний ветер.

...Надя никуда не исчезла, хотя Петр все время ждал, что она обязательно куда-то пропадет, а она, не торопясь, бродила по причалу.

Тот же ветер. Вот она волосы поправила рукой. Светлые, разлетающиеся.

...Петр и Надя стояли в проходе между двумя салонами «Ракеты».

Скорость «Ракеты» была хорошая, уже набранная, здесь, в проходе, дул ветер, долетали брызги, но лучше места на всем корабле было трудно найти.

День ясный, ветер в лицо, проносящиеся мимо берега, березовый лес, подступающий к самой воде.

Тень от большого облака, плывущая через луг, открывала по мере своего продвижения стадо, освещенное солнцем, деревню на бугре, слепящее пространство реки.

Белая, золотая полоса воды.

Надя распахнула полу плаща, Петр укрылся от брызг.

— ...Как мы зимой, — говорила Надя, улыбаясь, — заберемся впятером под один тулуп... За ночь нагреешься — вставать неохота... И главная мечта — выспаться хоть раз, а по воскресеньям все как-то не получалось...

— Ничего, дома отоспишься, — сказал Петр.

— Дадут мне отоспаться! — засмеялась Надя. — Как же! На мне весь дом: отец пожилой уже, сестренка, брат... Мама у нас давно умерла. Как они там год без меня жили, не представляю... Отец сильно пил после смерти мамы...

Мимо неслась река, лодки у берега, мальчишки, прыгающие с мостков.

— ...Как будто никуда не уезжала, — с удивлением говорила Надя. — И ничего не было, вокзалов, самолетов, строительства, Ленки, вас, этого... — она взглянула на шрам у кисти, — ничего. А все было...

От ветра плащ отвернуло, Петр прихватил его конец, и Надя прижалась к нему ближе — невольно.

— ...Там мне все время не хватало дома... Это уже после поняла... Уезжала — не жалела. Все-таки новые места, столько людей... Все боялась, просижу, прожду и ничего не увижу в жизни, кроме наших улиц да этой речки... а выходит, без них тоже нельзя...

— Что у тебя? — Петр поправил полу плаща. — Ну и булавка! Человека заколоть можно.

— Там деньги, — сказала Надя.

— Понятно, — сказал Петр. — Приданое?

— Какое уж там приданое!.. Мне корову покупать надо, — сказала Надя.

— Что? — не понял Петр.

— Корову, — объяснила Надя.

— Корову — в городе?

— Какой у нас город, одно название. — Надя посмотрела на Петра.

Он хохотал.

— Ты что? — не понимая еще, спросила она. —
Что ты смеешься?

Петр не мог сразу ответить.

Все казалось так просто — купить корову.

Он смотрел на Надю, не зная, как ей объяснить, что ему не так уж и смешно все это, а скорее неловко от вмешательства в чужую жизнь, понятную ему, хотя и чужую.

В этой жизни были свои вопросы и свои ответы. Ответ Нади поразил его простотой, определенностью. Она говорила о самом насущном, необходимом.

Петр только и нашелся, что спросил первое, что пришло в голову:

— А сколько стоит корова?

— А тебе — зачем? — отчужденно спросила Надя.

— Так. — Петр чувствовал, что он говорит все не то. — Интересно.

Надя посмотрела на него — с обидой, замкнуто.

— Знаешь, — сказала она, — может быть, все это для тебя и смешно, но посадить бы тебе на шею троих детей без матери, узнал бы, зачем людям корова.

Она замолчала.

Молчал и Петр, понимая, что уже не успеет пробиться к ней.

Надя, отвернувшись, смотрела в окно.

Немного у них времени осталось быть вместе.

Берег приближался.

— Все правильно, — сказал он наконец. — Ты извини... Я не смеюсь. Ты права. Каждому нужна своя корова.

— Вы со мной не выходите, — сказала Надя, — а то наши мало ли что подумают. Расспросов не обещайся.

— Ладно, — сказал Петр.

— Может, увидимся еще. — Надя встала.

— Конечно, — сказал Петр. — Вот возьму и приеду...

Надя усмехнулась:

— Не приедете...

И посмотрела на Петра.

Глаза его давно уже не смеялись.

— Хотя, — сказала Надя, помедлив, — кто вас знает... Вон, видите? — показала она. — Вверх по улице, третий дом, зеленая крыша.

Петр из окна «Ракеты» видел приближающийся причал.

На причале, кроме пожилого человека в белом картузе, девочки в нарядном платье и парня, примерно ровесника Нади, тоже одетого празднично, в белую рубашку с отложным воротником поверх костюма, никого больше не было.

Все они напряженно всматривались в причаливающую «Ракету».

Еще издали, заметив Надю в проходе между салонами, замахали руками, пожилой человек вскинул картуз.

Они обнимались на причале, окружив все вместе Надю, бестолково суетясь вокруг нее, разбирали чемоданы, свертки, роняли их, смеясь, что-то говоря, и снова обнимались, разглядывая друг друга.

А после пошли по набережной, мимо лодок, пароходов, торопясь домой, ни на кого не обращая внимания, счастливые, занятые лишь тем, что они снова вместе, и Надя, уходя, не обернулась ни разу.

Она была дома, среди своих, а все остальное уже не существовало для нее.

А «Ракета», на которой остался Петр, разворачивалась.

Дым от двигателей стоял над водой.

Она замерла, как бы готовясь к прыжку, и плавно тронулась, оставляя за собой старинный город на горе, церковь, причал — только лодки качнулись от волны, еще немного, и сама она исчезла за поворотом реки.

* * *

*Я к вам травую прорасту,
Попробую к вам дотянуться,
Как почка тянется к листу
Вся в ожидании проснуться.*

*Однажды утром зацвети,
Пока ее никто не видит,
А уж на ней роса блестит
И сохнет, если солнце выйдет.*

*Оно восходит каждый раз
И согревает нашу землю,
И достигает ваших глаз,
А я ему уже не внемлю.*

*Не приоткроет мне оно
Опущенные тяжко веки,
И обо мне грустить смешно,
Как о реальном человеке.*

*А я — осенняя трава,
Летящие по ветру листья,
Но мысль об этом не нова,
Принадлежит к разряду истин.*

*Желанье вечное гнетет,
Травой хотя бы сохраниться —
Она весной прорастет
И к жизни присоединится.*

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ГЕННАДИЯ ШПАЛИКОВА

- 1937** 6 сентября — родился в г. Сегеже Карело-Финской АССР в семье Федора Григорьевича Шпаликова (1908 — 1945) и Людмилы Никифоровны (1918 — 1985).
- 1939** Семья переезжает (возвращается) в Москву.
«Младенчество свое помню плохо. До пяти лет — туман...»¹
- 1941** Осень — вместе с Военно-Инженерной академией им. Куйбышева (где служил отец) — эвакуация в Киргизию, в поселок Ала-Арча, что под Фрунзе.
- 1943** Возвращение в Москву.
«...В Москве поехали на старой машине домой. Стояла зима... В нашей квартире — разбой. Не украли ничего, но нагажено, перепачкано все и всюду...»
- 1945** 29 января — в Западной Польше погибает отец, инженер-подполковник Федор Григорьевич Шпаликов.
«...Скоро отец уехал на фронт. Позже он приезжал в отпуск, на неделю, кажется, а в феврале — погиб, вернее, пропал без вести. Мы с сестренкой² не ревели. По малолетству».
Сентябрь — идет в 1-й класс школы № 153 Ленинградского района г. Москвы.

¹ Г. Шпаликов. Из дневников.

² Елена Федоровна Григорьева.

- 1947** Военкоматом Ленинградского района направляется в Киевское Суворовское военное училище.
Начинает писать стихи и рассказы.
- 1955** 26 июня — в республиканской украинской газете «Сталинское племя» — первая публикация, напечатаны «Два стихотворения».
Июль — заканчивает Киевское Суворовское военное училище и направляется в Московское Краснознаменное военное училище им. Верховного Совета РСФСР.
1 ноября — в газете «Сталинское племя» опубликована подборка стихотворений под общим названием «Лирические стихи».
- 1956** С января по март — находится в Хлебниковском военном госпитале по случаю тяжелого ранения ноги в ходе батальонных учений.
«Я лежал где-то в Хлебниково, заросший, небритый, обыкновенный солдат со средним образованием, мало чем отличающийся от остальных».
7 марта — окружной медицинской комиссией признается негодным для дальнейшего пребывания в училище и отчисляется по состоянию здоровья.
Август — поступает на сценарный факультет ВГИКа (Всесоюзного государственного института кинематографии).
«...Меня приняли во ВГИК. Пройдя чудовищный конкурс, я попал в один из самых интересных институтов. Радости не было, легкости тоже. Ответственность за будущее и настоящее — это самое главное в мыслях и тогда и сейчас. Как-то все сложится впереди».
Знакомится с людьми, дружба с которыми пройдет через всю его жизнь; кому он посвятит многие стихотворения; кого он сделает просто героями своих стихов — режиссер Юлий Файт, сценарист Павел Финн, оператор Александр Княжинский...
- 1959** 29 марта — женится на Наталье Рязанцевой, студентке сценарного факультета ВГИКа.
- 1960** Сценарий «Причал» утверждается к постановке на

к/с «Мосфильм». Молодой режиссер В. Китайский, который должен ставить фильм, кончает с собой.

- 1961** Оканчивает учебу во ВГИКе.
- 1962** По сценарию Г. Шпаликова снимается фильм «Трамвай в другие города» (режиссер Ю. Файт). В. Туров снимает картину «Звезда на пряжке». — Осень — расстается с Н.Б. Рязанцевой. Зима — связывает свою судьбу с актрисой Инной Гуляя (1940 — 1990).
- 1963** 19 марта — рождение дочери Дарьи. М. Хуциевым снимается фильм «Застава Ильича». Первый вариант картины принят не был.
- 1964** Выход фильма «Я шагаю по Москве» (режиссер Г. Данелия).
- 1965** Выходит исправленный вариант картины М. Хуциева «Застава Ильича» под новым названием — «Мне двадцать лет». В эпизодической роли (единственный раз в своей жизни) снимается Андрей Тарковский. В. Туров ставит фильм «Я родом из детства».
- 1966** Первый и единственный фильм, снятый Г. Шпаликовым по своему сценарию — «Долгая счастливая жизнь», — удостоивается премии на фестивале авторского кино в Бергамо (Италия).
- 1970** Л. Шепитько ставит фильм «Ты и Я». «...Шепитько прочла точно. В разрозненных внешне вещах угадала или почувствовала общность замысла, настроения»¹.
- 1972** Картину «Пой песню, поэт» о Сергее Есенине, одном из самых любимых поэтов Шпаликова, снимает С. Урусевский.
- 1974** 1 ноября — трагически ушел из жизни. Это произошло в Доме творчества «Перedelкино». Похоронен на Ваганьковском кладбище.

¹ Г. Шпаликов. «Разрозненные заметки».

СОДЕРЖАНИЕ

«На меня надвигается...»	5

РЕДЕЕТ КРУГ ДРУЗЕЙ, НО — ПОЗОВИ...

«Поэтам следует печаль...»	13
«Ах, утону я в Западной Двине...»	14
«Ничего не получалось...»	15
«Чего ты снишься каждый день...»	16
Троим	17
«То ли страсти поутихли...»	18
«Почто, о друг, обижен на меня?...»	20
Утешение	21
«Друг мой, я очень и очень болен...»	22
«О, Паша, ангел милый...»	23
«Летняя дорога...»	24
«Саша, ночью я пришел...»	25
«Людей теряют только раз...»	27
Три посвящения Пушкину	28
Стихи к 8 Марта	30
«Живу в скворшне Кулешова...»	33
«Выпей со мной, Марьяна...»	35
«Хоронят писателей мертвых...»	36
Воспоминания об аэродроме	38
«Ударил ты меня крылом...»	39
Ойстраху	40
«Хочешь, нервы трепанем...»	41
«Сентиментальное путешествие...»	42
«Просыпаюсь и хожу...»	44

АХ УЛИЦЫ, ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРИЮТ

«Не принимай во мне участия...»	48
«Бывает все на свете хорошо...»	51
Можайск	52
«Ах улицы, единственный приют...»	54
Батум	55
Садовое кольцо	56
«От мороза — проза...»	57
«Я шагаю по Москве...»	59
Перед снегом	60
«В темноте кто-то ломом колотит...»	61
«Вчерашний день погас...»	63
«Далеко ли, близко...»	64
Песня	67
«Эта улица тем хороша...»	68
Острова в океане	70

НЕТ НАЗВАНЬЯ У ВОДЫ

«Рано утром волна окатит...»	75
Стихи 7 октября	77
«Отпоют нас деревья, кусты...»	78
Воспоминание о Ленинграде 65 года	79
Переделкино	80
«Сквозь, насквозь...»	81
«Самолеты, как мороженые рыбы...»	82
Сентябрь	83
«Моя веселость неуместна...»	85
«Я сомнения откину...»	86
«Я пуст, как лист...»	87
«Все лето плохая погода...»	89
Тишина	90
Обвинение дождю	91
Сон	92
«Обожал я снегопад...»	93
Песенка во сне	94
«Ночью от холода бросит в дрожь...»	96
Десять лет	97
Воспоминание про утро	98

«Серое, синее небо...»	99
Снег в апреле	100
«Переводы, переключки...»	101
Весна и душа — в снег	102
«Ах, путь короткий или долгий...»	103
Звездное озеро	104
«Пускай на ветер...»	105
Река	106

РАЗГОВОР О ЧЕБУРЕКАХ ПОВЕДЕМ

«Мы сидели, скучали...»	112
Зима	113
«Зубы заговаривал...»	114
«Разговор о чебуреках поведем...»	117
«Никогда не слышал, как кричат стрижи...»	118
«С работы едущие люди...»	119
«У лошади была грудная жаба...»	120
Умная леди	122
«Стоял себе расколотый...»	123
«Что за жизнь с пиротехником...»	125
Путешествие к молоканам	126
«Незаметен Новый год...»	130
«С утра кололи лед...»	133
Ночь	134
«В коммунальное помещение...»	135
«Сжигала женщина листву...»	136
«Мы поехали за город...»	137
О собаках	138
«За два дня до конца високосного года...»	139
«Это мне говорили...»	139
Стихи про телефоны	140
«По дорожке мы идем...»	142

РОЖЕЙ РАДУЮСЬ ТЕПЛУ

Половина девятого	146
«В январе уже тепло...»	147
Лето	148
Март	149

Апрельский вечер	152
Весна в Москве.	153
Геночка	154
«На подоконнике жена...»	155
До невозможного вкусные пирожки.	156
На первое солнце	157
«Солнце бьет из всех расщелин...»	158
«В лето, хорошо бы без билета...»	160

БЫВАЮТ КРЫЛЬЯ У ХУДОЖНИКОВ

В ту зиму.	165
«Это кладбище, на Ваганькове...»	166
«Бывают крылья у художников...»	167
«Мертвец играл на дудочке...»	169
«Хотел бы я писать всерьез...»	170
«Умер Пабло Пикассо...»	172
«По белому снегу...»	173
«За стеною, на баяне...»	175
Отвлеченные мысли, навеянные воспоминанием о Дмитрие Мережковском	176
«Не смотри на будущее хмуро...»	179
Квазимодо	180
Эллиняне.	182
«Кино при свете дня...»	183
Олеше	184
«Я жил, как жил...»	185
Посещение музея	186
Ночь. Утро	188
«Есть у раздражения...»	189
«Любите вы Листа...»	190
«Стихи — какие там стихи...»	191
О волшебном	193

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОБРАТНО

«Городок провинциальный...»	198
1941, детство	199
«Яблони и вишни снегом замело...»	200

«Я голову приподнимаю...»	201
«Не пойте песен про войну...»	203
«По несчастью или к счастью...»	205
«Фотокарточки, фотографии...»	206
Две песни из фильма «Пока фронт в обороне»	
«Я жизнью своею рискую»	207
«Спой ты мне про войну...»	208
«Так служим Отчизне...»	211
«Тишинский рынок, ах, Княжинский рынок...»	212
«Не насовсем прощались...»	213
Утро	214
Надоело!	215
Переулочек юности	218

НАДЕЯТЬСЯ, ЛЮБИТЬ, ПОВИНОВАТЬСЯ

«Понедельник, понедельник...»	222
Грустное	223
«Я тебя девчонкой знал когда-то...»	224
Песенка запрещенная	225
«Лают бешено собаки...»	227
«Справляли мы поминки...»	228
Телефон за городом	229
«Какая вы сейчас?..»	230
«Я сетую. На что я сетую?...» (1)	231
«Я сетую. На что я сетую?...» (2)	232
«О, как немного надо бы...»	233
«Спаси меня, Катя Васильева...»	234
Стансы. Попытка	235
«Жила с сумасшедшим поэтом...»	236
«Тебе со мною скучно...»	237
«Наташа, ты не наша...»	238
В Ленинграде	239
«Под ветром сосны хорошо шумят...»	241
Противоположность мнений	242
«Ни словом, ни делом...»	243
Редкое сновидение, или Жалко, что не в жизни	244
«Все неслышной и все бестолковой...»	246
«Колыханье живое свечи...»	247

«Я, ты знаешь, совсем не мелочный...»	248
«Берега чужие — чужды...»	249
Яблоки	251

БЕССОННИЦА

«Свадьбы, коим мы не судьи...»	256
Бессонница	257
«Случайность, странность — надоела...»	259
Путешествие к цыганам	261
«Живет актриса в городе Москве...»	262
«Ах, где чувства есть простые...»	264
«Меня влекут, увы, не те слова...»	265
Стихи о выздоровлении	267
«Неправда — жизнь не оборвалась...»	268
«О рыжий мой, соломенный...»	269
«Может, я не доживу...»	270
Стихи про свежую голову	272
«Остается во фляге...»	273
Долги	274
«Не ходи в дома чужие...»	275
Песенка («Я иду по городу...»)	276
«Собака ты, собака...»	278
«О, когда-нибудь, когда?...»	279
«Я сидел на скамейке...»	280
«Душа моя вошла ко мне...»	282
«Нет ни Бога, и нету черта...»	283
Алиса в стране чудес	284
«Душа рассталась с телом...»	285
«Не было ни снега...»	286

ДАШЕ

«Я помню, а ты и не вспомнишь...»	290
«Глаза мои опухали...»	291
«Прощай, мое сокровище...»	292
«Жили-были волки...»	293
«С утра по крыше ходит кот...»	294

После просмотра фильма «Дети райка» осенью 1973 года	300
Театр теней	302
«Забуду, слова перепутаю...»	303
Сто ворон и сто сорок и еще один сурок	304
Колыбельная	306
«Не прикидываясь, а прикидывая...»	307
«Есть такая девочка...»	309
Гром	310
Даше, на память	311
Зеленое	312
Даша Шпаликова и Утрилло	313

КИНОРОМАН

Пробуждение	318
«Я к вам травою прорасту...»	420
Хроника жизни и творчества Геннадия Шпаликова	421

Литературно-художественное издание

Шпаликов Геннадий Федорович
ПАРОХОД БЕЛЫЙ-БЕЛЕНЬКИЙ

Редактор *А. Корина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технические редакторы
В. Бардышева, Г. Соболева
Корректор *Г. Аушева*

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги,
брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.12.98.

Формат 70×100 ¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 10,1.

Тираж 10 000 экз. Зак. № 1240.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

ISBN 5-04-002405-3

9 785040 024056 >

Изготовлено в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ПОЭЗИЯ индекс: 122

Жизнь без поэзии бледна и уныла, как без пения птиц, благоухания цветов, без любви и красоты. Язык поэзии – язык возвышенного движения души, великой радости и светлой печали. Не все говорят на нем, но понять его может каждый. Для тех, кто хочет обогатить свою жизнь бесценными сокровищами поэтического слова, издательство «ЭКСМО» готовит серию книг, в которую войдут лучшие творения отечественных и зарубежных поэтов. Домашняя библиотека поэзии – это хлеб насущный для трепетных сердец и пытливых умов. Прислушайтесь к голосам Орфеев нашего века, и вы согласитесь, что жизнь без поэзии – просто не жизнь.

- 122015 **В.Высоцкий** «Я не люблю»,
122003 **Е.Евтушенко** «Медленная любовь»,
122023 **С.Есенин** «Несказанное, синее, нежное»,
122004 **А.Ахматова** «Ветер лебединый»,
122002 **А.Тарковский** «Белый день»,
122016 **Р.Гамзатов** «О любви я пою»,
122005 **М.Цветаева** «Просто – сердце»,
122024 **М.Цветаева** «Час души»,
122025 **Н.Заболоцкий** «Меркнут Знаки Зодиака»,
122022 **О.Хайям** «Как чудесен милой лик»,
122018 **Р.Бернс** «Страсти детская игра»,
122006 **Ш.Бодлер** «Цветы зла»,
122017 **Н.Рубцов** «Улетели листья»,
122026 **И.Бунин** «Под открытым небом»,
122027 **А.Фет** «Трепет жизни»,
122019 «Гори, гори, моя звезда» (старинный русский романс),
122028 **С.Надсон** «Аккорд еще рыдает»,
122029 **В.Жуковский** «Золова арфа»,
122030 **Хафиз** «Вино вечности»,
122031 **А.Блок** «Тайный жар»,
122032 **В.Маяковский** «Вам я душу вытащу»,
122033 **А.Галич** «Песня об отчем доме»,
122034 **В.Высоцкий** «Кони привередливые»,
122035 **Л.Филатов, В.Гафт** «Жизнь – Театр»,
122036 **Г.Шпаликов** «Пароход белый-беленький».

ПОДПИСКА НА СЕРИЮ
И НА ОТДЕЛЬНЫЕ
КНИГИ.

Все издания объемом
400-550 стр., золотое
тиснение, офсетная
бумага, шитый блок.

Цена одной книги 20 р. 90 коп.

В планах издательства:

Сборники стихотворений Б.Ахмадулиной, Ю.Друниной, Э.По, Р.Киплинга, Камюэнса, В.Шекспира, А.Пушкина, М.Лермонтова, К.Бальмонта, Ф.Сологуба, И.Северянина, М.Петровых и др.

Вы можете заказать эти книги по адресу: 111116, г.Москва, в/л 30, «ЭКСМО-ПРЕСС». Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте. Телефон в Москве для оптовых покупателей: 932-74-71. На территории Украины Вы можете заказать эти книги по адресу: 340000, Украина, г.Донецк, а/я 33, «КНИГА – ПОЧТОЙ»

